

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

3

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

СВЕТА

1987

ИСКАТЕЛЬ 3

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

1987

В ВЫПУСКЕ:

Борис ВОРОБЬЕВ

3

ВЕСЬЕГОНСКАЯ ВОЛЧИЦА

Повесть

Павел АМНУЭЛЬ

97

И УСЛЫШАЛ ГОЛОС

Фантастический рассказ

Эрик Фрэнк РАССЕЛ

109

ДЬЯВОЛОГИКА

Фантастический рассказ

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

№ 159

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу

ПОВЕСТЬ

НЕНАВИСТЬ

1

Тяжело прошумел в верхах ветер, сорвал с веток снег, осыпав радужной пылью спины лежащих внизу волков. Ель покачнулась, и Егор еще теснее прижался к стволу, запоздало пожалев о том, что не догадался взять из дровней веревку. Сейчас привязался бы и ни о чем не думал. Уж лучше бы замерз, чем волкам в зубы...

Вот ведь как все повернулось! Какой год охотится на этих самых волков, перестрелял и переловил незнамо сколько, а надо же — самого загнали на дерево! Эх, жизнь-жестянка, не знаешь, где и упадешь... Разве думал, когда ехал на делянку, что волчица выследит его и здесь? Другое дело — подстерегла бы у себя на болоте, так нет же, сюда принесло окаянную!

Часов у Егора не было, но он и без них определил, что сидит уже больше часа. Правда, пока сидеть было можно — сквозь полушубок и ватные брюки ни ветер, ни мороз не проникали, тепло и ногам в валенках, и все же никакая одежда не поможет, если придется ждать долго. Но верить в это не хотелось. По прикидкам выходило, что волки не догнали лошадь — больно уж быстро вернулись — и сейчас она уже в деревне, и там идет суматоха.

Егор представил себе, как бегают деревенские мужики и бабы, как распоряжается всем председатель, и ему стало радостно на душе от нарисованной картины. И только мысль о жене и дочке приглушала радость. Ладно дочка, три годка только, ничего еще не понимает, а жена небось ревмя ревет, небось думает, что его и в живых уж нету. Он вспомнил, что, уезжая, наказал жене истопить к его возвращению баню и она, наверное, истопила, а он сидит тут, как цуцик. Одна радость — табак.

Махорка и спички были в кармане, и Егор покурил, а окурок бросил на головы волкам — приятно было хоть чем-нибудь досадить зверям.

Мысли вернулись к старому. Ну надо же, как все сошлось! Приехал, называется, за бревнами! А ведь мог бы додуматься, что дело добром не кончится, ведь все шло к этому. Сначала Дымка сожрала, а потом волчица к дому приходила — мало тебе этого? Нет, заладил, как дурак: ничего ему волки не сделают! Сиди теперь, кукуй, раз такой смелый, да моли бога, чтобы в деревне поскорее хватились... А все волчица. И откуда только взялась такая курва? Вишь чего надумала — за выводок рассчитаться! Сколько раз брал выводки, и ничего, а эта взбеленилась. Полгода прошло, а все не забыла...

Художник Юрий МАКАРОВ

Прошло, и верно, полгода, волчий выводок Егор взял в мае, а вообще-то охотничьи дела его были давние, такие, что не сразу и вспомнишь.

2

Охотиться Егор начал рано, мальчишкой еще. Да и как по-другому, когда все Бирюковы испокон веку были охотниками? И не какими-нибудь, а волчатниками. Волчатниками были и отец Егора, и дед, и прадед, Тимофей Бирюков, известный на всю округу тем, что охотился с ручным волком. Как этот волк попал в дом к прадеду — взял ли его Тимофей Бирюков волчонком или подранил взрослого зверя, а потом приручил, — никто из Егоровой родни не знал. Даже дед ничего не помнил про то время, потому что был совсем мальцом, когда отец пропал в лесу. Без следа пропал и без слуха — ушел и сгинул вместе со своим волком. Пропасть в дремучем лесу — дело нехитрое, там с человеком всякое может случиться, однако молва не связывала гибель Тимофея с дикостью здешних мест. Не такой был человек Тимофей, чтобы взять да и заблудиться или ненароком свернуть шею в каком-нибудь буераке. Нет, не по своей оплошности пропал Тимофей — не кто другой, как волк, погубил охотника. Видать, навел на него стаю и звери загрызли Тимофея.

После такого случая в самый бы раз остерегаться Бирюковым, держаться подальше от леса, да где там! Завязтого права были все, с ружьем не расставались, передавая один другому опасную науку волчьих облав и выслеживаний.

Лет с двенадцати стал охотиться и Егор. Сначала было вроде забавы, а потом пристрастился по-настоящему. Стрелял из дедовой берданки зайцев да боровую дичь. Добывал немного — не хватало ни силенок, ни сноровки, ни огневого припаса, но и то, что приносил, было приварком для стола, где, кроме картошки и молока, других разносолов не водилось. Время стояло трудное, шла война, и на отца уже получили похоронку, а у Егора были еще две малые сестренки. Тут каждый лишний кусок был к месту.

Нехватка пороха и дрови, понятно, беда для охотника, зато это приучило Егора стрелять редко, но метко. И годам к шестнадцати он стал первым стрелком в деревне, а к двадцати решил больше не гоняться за мелочью и взялся за волков. Их в том глухом углу Калининской области, под Весьегонском, всегда хватало, а после войны развелось видимо-невидимо. Стрелять зверье было некому, мужиков в деревнях повыбило войной, и волки окончательно обнаглели. Собакам и скотине от них не было спасу. Поэтому никто не удерживал и не отговаривал Егора от того, чтобы стать волчатником. Все знали о его меткости и удачливости, к тому же и выгода получалась немалая, поскольку за каждого убитого волка в заготконторе платили по пятьсот рублей.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Волк — зверь серьезный, тут старая берданка плохая подмога, а еще и картечь нужна, и капканы. А где взять? Спасибо председателю сельсовета, выручил. Вместе с Егором ездил

в район, хлопотал о ружье и капканах. Уважили председателя, как-никак фронтовик, две Славы имеет, и вручили Егору в счет аванса новенькую «тулку» двенадцатого калибра и три волчьих капкана, густо смазанных солидолом. Отвесили порошу и дробь с картечью.

Вроде все устроилось, однако скоро начались нелады. Сходясь раз с охотничьей бригадой на облаву, Егор заявил председателю сельсовета, что будет промышлять один, потому как мотаться по лесу без толку он не согласен. Разве это охота, когда все галдят, как вороны, курят и гремят разными железяками?

Председатель, всю войну провоевавший в разведчиках, в душе был согласен с Егором, но положение обязывало его не допускать партизанщины, и он долго увещевал Егора, просил не идти против коллектива. В бригаде и так мало охотников, а уйдет Егор, вообще некому будет работать. Ну не получилось один раз, получится в другой, а бригадиру он скажет, чтобы подтянул у мужиков дисциплину.

Но Егор настоял на своем, хотя и хлебнул потом лиха. Бригада, какая она ни есть, все бригада, в ней каждый помогает другому и работает для всех, а один — он один и есть. Все делай и соображай сам, никто тебе ничего не подскажет. Пока до какой-нибудь волчьей хитрости докумекаешь — мозги набекрень сдвинутся.

Потому так и получилось, что за первую зиму Егор с грехом пополам добыл одного волка. Ох и смеялись охотники! Костили Егора на чем свет стоит, обзывали единоличником и куркулем, но Егор сопел в свои две дырочки и целыми днями пропадал в лесу.

Трудно давалось знание волчьих повадок. Взять хотя бы тропы. Это только кажется, что волки бегают по лесу без разбора, а на самом деле у них для всякого случая своя дорога. А какая и для чего — тут Егору пришлось поломать голову. Зато многое прояснилось, и Егор, наткнувшись на волчью тропу, уже не гадал, куда это направились волки, на охоту или на лежку, а мог сказать об этом в точности. А сами следы? Здесь тоже нужен был глаз да глаз, потому что глянешь — прошел один волк, а приглядишься — пробежала стая. Волки, когда их не гонят, бегают не враспынную, а друг за дружкой, след в след, потому и кажется, будто прошел один зверь.

Мало-помалу разобрался Егор и с волчьим воем, научился отделять голоса молодых от матерых, распознавать, о чем они воют. И сам стал подражать вою, вабить, как говорят охотники. Но и здесь тоже было много такого, что не лезло ни в одни ворота. Вот, скажем, завыл ты. Воешь, стараешься, даже голову задираешь по-волчьи кверху, а сам думаешь: да неужто волк, дикий зверь, не отличит этот вой от своего, волчьего?! Так не отличали ведь! Стоило завять, и вот уже откликнулся один, другой, третий. И уж тут не хлопай ушами, вой, подманивай зверя под выстрел. Егор и подманивал, дивясь волчьему неразумству.

Правда, не все волки поддавались обману, а уж волчицы, особенно старые, — те совсем редко. Ухитрялись неизвест-

но как отгадывать, что дурачат их, и ни за что не отзывались.

Словом, со временем дело у Егора пошло, и все насмешники прикусили языки. Да и о чем было говорить, если Егор за зиму меньше десятка волков не брал? В заготконторе с ним теперь здоровались за ручку и величали по имени-отчеству, а портрет Егора из года в год так и висел в сельсовете на Доске почета.

Чего бы не жить, спрашивается, но судьба рассудила по-своему, свела, как будто нарочно, с этой стаей на болоте. Гиблое место, всем болотам болото. Деревенские называли его Верховым, оно начиналось километрах в пяти от деревни, а где кончалось — не знал никто. Егор, не раз забредавший туда, был уверен, что, если идти болотом, никуда не сворачивая, упрешься прямым ходом в тундру — настолько обширными представлялись ему эти владения кикимор и леших. Верно, ни тех, ни других Егор там никогда не встречал, а вот одно-го болотного жителя знал, что говорится, в лицо.

Прошлой весной, в мае, Егор возвращался из леса. За целый день ходьбы портянки сбились, и Егор присел перемотать их. Разувшись, он разгладил портянки на коленке и уже начал было обертывать ногу, как вдруг увидел волка. Держа в зубах зайца, тот не спеша трусил совсем недалеко от Егора. День был безветренным, в неподвижности воздуха запах человека не долетал до волчьих ноздрей, и зверь не чуял Егора. Однако Егор замер: не учуял, так услышит, только шевельнись. Волк что кошка, чуть какой шорох, он уже тут как тут. А Егору не хотелось спугивать зверя. Во-первых, волк нес зайца, а во-вторых, бежал прямехонько на болото. Уж не к деткам ли? Заяц-то для какого хрена?

С того раза Егор стал все чаще кружить возле болота и даже углубляться в него, надеясь обнаружить волчьи тропы или встретить самих волков. Но те как в воду канули, зато тропы отыскивались вскоре. Изучив следы, Егор попробовал определить, велика ли стая. Получилось — четыре волка. И только зимой, когда звериные следы читались на снегу, как буквы на бумаге, выяснилось, что в стае семеро зверей. Это было то, что нужно, и Егор стал готовиться к охоте. Но все сорвалось из-за дурацкого случая: как-то, коля дрова, Егор попал по ноге и всю зиму просидел дома. Нога зажила лишь к апрелю, но в апреле какая охота, время упущено. Оставалось одно утешение — дожидаться, когда ощенятся волчицы. Стая жила на болоте, тут и гадать было нечего, и требовалось отыскать логово и взять волчат — хоть и половинная, а все же выгода. А там, глядишь, и до стаи руки дойдут.

...Егор покурил еще раз и опять бросил окурочек в волков. А между делом мороз стал донимать не на шутку. Сначала защипало щеки и нос, а потом холод проник и под полушубок. А тут еще и ноги затекли, и Егор вытягивал их и так и сяк, ворочался и трещал сучьями, и волки, словно чувствуя,

что ждать осталось недолго, задирали морды вверх и смотрели на Егора. Он показывал им фигу и матерился.

В лесу посинело, тени укоротились, а никто так и не сжал, и Егор подумал, что волки, видать, догнали кобылу. Конечно, догнали, разве убежит лошадь с дровнями от зверей? Потому и не едут, не знают ни о чем. В выходной у всех полно своих забот, кому какое дело, куда уехал Егор. Даже и конюх навряд ли вспомнит, потому что Егор обещал ему, что сам поставит лошадь в конюшню. Жена — та, конечно, дожидается, так ведь ни о чем таком и не думает. И представить себе не может, что волки его на дерево загнали. Топит себе баню да ждет. Дай бог, к вечеру догадается, что дело неладно, так не просидишь до вечера на суку-то. Не петух, лапки не подожмешь да голову под крыло не спрячешь.

От этой мысли Егора взяла злость, и он, увидев над головой сухой сук, отломал его и швырнул в волков. Но те лишь отбежали подальше. Егор невесело усмехнулся: нашел, чем пугать — палкой. Их бы сейчас картечью хлестануть, особенно эту сучку волчицу. У-у, тварь хитрющая! Все чует. Уж как он караулил ее после той ночи, когда она к дому приходила, и все впускаю. Как сквозь землю провалилась. А логово? Лучше всякой лисицы упрятала. Чуть не месяц искал, с ног сбился, и если бы не бинокль, не нашел бы...

4

Самое время искать логова — май. Волчицы щенятся в конце марта — начале апреля, и выводки надо брать до июня. Не возьмешь — волчата подрастут и не дадутся в руки. Услышат, что подходишь к норе, убегут и спрячутся. И тут ты хоть разыщишь их.

Такой случай у Егора был, поэтому нынешней весной он не хотел упускать сроки и, как только справили праздники, наладился на болото.

Кто рано встает, тому бог дает — об этом всегда твердил дед-покойник, к этому приучил и внука, и Егор вышел из дому чуть свет. Солнце только-только выкатилось из-за частокола елок и по крутой дуге поднималось на небо, где, как белье на веревках, висели чистые, подсиненные облака. В избах топились печи, мычали во дворах коровы, а собаки от калиток провожали Егора незлобивым, с ленцой, брехом. Ночью прошел дождь, сильно пахло водой и распутившимся березовым листом, и Егор подумал, что, раз береза пошла в лист, холодов больше не будет.

Легко дышалось Егору в то теплое майское утро. Две недели назад, как раз на пасху, ему исполнилось двадцать шесть, он был три года женат, души не чаял в маленькой дочке, а охоту не променял бы и на золотые горы. Конечно, лето — пора не охотничья, летом зверь и птица выводят потомство, и бить их в это время запрещено, но для дела, которым занимался Егор, запретных сроков не устанавливалось — волка разрешалось истреблять круглый год. И какими хочешь способами. Хочешь — стреляй, хочешь — лови капканами, а желаешь — мори отравой. Егор так и делал,

правда, отравой не пользовался, брезговал, считая, что морить ядом какого-то зверя, пусть даже волка, — не охотничье занятие. Волк — не клоп и не таракан, а животное умная и хитрая, вот и добудь его по правде, ежели ты охотник.

Забота на зиму у Егора была — стая на болоте. Но это — на зиму, до нее еще дожить надо, а вот волчата, которые растут где-то в логове, — неплохой прибавок. Волки по малу не приносят, шесть-семь волчат, бывает и больше, но Егор на много не замахивался. Пусть будет хотя бы пяток, вот тебе и полторы тысячи в кармане. За волчонка платят по три сотенных, а полторы тысячи — это полкоровы.

В голове все складывалось куда как складно, однако Егор знал: отыскать логово — не гриб найти. Конечно, волки далеко в болото не полезут, там им прокорма не хватит, устроятся где-нибудь поближе в лесу да к деревне, но где? С любого края могут окопаться, и будешь неделю ходить вокруг да около, пока не наткнешься. Да еще как сказать, наткнешься ли...

Болото встретило Егора тяжелым запахом испарений, сыростью и той особенной тишиной, какую хранят тайные, дремучие места. словно некая завеса отделяла болото от остального мира, от его привычных звуков, здесь против воли хотелось ступать неслышно, а говорить шепотом, как будто и шаги, и слова были запретны среди этих трясин и зыбей.

Ярко-зеленый весенний мох пружинил под ногами, как губка, процеживал сквозь себя коричневую торфяную воду, которая до краев наполняла глубокие вмятины следов. Множество островков, поросших частой березовой молодью и невысокими кривыми соснами, были разбросаны по болоту вплережку с окнами открытой воды, огороженными, как частоколом, зарослями рогаза и осоки. Такие окна могли скрываться и подо мхом, посмотришь иной раз — вроде безобидный зеленый лужок, а наступишь — и поминай как звали, и Егор остановился, чтобы подобрать шест — будет чем прощупать подозрительное место. Всяких лесин валялось вокруг множество, и нужно было только обрубить сучки у подходящей.

Топора у Егора не было, он никогда не брал с собой топор, который в лесу вечно за что-нибудь да цеплялся; не хуже топора ему служил нож, изготовленный деревенским кузнецом Гошкой. С ручкой из лосиного рога, с широким и тяжелым лезвием, нож годился для любого дела. Им Егор снимал шкуры, рубил лалник для подстилки и валежник для костра, а на спор перерубал даже гвозди.

Пригодился нож и теперь. Через пять минут шест был готов, и Егор, опираясь на него как на посох, двинулся в глубь болота. Каждый островок в нем мог быть тем самым местом, где устроились волки, и Егор не пропускал ни одного, тыча шестом во все щели. Ноги то и дело проваливались в колдобины, но хуже всего было в чашобе, сквозь нее приходилось продираться согнувшись, да еще увертываться от веток и сучков, и скоро Егор взмок. Отыскав во мху бочажок, он на-

пился из пригоршни, обмыл лицо. После воды потянуло курить, но Егор, жалея время, пересилил себя и пошел дальше.

Солнце, повисев над головой, медленно покатилося к закату, когда Егор решил: на сегодня хватит, и так забрался черт-те куда, пора выбираться. Найдя место посуше, он растелил мешок и сел. Полез было за махоркой, но вспомнил о сале и достал из кармана сверток. Развернул тряпицу, разломил хлеб, нарезал сало ломтями. На теплой погоде оно потеряло твердость, но от одного только чесночного духа у Егора потекли слюнки. Он ел сало со шкуркой и между делом посматривал по сторонам.

Болото на глазах меняло свой облик. Воздух над ним чуть заметно посинел, и эта синевя, смешиваясь с зеленью мха, осок и листвы, как туман, окутывала все вокруг, перемещалась и пульсировала, словно живая, странным образом изменяя формы и очертания. Повсюду мнилось чье-то движение, слышались какие-то вздохи, какое-то клокотанье и шипенье, а время от времени на поверхность темных окон вырывались громадные пузыри и тут же лопались, чтобы освободить место новым. Казалось, что на всем болоте происходит какая-то невиданная варка, что кто-то, загрузив этот огромный котел, удалился до поры до времени и где-то ждет результатов своего опыта. Сгущаясь, испарения стояли над болотом, как чад, и лучи низкого солнца, пронизывая его, вспыхивали и переливались крошечными разноцветными искрами.

Пора было выбираться из этих душных и обманчивых хлябей. Свернув напоследок сигарку, Егор с удовольствием покурил. Он не считал, что день прошел зря. Начало сделано, и это главное. Завтра надо поглядеть с другого края. Ни в какое везение на охоте Егор не верил. Везет только дуракам — это точно сказано. А охота терпения требует. Здесь одним махом да наскоком шиш чего добьешься. Но и зря волынить тоже нечего. До конца месяца, кровь из носа, а надо найти логово. Не найдешь — накрылись твои полторы тысячи.

Но и следующие дни ничего не дали. Егор приходил домой затемно и, даже не поев, валился в постель, а утром снова снаряжался и уходил на болото. Он уже признался себе, что дело оказалось труднее, чем думалось. Громадная протяженность болота путала все карты, и чем дальше Егор проникал в него, тем яснее сознавал, что так можно проискать и де морковкина загovenья. Он не знал главного — хотя бы примерного направления на логово. Верно: троп много, а по какой идти? Все так и так не облазит. Тут сам господь бог не разберется.

Господь, может, и разобрался бы, а Егору отступать было некуда, и он в конце концов придумал выход из положения. Правда, здесь ему требовалась помощь, но Егор надеялся, что ему не откажут. С этим он и отправился ближайшим вечером в дом председателя сельсовета.

Там ужинали — ели жареную картошку. Большая сковорода стояла посередине стола, за которым сидело все семейство.

— А-а, Егор! — сказал председатель. — В самый раз поспел, присаживайся к нашему шалашу.

Егор только что отужинал дома, но обижать хозяев отказом не стал.

— Ну как, нашел? — поинтересовался председатель, освобождая Егору место рядом с собой. Он был в курсе всех его охотничьих дел и, видно, подумал, что Егор зашел поделиться с ним очередной удачей.

— Нет еще, — ответил Егор.

— Что так? Чай, вторую неделю ходишь.

— Так болото, Степаныч. Прорва.

— Выходит, не найдешь?

— Найду, никуда не денутся.

— А не опоздаешь? Они к концу месяца уже шустрыми станут, черта с два дадутся в руки.

— Раньше возьму. Ты мне помоги только, дай бинокль денка на два.

— А на кой он тебе? — удивился председатель.

— Есть одна мысль. Гриву возле Сухого ручья знаешь? Сделаю на сосне засидок — никакой волк мимо не проскочит. А мне бы только узнать, в какую сторону они бегают.

— А что, верно! Мы на фронте так делали. Залезешь, бывало, куда повыше, а оттуда в бинокль все как на ладони. — Председатель прошел за перегородку и через минуту вернулся с биноклем. — На, дарю. — И, видя удивление Егора, рассмеялся: — Бери, бери, у меня он все равно без дела лежит!

Бинокль был немецкий, трофейный, и увеличивал так сильно, что когда Егор однажды смотрел в него, то видел всю деревню до мельчайших подробностей. Имей он такую технику, не бегал бы по лесу, высунув язык. Но взять бинокль за просто так Егор не мог. Поэтому и предложил:

— Давай баш на баш, Степаныч.

— Это как же? — прищурился председатель.

— А очень просто. Ты мне бинокль, а я тебе — нож.

— Гошкин? И не жалко?

— Подумаешь! Сам вон чего отдаешь, а мне нельзя?

Егор знал, что его предложение пришлось председателю по душе. Тот не раз любовался ножом, и Егор был доволен, что все получилось честь по чести.

5

...С каждой минутой сидеть становилось нелегко. Насквозь промерзшие валенки сделались как деревянные, полушубок стоял колом. От ледяного ветра у Егора ломило лоб, замерзшие пальцы не сгибались, и он, чтобы не упасть, привалился боком к стволу. Стало как будто легче, и Егор устало закрыл глаза...

6

Утром Егор ушел в лес ни свет ни заря. Всю охотничью амуницию он на этот раз оставил дома, взяв с собой лишь бинокль, гвозди и топор. Нож, хотя он и оставался пока у Егора, для сегодняшнего дела не подходил. Рубить хворост

или лапник — это совсем не то, что строить засидок. Здесь без топора не обойдешься.

План Егора выглядел так.

Грива возле Сухого ручья, о которой он говорил председателю, была песчаной косой, глубоко вдававшейся в болото и заросшей столетними соснами. На одной из этих сосен Егор и намеревался соорудить засидок, а проще говоря, помост, чтобы с него рассматривать в бинокль все, что делается на болоте. Волки не могли целыми днями сидеть возле логова, им надо было кормить волчат, бегать туда-сюда, и Егор надеялся рано или поздно засечь в бинокль какого-нибудь волка, а уж тот наведет его на логово. Но осложнения могли возникнуть и здесь. Попадись на глаза переярочек — он не помог бы делу. Летом переярки держатся сами по себе, матерые их близко не подпускают к логову, так что засекать требовалось взрослых, волка или волчицу. Только они знали, где логово, и могли показать след.

Егор быстро отыскал то, что ему было нужно, — высокую сосну, росшую на самом краю гривы. Дерево было старое, кора на нем задубела и растрескалась, а нижние сучья давно высохли и отвалились, и чтобы добраться до крепких лап, приходилось ладить лестницу. Делать настоящую Егор не собирался, проще было прибить к стволу метровые поперечины, и он, свалив две сушины, через час управился с делом. Оставалось забраться повыше и смастерить помост. На это ушел еще час, и когда Егор наконец устроился на лапнике, как на полатах, то вслух обругал себя: не мог додуматься до простого дела сразу, целую неделю потерял зря.

С высоты засидка болото и в самом деле просматривалось далеко: каждый островок на нем, каждое окно виделись по отдельности. Егор снял телогрейку, свернул ее поплотнее и подложил под локти. Потом достал из чехла бинокль, подрегулировал резкость и повел окуляром из стороны в сторону, прикидывая, откуда лучше всего начать.

Первыми, кого увидел Егор, были две цапли. Будь Егор на земле, он ни за что не заметил бы их — заросли тростника и рогоза скрывали цапель с головой, но с помоста, приближенные сильным увеличением, птицы гляделись как на картинке. Серые, с темными крыльями, с хохлами на головах, они раскачивали взад-вперед по залитой водой низине, временами замирали на секунду и вдруг делали быстрый выпад длинными шеями. Как ножницы, раскрывались клювы, и цапли, запрокинув голову, заглатывали добычу. Егор даже рассмотрел, какую — лягушек. У бедолаг был в разгаре любовный сезон, ошалев от избытка чувств, они потеряли всякую осторожность, и цапли ловили их без всякого труда. Они глотали лягушек с необычайной легкостью, и Егор не удивлялся этому — он не раз видел, как цапли с такой же легкостью заглатывали на речке язей величиной с ладонь. Лягушки были для прожорливых птиц сущей мелочью.

Слева на берегу зашевелились кусты, и Егор сильнее прижал к глазам бинокль, готовый вот-вот увидеть среди нежной

зелени темно-серое волчье тело. Но вместо этого из кустов вышел лось. Постоял, как лошадь, поводя в разные стороны ушами, и не спеша пошел вдоль закраины. Он явно не собирался заходить на болото, и Егор, разглядывая лося, подумал: уж не тот ли это, которого в позапрошлом лето он с мужиками вытаскивал из трясины? Похож, да и на болото косится, как собака на палку, как будто знает, что туда лучше не соваться. Если тот, тогда все понятно. В тот раз его ребятишки увидели. Пошли за камышовыми шишками и наткнулись. Бегом в деревню. Ну мужики и снарядились. Веревки взяли, топоры. Как раз поспели, лось уже увяз, одна голова торчала. Еле вытащили веревками да вагами...

Время шло, а никаких признаков того, что где-то по соседству затаились волки, не было. Чтобы как-то развеяться, Егор несколько раз покурил в кулак. Он не опасался, что волки учуют махорочный запах на такой верхотуре, но за время лесной жизни курение в кулак стало привычкой. Береженного бог бережет, говорил, бывало, дед, приучавший Егора ходить в лесу тихо, не трепать попусту языком и не оставлять после себя разных едких запахов. И Егор помнил дедовы наказания, но сегодня был не тот случай, когда следовало соблюдать всякие хитрые правила. Засидок засидку рознь. Вот если бы караулить на лабазе медведя, ворующего овсы, — дело другое. Тут сиди тихо, не дыши, а уж о куреве и не вспоминай лучше. Выкуришь «гвоздик» — все испортишь. А нынешняя засада — и не засада вовсе. Просто надо подглядеть, куда да откуда бегают волки, и одна-другая сигарка здесь не помеха. Здесь главное — не шуметь. Так ведь он и не шумит, а если и споет какую частушку со скуки, то потихоньку, а не на всю ивановскую.

Волк, как и всегда, появился неожиданно. Крупный, лобастый, с прямым, как бы струящимся по воздуху хвостом, он легко перепрыгивал выворотни и завалы, все дальше углубляясь в болото. Никакой добычи волк не нес, но это ничего не значило. Он мог проглотить мясо, а потом отрыгнуть его у логова.

Егор сразу узнал волка — это был его прошлогодний знакомец. Раньше, когда Егор еще не имел дела с волками, он числил их всех на одно лицо. Да по-другому и не получалось. Волков нельзя было различить, как собак, по масти, все они серые, поди разберись, кого из них ты встречал, а кого не видел ни разу. Но, столкнувшись с волками поближе, Егор убедился, что среди них нет ни одного похожего, все они были разными, и для опытного человека запоминались с первого взгляда. Как люди, которые по-разному ходят, по-разному что-то делают, разговаривают и смеются, так и волки по-разному бегали, различались статью и привычками. Охотник, встретивший волка один раз, уже не путал его с другими.

До зверя было метров триста, не больше, и Егор хорошо видел его — матерого, мощного, но еще не кончившего линять и оттого казавшегося тощим. Особенно впалы были волчьи бока, не успевшие обрасти новой шерстью, старая же лезла всюю, образуя на шкуре целые проплешины.

Егор прикинул направление, которого держался волк, и рассудил, что тот скорее всего метит к видневшемуся вдали сосновому островку, темная зелень которого пятном выделялась среди весенней зелени остального болотного мелколесья. На островке наверняка было повыше и посуше — чем не место для логова?

Между тем волк добежал до островка и скрылся в кустах. Егор с нетерпением ждал, что будет дальше. Если он ошибался и логово было в другом месте, волк мог с минуты на минуту объявиться на противоположном конце островка. Но если логово там, зверь выйдет не скоро. Пока волчат накормит, пока сам отдышится. Небось километров сто отмахал за день. А если на островке не логово, а лежка? Хоть и волк, а не круглые же сутки ему бегать, надо и отдохнуть.

Волк не появлялся. Логово или лежка? Выяснить это сегодня Егор не мог по одной простой причине — он не захватил с собой мешка. Подумал: чего таскать лишний груз, когда сначала нужно узнать, где окопались волки. Не рассчитывал, что в первый же день повезет. А вот поди ж ты, повезло. Но идти без мешка нельзя. Если логово — волчат за пазуху не положишь. И на ночь не оставишь, потому что за ночь волки перенесут их в другое логово. У них для таких случаев запасные квартиры имеются. Так что пусть подождут до утра, как говорят, утро вечера мудренее.

7

...Привалившись боком к стволу, Егор устало закрыл глаза. И тут же ему показалось, что он запрокидывается и падает, и он закричал, как в страшном сне, и ухватился за ствол. Был ли это миг краткого забытья или он действительно чуть не упал, Егор так и не понял, но смерть в волчьих зубах представилась ему с такой ужасающей реальностью, что он ощутил и боль от клыков, рвущих тело, и смрад, идущий из разинутой волчьей пасти.

И впервые в жизни Егор подумал, что, может быть, такая смерть ему и назначена. Быть у воды и не замочиться? Все время с волками, когда-нибудь да промахнешься. Вот и дождался. Сожрут, как тудохлятину, какой сам же прикармливал их...

8

Логово — неглубокая яма, оборудованная, по-волчьему обыкновению, без всякой подстилки и боковых ходов, — было вырыто среди корневищ двух сросшихся между собой сосен. Вокруг валялись обглоданные кости и остро пахло волчьей мочой.

Волчата, сбившись в тесную кучку, поглядывали на Егора скорее с любопытством, чем со страхом. Страх еще сидел в самой глубине звериных душ, высвободить его оттуда мог только опыт, а какой опыт у волчат, которые еще недавно были голыми и слепыми?

И все-таки они почувствовали опасность и, когда Егор стал

вытаскивать их из ямы, огрызались и норовили вцепиться острыми зубками в руку. Егор отвлекал их внимание и, хватая за шиворот, тут же совал в мешок. Волчата ползали по его дну, тыкались носами в углы и потихоньку скулили.

На все ушло не больше десяти минут, и, завязывая мешок, Егор в который уже раз подивился странному свойству волков, которые даже и не думали спастись потомство. Все звери и птицы защищают свои выводки, на что уж клуша — и та глаза выклюет за цыплят, а волки нет. Убегают и смотрят на все издали, и Егор не мог объяснить себе, в чем тут дело.

Но коли речь зашла о странностях, то и сам Егор слыл среди остальных охотников человеком с причудами. А как сказать по-другому, когда все, кто занимался добыванием волчьих выводков, всегда убивали волчат — палкой, прикладом, кто как умел, а Егор не убивал? Он без всяких раздумий стрелял взрослых волков, ловил их капканами, но волчат приносил живыми. Живыми сдавал и в заготконтору, чем поначалу вызвал там полный скандал. На него смотрели как на дурачка, спрашивали: «Ты что, парень, того?», но, когда Егор молча сложил волчат обратно в мешок, заготовители притихли. План есть план, за каждую лишнюю шкуру им шли премиальные, и они рассудили, что какая разница, от кого принимать шкуры — от умного или от дурака. Егора мало заботило, как о нем думали в заготконторе. Давали бы порох и другие припасы, а больше от них ничего не требуется. И ему давали. И даже больше, чем другим, потому что никто не приносил за сезон столько шкур, сколько Егор.

Неплохой почин был сделан и нынче. До зимы еще ждать да ждать, а пять шкур вот они, в мешке. Те самые полторы тысячи, которые чуть не уплыли из-под носа, не придумай он номер с биноклем. И ведь что интересно, рассуждал Егор. Ведь загадывал, что пусть будет пять волчат, пять и получилось. Как по заказу! А выпадет снег, он и до всей стаи доберется.

9

...Его все сильнее удивляло, почему так долго никто не едет, но, представив себе ход событий, он понял, что по-другому не может быть. Если даже лошадь и убежала от волков, в деревне не сразу раскачаются. Сперва пойдут к конюху узнавать, кому и по какому делу тот давал кобылу, а уж потом кинутся к председателю.

Но больше всего надежд у Егора была на жену. И конюх, и все другие могли и не вспомнить о нем, но жена не могла. По времени догадается, что что-то случилось. Баня, чай, давно остыла, а ведь он обещал к бане. Да не в этом даже и дело. Сердце женское обо всем скажет, голубиная Машина душа. Хорошо, что он ничего не сказал ей тогда про волчицу, пусть лучше думает, что запозднился мужик, приедет...

Хотя Егор брал выводок не первый раз, он не считал себя специалистом в этом деле. Так же, как и в охоте с флажками. Отказавшись от нее с самого начала, он потом все же попробовал себя два раза на облавах, но так и не прикипел к ним душой. Самое интересное в облавах, к чему Егор имел расположение, было выслеживание стаи. Здесь требовалась сметка, знание звериных повадок и терпение, а настоящих помощников у Егора так и не нашлось, и он окончательно поставил на облавах крест.

Капканы — вот это по нему. Здесь он один выступал во всех лицах — сам выслеживал, сам приваживал волков и ставил капканы, сам добывал из них зверей. Никто не мешал ему, не советовал и не кричал под руку, но зато никто и не помогал, когда приходилось брать волка.

Одно было плохо: капканый промысел был занятием сугубо сезонным. На него в году падало в лучшем случае три-четыре месяца, в остальное же время приходилось перебиваться с хлеба на квас. Была, правда, отдушина — выводки, но Егор занимался ими без особой страсти. Не велика заслуга — брать беспомощных волчат. Мальчишка — и тот сможет. Проще простого дело: пришел, сложил, как дрова, в мешок, и вся недолга. Даже ружья не надо. Зачем, спрашивается, ружье, когда обороняться все равно не от кого — ты только чихнешь, а волки уже и пятки смазывают.

Однако с некоторых пор Егор стал замечать, что вокруг него закрутилась какая-то непонятная кутерьма. Начать с того, что по ночам стал лаять Дымок. Ничего особенного в этом вроде бы и не было, Дымок лаял и раньше, на то он и собака, но тогда это был лай как лай, а теперь в нем слышался постоянный страх, что и удивило Егора. Конечно, Дымок был самой обыкновенной беспородной дворнягой, какие жили в каждом деревенском дворе, но трусости за ним никогда не замечалось. Наоборот, он не пропускал случая, чтобы не ввязаться в собачью драку, с яростью изгонял из огорода забредших туда коров и даже порывался ходить с Егором в лес, но там от него было пользы как от козла молока. Волки чуяли Дымка за версту, и Егор раз и навсегда внушил ему, что его место — при доме. Бегай, карауль, делай свои собачьи дела, а куда не просят, не суйся.

И вот Дымок стал бояться. Что ни ночь, он исходил лаем, просился в дом, и Егор не знал, что подумать, чем объяснить такую перемену в собаке. Раньше у Егора не было привычки просыпаться по ночам, теперь же его будил лай Дымка. Стоило выйти из дома, и Дымок подбегал, непривычно жался к ногам. Егор успокаивая, гладил собаку и всматривался в темноту. Что могло так пугать Дымка? Не волки же, в самом деле! Волки летом не подходят к деревне. Зимой — да, зимой в лесу мало пропитания, и звери наглей, а сейчас еды хватает везде. Но тогда что же? Не станет же Дымок пугаться ни с того ни с сего.

Так ничего и не надумав, Егор возвращался в избу, при этом Дымок норовил прошмыгнуть в дверь и устроиться на

мосту¹, но этого Егор, как истый деревенский житель, допустить не мог. Не хватало еще, чтобы собака жила в доме. И он выдворял Дымка обратно на улицу.

— А что как он взбесился, Егор? — спрашивала жена, которую эта ночная возня тоже будила.

— Еще чего! — отвечал Егор. — А то я не знаю, когда собака бешеная!

Но жена не успокаивалась и просила Егора утром же посадить Дымка на цепь, а то она боится отпускать дочку гулять, вдруг Дымок ее укусит.

— Посажу, — обещал Егор.

Но утром Дымок вел себя смирно, ласкался и вилял хвостом, как будто и не было никаких ночных страхов. А потом вообще все наладилось, Дымок перестал лаять, а если иногда и вспоминал о том, что он все-таки собака, то лаял, как в старые добрые времена, звонко, с веселой радостью.

И чего, дурачок, все неделю с ума сходил? — недоумевал Егор, еще не подозревая, что суета, в которую он был втянут последние дни, — лишь начало длинной цепи небывалых, можно сказать, событий; что против него уже составил заговор, в котором будут и противоборствующие силы, и кровь, и жертвы; и что первой жертвой станет именно Дымок.

В воскресенье после обеда Егор истопил баню.

Сопровождать хозяина в пределах дома и деревни было для Дымка делом его собачьей чести, и он не мог допустить, чтобы баня готовилась без него. Пока Егор носил воду и нагревал котел, Дымок с деловитым видом вертелся рядом и путался под ногами, но, видя, что хозяину не до него, решил наведаться к овинам на лугу. Там было полно мышей, а Дымок был не дурак набить себе брюхо на стороне, чем до глубины души возмущал Егора. Ладно был бы бездомным, а то и дом есть, и кормят, а все равно норовит подобрать, что плохо лежит. Еще заразу какую подцепит. Но все попытки отучить Дымка от дурной привычки ни к чему не привели, и Егор плюнул на свои старания. Как плюнул и сейчас, обнаружив, что Дымка и след простыл, и догадавшись, куда его понесла нелегкая.

Закрыв дверь, Егор разделся, поплескал из ковшика на раскаленную докрасна каменку и полез на полочку. Первый заход был для него всегда самым блаженным, и он хлестался до изнеможения, подбрасывая время от времени по ковшику, когда замечал, что пар достает не так, как сначала. Окатившись напоследок холодной водой, Егор пошел на улицу отдыхать. Баня стояла на самых задах, здесь никто не мог видеть Егора, и он сел на приступки, положив под себя веник.

День был жарким, но после пекла парилки этот жар казался прохладой. Обвевая разгоряченное тело, от реки дул ветерок, Егор подставлял ему лицо и, как кот, жмурился от удовольствия.

¹ М о с т — коридор.

Хорошо было вокруг. В синем небе с писком носились стрижи, над лугом порхали бабочки и летали стрекозы, а на берегах вдоль улицы гомонили грачи. Хотя дом Егора стоял с края, Егор не променял бы это место ни на какое другое. Чего еще надо? Все рядом, под боком — и распутившийся вовсю лес, и поля, и речка, от которой начинался луг, переходящий за деревней в пустоши. Когда-то на лугу косили, но постепенно сенокос отодвинулся дальше, луг зарос кустарником, и от прежних времен на нем остались лишь два овина. В косовицу в них по-прежнему складывали сено, но сейчас они пустовали, и только мыши вольготно чувствовали себя в прошлогодней сенной трухе.

Егор сходил в предбанник, свернул сигарку и опять сел на приступки, подумав при этом, что давно пора их обновить, доски стали совсем трухлявыми. Да и нижние венцы надо менять, баня-то сколько уже стоит, того и гляди завалится. Все руки не доходят, хотя бревна еще летом заготовлены и нужно только привезти их из леса. Но до зимы нечего и думать об этом: дорога — колдобина на колдобине. Подмерзнет, тогда и съездим.

Докурив, Егор раздавил пяткой бычок и поднялся с приступок, намереваясь сделать еще один заход в парилку, да так и остался стоять. То, что он увидел, повергло его в совершенное изумление: от овинов к бане мчался сломя голову Дымок, а за ним — Егор не поверил глазам — гнался на махах самый настоящий волк! Изумление Егора еще больше усилилось, когда он взглядел его — это был тот самый, которого он уже дважды видел на болоте.

Опешив от неожиданности, Егор продолжал смотреть на все как бы со стороны, словно это не за его собакой гнался неведомо откуда взявшийся здесь волк.

А положение на лугу складывалось трагическое. Дымок отнюдь не был гончаком и не мог соперничать в беге с волком. Дымка пока спасало одно: его гнал ужас, вселявший в несчастного пса силы, но их могло не хватить на такую скачку.

До бани оставалось не больше ста метров, и Дымок, наверное, уже уверился в спасении, но тут из кустов наперерез ему выскочил другой волк, поменьше, в котором Егор тотчас распознал волчицу.

Дымок оказался в «клещах». Это была самая настоящая засада, какую сплошь и рядом волки используют на своих охотах, когда один гонит, а другой поджидает жертву где-нибудь в укрытии. Спасения в таких случаях нет, потому что загнанный не успевает даже понять, что произошло.

Не понял этого и Дымок, а волчица рассчитала все точно. Прыгнув, она сбила Дымка с ног, сзади налетел волк, и Дымок завизжал, но визг сразу же оборвался и перешел в хрип.

И только тут Егор осознал, что на его глазах волки режут его собаку, а он стоит пень пнем. В руках был только веник, но это не остановило Егора. Закричав во все горло и подняв веник над головой, он кинулся спасать Дымка. Волки, увидев бегущего к ним человека, бросили собаку и скрылись в кустах, но когда Егор подбежал к бившемуся на тра-

ве Дымку, он увидел, что помогать тут бесполезно: шея пса была располосована как ножом, живот разорван. Дымок еще хрипел, но то была агония.

Постояв над собакой, Егор пошел обратно к бане и увидел жену. Испуганная и бледная, она смотрела на него как на сумасшедшего.

— Ты что, Егор?!

— Дымка волки зарезали!

— Господи! — сквозь слезы проговорила жена. — А я думала, с тобой что. Как ты закричал, у меня ноги так и подкосились, еле добежала.

— Ну ладно плакать-то, — сказал Егор. — Принеси-ка лучше лопату, надо Дымка зарыть.

Жена пошла к дому, но по дороге обернулась:

— Ты грех-то хоть прикрой, бегаешь голый. Увидит кто, растрезвонит по всей деревне.

Отправив жену с дочкой мыться, Егор по привычке лег полежать. Он всегда лежал, а то и спал час-другой после бани, и хотя сегодня она не удалась, давным-давно заведенный порядок взял свое.

Укрывшись полушубком, Егор лежал, надеясь, что подремлет хоть немного, но привычного спокойствия не было, мысли вертелись вокруг одного — что же за невиданный случай приключился сегодня?

Если бы Егору кто-нибудь рассказал о таком, он считал бы это брехней, охотничьей байкой, но это произошло с ним, а потому требовало объяснения. В том, что волчье нападение было не случайным, а заранее подготовленным, Егор ни сколько не сомневался. Но что плохого сделал Дымок волкам? Он и в глаза-то их никогда не видел, а уж тем более ничем не насолит им. Однако — разорвали. А до этого, видеть, караулили, к дому подходили — то-то Дымок и лаял. Но опять же спрашивается: для чего караулили? Конечно, волки при случае от собачатины не откажутся, но охотиться за собакой у всех на виду не будут. А тут охотились, засаду сделали. Но не для добычи, это точно. Если бы для добычи, не стали бы рвать, унесли. А эти кинули — вроде бы расправились за что-то, и дело с концом. Но за какие такие грехи расправляться-то! Ведь ничего не сделал Дымок этим самым волкам, ничего!

Егор встал, принес с моста крынку с молоком, не отрываясь, выпил половину. Катавасия с Дымком получалась интересная. С одной стороны, у волков не было никакого резона охотиться за ним, а с другой, получалось, что они глаз с него не сводили. И выпустили-таки кишки.

И тут у Егора мелькнула догадка: а что, если волки мстили? До сих пор он не верил в такие басни, хотя и слышал об этом от многих охотников. Но те наговорят, только слушай. А уж он-то, слава богу, знает волков, не первый год охотится. Разные случаи были, но чтобы волки стращали? Волки могли злить и даже выводить из себя, потому что были умны и хитры и требовали неотступного внимания, но

они не могли угрожать — это Егор затвердил как азбуку. Но тогда что же? Почему волки, которых он всегда презирал за трусость, ни с того ни с сего разорвали его собаку? Или разговоры о волчьей мстительности не сказки?

Похоже, что так оно и было, и стоило лишь согласиться с этим, как все непонятное вполне объяснялось, обнаруживались и причины, и следствия. Волкам было за что мстить — за выводок. И кому мстить — Егору. Вина же Дымка заключалась лишь в том, что он жил в доме ненавистного им человека. Но из этого вытекало, по мнению Егора, совсем уж несуразное. Если Дымок расплатился за чужие грехи, то кому-то придется расплачиваться за собственные? А кому? Так дураку ясно — Егору. Ведь волки, надо думать, на полпути не остановятся.

Но тут Егор разозлился. Не остановятся? Еще как останутся! Попробуют картечи — дорогу в деревню забудут. И за Дымка еще наплачутся.

Жене Егор ничего не сказал о своих подозрениях. Скажешь — потом сам не рад будешь. Начнутся всякие бабьи страхи и надоевшие разговоры о том, что давно надо бросить эту охоту, что самостоятельные мужики ею не занимаются, что Егора никогда не бывает дома, вечно он носится по своим лесам да болотам и когда-нибудь добегается. И снова будет рассказано о прадеде Тимофее, который ушел однажды в этот самый лес, да и доньше все ходит где-то. Всей деревней искали, а толку? Был человек, и нету, испарился. Нет, уж лучше помалкивать. Кто его знает, как там на самом деле с Дымком. Может, перебежал он все же волкам дорогу, вот они и посчитались. И нечего раньше времени поднимать панику, а надо заводить другую собаку. Как-то пусто стало без Дымка.

А между тем лето поворачивало на осень. Не успели и оглянуться, как подоспел сенокос, а там и уборка навалилась. Рабочих рук не хватало, и чтобы управиться до непогод, работали от зари и до зари и, ухोдившись за день, валялись спать как мертвые.

За работой забылись события, которые еще недавно казались важными и живо обсуждались на деревенских крыльцах и завалинках. Теперь они пустовали. Лишь бессонные деревенские деды выкуривали на них сигарку-другую и снова забирались на печи, чувствуя себя еще более одинокими среди беспредельной тишины и темноты.

Забылся случай и с Дымком. Волки никак больше не проявляли себя, и Егор окончательно утвердился в мысли, что все слухи о них как были брехней, так брехней и останутся.

Но не дожили и до осени, и Егор сделал неожиданное открытие: волки по-прежнему следили за домом. В нем теперь оставались только Егор с женой, а дочка вот уже месяц жила у бабок. За ней требовался присмотр, а ни Егора, ни жены по целым дням не было дома. Все время в поле. Там и обедали, а вернувшись, ужинали на скорую руку и ложились спать — уставали за день сильно.

В ту ночь Егор, как всегда, спал без просыпу и с трудом очнулся от толчков жены.

— А? — сказал он, думая, что уже утро и надо вставать и собираться на работу. Но в избе было темно, лишь лунная дорожка тянулась наискосок от окон к печке.

— Егор, а Егор, — шепотом сказала жена, — никак в окно кто-то стукнул.

Егор приподнялся на локте и посмотрел на окно. Оно было задернуто двумя половинками занавесок, доходившими до форточки; сверху спускалась занавеска покороче, оставлявшая в окне неширокую щель, в которой виднелось лиловое ночное небо. Ветерок шевелил листву сирени в палисаднике, и, кроме этого привычного шороха, Егор ничего не слышал.

— Вечно чего-нибудь придумаешь, — сказал он недовольно, готовясь снова лечь, но тут до его слуха донесся непонятный, но явственный звук. Словно дотронулись до стекла, и оно чуть слышно задребезжало.

Жена испуганно ухватила за Егора, но он отстранил ее и спрыгнул с кровати. Бесшумно ступая по половикам, подошел на цыпочках к окну. Звук, настороживший его, не повторился, но Егор обостренным чутьем чувствовал, что за окном кто-то есть. Стараясь не делать резких движений, он осторожно раздвинул занавески и чуть не отпрянул от окна: из-за стекла, освещенный луной, на него в упор смотрел волк. Встав передними лапами на завалинку, зверь всматривался в темную внутренность избы. Лунный свет отражался от стекла, и волчьи глаза горели жутким зеленоватым огнем.

Егор был не из трусливого десятка, да и лесная жизнь приучила его не пугаться неожиданностей и внезапных встреч, но сейчас он почувствовал, как по спине побежали мурашки. Чего-чего, но чтобы столкнуться с волком вот так, нос к носу, да еще у себя под окнами — этого Егор предвидеть не мог.

Несколько секунд волк и Егор смотрели друг на друга. Неизвестно, разглядел ли волк человека в темной избе, но раздвинутая занавеска наверняка спугнула его. Он спрыгнул с завалинки и, перескочив через ограду палисадника, исчез в темноте.

Егор не рассмотрел зверя как следует, но все же ему показалось, что это был не тот волк, который гнался тогда за Дымком. Окно низкое, и если бы тот встал на завалинку, достал бы до форточки. А нынешний ростом не вышел, еле дотянулся до середины окна. Волчица?

— Ну что там, Егор? — окликнула из темноты жена.

— Да нет никого, со сна тебе почудилось, — ответил он, стараясь говорить спокойно. Егор не хотел, чтобы жена узнала правду. Узнает — ни за что не станет жить в доме, уйдет к матери.

— Так ведь стучали, сам же слышал!

— Мало ли что слышал! Ветер, должно.

Егор прошел в чулан, выпил полковника воды и вернулся к жене.

— Спи давай, — сказал он, обнимая ее. — А то и будем колобродить всю ночь.

Утром, перед работой, осмотрев заваulinку и землю под окнами, Егор сразу обнаружил волчьи следы. Они были небольшие, и он подумал, что, наверное, прав: ночью приходила волчица.

Теперь все встало на свои места. Волки не успокоились и шастают прямо под окнами. Но что еще задумала эта треклятая волчица! Уж не до него ли добирается? Как будто он Дымок, которого можно подкараулить в кустах. Как же, держи карман шире! А вот тебя, стерва, подкараулить следует. Не хватало, чтобы какие-то волки, которых он переловил и перестрелял невесть сколько, бежали у него под домом!

Итак, война была объявлена, и Егор был готов к ней, но одно обстоятельство его все-таки тревожило. Начнется сезон, и придется целыми днями мотаться по лесу, а черт ее знает, на что способна эта ненормальная волчица. Раз не побоялась сунуться под самые окна, может и почище номер отчудить. Не дай бог, положит глаз на жену или на дочку.

От таких мыслей Егор распалялся, но поделаться ничего не мог. Лето. Не схватишь ружье и не победишь в лес отыскивать волков. Ночью все кошки серы, а летом что ни волк, то оборотень. То пнем прикинется, то кочкой обернется. Вокруг да около ходит, а никаких тебе следов: и мох, и трава, и кустики — все выпрямится.

Только снег мог помочь Егору, но до зимы было далеко, и он, пока суд да дело, попробовал подкараулить волков на засадах, чем сильно удивил жену, которая решила, что Егор окончательно спятил со своей охотой. Она не помнила, чтобы муж охотился по ночам, а тут, что ни ночь — ружье на плечо, и до утра. Может, она в конце концов и заподозрила бы, что дело не чисто, но Егора выручило неожиданное обстоятельство: на неделе в сарай забрался хорек и утащил курицу, и это дало Егору полное право заявить, что, если хорька не выследить, он разорит весь курятник. А поскольку хорь ворует ночью, то ночью его и надо ловить. Все выглядело правдоподобно, и Егор со спокойной совестью поджидал волков то у бани, то на огороде, то возле сарая. Поведение волчицы показывало, что она очень озлоблена, а в озлоблении любой — хоть зверь, хоть человек — теряет голову и решается на крайности.

Но волчица больше не пришла. То ли чуяла затаившегося человека, то ли и думать обо всем забыла, но только и Егору надоели ночные вылазки. Черт с ней, с дурой, сказал он. Не пришла, и не надо. Ей же лучше: повстречаемся на узкой дорожке — ног не унесет.

...Воспоминание о жене словно бы согрело Егора. И вообще он заметил, что уже не так холодно, как раньше. Это его обрадовало, он подумал, что мороз, должно быть, ослабел, и теперь ждать будет легче. Плохо было другое: Егора неудержимо тянуло в сон, и он боялся не совладать с собой и свалиться во сне с дерева. Так хотелось спать лишь после це-

лого дня хождения по лесу, когда усталость наваливалась, как ночью постен¹. Но с чего было уставать сегодня? Пешком не шел, ехал, а здесь только штабель и откопал. Даже погрузиться не успел — эти вот падлы не дали. Лежат, ждут. Не нажрались за осень. Чай, целую телегу схарчили всякой дохлятины, а все, как клячи, тощие. Тьфу!

Егору только показалось, что он плюнул, на самом же деле замерзшие губы не сложились, как надо, и плевок повис на подбородке, с которого и так уже свисали сосульки. В сосульках были и усы, и брови, но Егор не замечал этого. Его почему-то очень возмутил вид тощих волков, словно это было сейчас самым главным. Всю осень таскал им приваду, жрали, сколько хотели, а все не впрок. Тьфу!..

12

Привады осенью потребовалось и вправду много.

Кончался сентябрь, а с ним кончались и полевые работы, и можно было отдохнуть и отоспаться, но у Егора и теперь каждый день был на счету. До снега оставалось месяц-полтора, и нужно было успеть привадить волков к тем местам, где зимой Егор собирался ставить капканы. Приваживание — все равно что пахота: не вспахал — не посеешь и не пожнешь, не привадил волков с осени — зимой останешься с пустыми руками. Вот и приходилось чуть не каждый день разбрасывать на волчьих тропах приваду — дохлых овец или телят, а то и зайцев, если ничего другого не было.

Мяса требовалось уйма, и Егор добывал его как только мог, где случался падеж скотины — и у своих деревенских, и в других деревнях, и в районном ветпункте, куда привозили всякую животину для вскрытия.

Но самым доходным местом был мыловаренный завод. Там в длинных сараях стояли большие чаны, под которыми всегда горел огонь. Мыло варили из дохлых лошадей, и пустыр, на котором размещался завод, был завален костями.

До завода было семь километров, не ближний свет, зато мяса там всегда хватало. Мыловары, в основном мужики в возрасте, похожие в своих фартуках на мясников, встречали Егора радушно. Они уважали его за то, что он занимается таким опасным делом, и, не скупясь, оделяли кониной.

И все же иногда пахла не хватало — стая в семь волков могла съесть за один присест и центнер, и тогда Егор стрелял зайцев и ворон.

Работа была тяжелая и грязная, но зато Егор, осматривая время от времени приваду, радовался, видя, что волки вошли во вкус и угощаются регулярно. Это сулило удачу зимой: как бы звери ни осторожничали, голод погонит их к знакомым местам, где они привыкли находить пищу, а тут как раз и капканы. Правда, здесь многое зависело от вожака. Стреляный, тертый волк не подпустит стаю к приваде,

¹ Постен — одно из названий домового. По народным поверьям, наваливается на спящего, душит его.

пока не убедится, что она безопасна. А в стае, которую держал на примете Егор, хозяйкой была, конечно, волчица. То, что она сейчас ела приваду вместе со всеми, еще не уравнивало ее с ними. Сейчас у привады не было капканов, и волки знали об этом. Зимой все изменится. Зимой волк, прежде чем подойти к мясу, семь раз отмерит. И если поставишь капкан кое-как, на скорую руку, он его не только найдет, но и помочится на него — на, дурак, получай, коли не умеешь ставить.

Именно к такой ядовитой породе принадлежала и волчица, и Егор понимал, что зимой у него легкой жизни не будет.

В тот год ожидание зимы извело Егора. Волчьи выходы не на шутку разозлили его, и ему не терпелось поскорее взяться за дело. Снег должен был вот-вот лечь намертво, и Егору оставалось сделать последнее — подготовить капканы. Их у него было десятка полтора, и все требовалось очистить от летней смазки и выпарить так, чтобы ни один волк потом не учуял в них ни запаха железа, ни тем паче человеческого духа.

Всякий охотник готовит капканы к сезону по-своему, у каждого есть для этого свои хитрости и секреты; был свой способ и у Егора. Придумал он его не сам — кое-что показал еще дед, кое-чему научили другие охотники.

Перво-наперво Егор сделал щелок — развел в воде золу — и прокипятил в нем капканы, чем избавился от всякой смазки, какая только на них была. А чтобы истребить всякий запах, Егор загрузил капканами, как капустными кочанами, кадку, нарубил туда веников и сосновых веток и залил все кипятком. Продержав кадку закрытой целую ночь, он сложил затем капканы в холщовый мешок и спрятал их под крыльцо. Там они и должны были лежать до снега, и никто не смел дотрагиваться до них, иначе всю работу пришлось бы делать заново.

Снег наконец-то выпал, морозы и ветер подсушили его, и Егор поставил капканы. В двух местах — с краю болота и на старой вырубке. Привада лежала и там, и там, но где повезет — это уж как судьбе взглянется. Оба места были подходящи — вроде и лес, но не чащоба, не глухомань. В глухом лесу волки не очень-то идут на приваду, там, как говорится, из-за деревьев леса не видно, а зверям надо осмотреться. Пока не осмотрятся — не подойдут. Иной раз и три, и четыре дня принимают, прежде чем решатся.

Егор проверял капканы каждый день, но всякий раз они были пустыми, и первый волк поймался лишь через неделю. Он угодил в капкан задней лапой, а когда волки попадают так, они уходят далеко, хотя к капкану привязана для тяжести чурка. Далеко ушел и этот, но Егор разыскал его по следу, застрелил, снял шкуру, а тушу приволок на старое место — чем не привада? Волки едят все без разбора, им что конина, что свой брат волк — только давай. Еще и подерутся при дележке, и, глядишь, в суматохе какой другой попадетсЯ.

Но с другим получилась оказия. Придя на место, Егор нашел в капкане лишь отъеденную лапу, а на снегу — кровь и клочья шерсти. Картина была понятной: попавшего в капкан разорвали. Такое среди волков в обыкновение, особенно когда они приходят к приваде всей стайей. Тут без грызни не обходится, каждый старается отхватить кусок побольше, и в этой голодной жадности волки беспощадны. Но попавшего в капкан разрывают не только с голодухи. Мстят за то, что попался, чтобы другим была наука, чтобы жили и помнили: прибился к стае — гляди в оба, на рожон не лезь. А полез — получай по заслугам.

Но эти правила — волчьи, и Егору они никак не подходили. Не для того он уродовался всю осень с привадой, чтобы из-за волчьей прихоти лишаться своей законной доли. А вот лишился, пятьсот рубликов улетели в трубу. Фу — и нету. Хорошо, если дальше пойдет без осечек, а пока что сплошное расстройство: дома на правіле сушится всего одна шкура, от другой остались рожки да ножки, а остальные пять по лесу бегают.

Эти «остальные» были у Егора как кость в горле. Канитель с ними могла растянуться на всю зиму, а тут, как назло, домашние дела подпирали. И то нужно сделать, и пятое, и десятое, но больше всего забот было с баней. Она могла завалиться в любой день, а бревна для нее так и лежали в лесу, и привезти их оттуда было волокитным делом. Пока лошадь выпросишь, пока съездишь. За одну поездку все не привезешь, а на два дня лошадь никто не даст, значит, жди до следующего раза. А это — и думать нечего — неделя.

Хуже нет откладывать налаженное дело, но и от хозяйства никуда не денешься, и Егор решил в первое же воскресенье съездить за бревнами. Ничего за неделю не случится, свет клином не сойдется, волки не разбегутся, а тянуть с бревнами дальше нельзя.

В субботу Егор сходил в правление и попросил лошадь. Получить ее было не так-то просто, лошадей не хватало, а каждому что-нибудь да требовалось — кому за дровами съездить, кому за сеном, да мало ли еще за чем, и Егор настраивал себя на то, что ему могут отказать. Скажут: подожди, подумаешь, приспичило, и весь разговор.

Может, так бы и получилось, не окажись в правлении председателя. Когда другие стали чесать в затылке, он сказал, что кому-кому, а Бирюкову надо помочь — зря, что ли, его портрет висит у них на Доске почета, — и велел Егору идти на конюшню и передать конюху, чтобы утром лошадь была.

Декабрьский день — что заячий хвост: к девяти только-только развиднеется, а в четыре уже снова темно, и Егор собрался пораньше. Конюх расщедрился, дал молодую кобылу, еще не уходившуюся от работы, гладкую и нетерпеливую. Пока Егор надевал и затягивал хомут да возился с остальной упряжью, кобыла прижимала уши и норовила схватить Егора зубами за рукав полубубка, но он видел, что она делает это из веселого озорства, и не кричал, не за-

махивался на нее. Кончив запрягать, он набросал в дровни сена, положил лопату, топор и веревки.

Утро было морозным, сухой снег скрипел под полозьями, дровни катились легко, и Егор подумал, что доедет до делянки скорее, чем рассчитывал. У него даже промелькнула мысль попробовать сделать сегодня две ездки, чтобы не просить больше лошадь, но он тут же выкинул затею из головы. Доехать до делянки — это лишь начало дела, а вся работа впереди. Бревна небось завалило так, что не подобрешься. Придется расчищать. А там пока погрузишь, пока назад доедешь. Нет, не получится сегодня две ездки.

Рассвело совсем, и лес, казавшийся до того темным скопищем неживых форм, открылся Егору в своем привычном виде, как утром открывается ребенку пугающая его по ночам родная изба. Тихо все было, фыркала морозным паром лошадь, падали с деревьев на сугробы тяжелые снеговые шапки. Из-под куста вырвался белый заяц, ошалело крутнулся и пошел отмахивать впереди лошади, взрывая синий пушистый снег. Егор свистнул, и косого словно сдуло с дороги, только дрогнули и осыпали снег молодые елочки, куда со всего размаха врезался вконец обалдевший заяц. Обалдеешь, подумал Егор. Зайца все едят, а он никого. Только и знает, что прислушиваться да боится, что не успеет дать деру. И вся жизнь.

Зарывшись в сено, Егор почти не правил лошадь. Деревенские уже ездили на делянку, дорога была накатана, кобыла, держа хвост на отлете, бежала резво. Ошметки снега из-под копыт летели через передок дровней, попадали Егору в лицо, он смахивал их варежкой. Скоро должны были подъехать к оврагу, и этот овраг Егора беспокоил. Он прикидывал, сколько можно нагрузить бревен, чтобы не засесть с ними на подъеме, когда поедет обратно. Больше четырех не выходило. Маловато, конечно, четыре-то бревна, штук шесть не помешало бы, но шесть кобыла не потянет. Для бревен битюг в самый раз, да где ж его взять? А племенного жеребца председатель никому не дает, бережет. В саночки только и запрягает да гоняет по деревне, чтобы не застоялся. А что жеребцу эти саночки? Так, игрушка. Ему нагрузи бревен хоть на две бани, он и ухом не поведет. Зверь — не лошадь. Против него эта вот кобылка все равно что жучка против волка.

Как и думал Егор, делянку завалило с верхом, и он еле нашел свой штабель. Развернувшись, он подогнал дровни к штабелю задком, дал лошади охапку сена и принялся откапывать бревна. Полушубок мешал, и Егор снял его, оставшись в одной рубашке. Расчистив одно бревно, Егор скатил его со штабеля и, всадив в торец топор, взвалил конец бревна на дровни. Оставалось продвинуть бревно до конца вперед, но лошадь вдруг захрапела и шарахнулась, будто ее оседлал сам домовой.

— Балуи! — закричал Егор, стараясь удержать бревно на дровнях. Но лошадь продолжала храпеть и рваться, и он не мог понять, какого шуга ее так разбирает. И тут увидел: шагах в сорока от них из кустов выглядывали два волка.

Егора нисколько ни удивило и не испугало их появление. Подумаешь, волки. А то он никогда их не видел. Небось шли на дневку да и наткнулись, ишь как смотрят.

Но, приглядевшись к волкам, Егор присвистнул:

— Бляха-муха, волчица!

Узнав ее, он сразу понял, зачем она оказалась здесь, где ей делать нечего, и в нем вспыхнула тяжелая злость, какая рождается, когда человеку все время грозят из-за угла. Если до этого Егор, несмотря ни на что, в глубине души надеялся, что ошибается и волчий заговор есть результат каких-то нелепых обстоятельств, то теперь все сомнения отпали. Заговор был. Волчица выследила его и здесь.

От холода и возбуждения Егора начала бить дрожь. Он поднял лежавший на снегу полушубок и оделся. Подошел к лошади, которая тоже дрожала, и стал гладить ее по шее.

— Испугалась? Эх ты, дурашка! Да наплюй ты на них! Сейчас погрузимся и домой поедем.

Мысль о том, что волки хотят свести с ним счеты, все сильнее разжигала Егора, и сейчас он ни за что на свете не согласился бы бросить начатую работу и уехать от греха подальше. От кого бежать? От этих воюющих тварей?!

Подбодряя кобылу, Егор шлепнул ее по гладкому крупу и пошел обратно к штабелю, но тут краем глаза уловил какое-то движение слева от себя. Он посмотрел туда и увидел еще трех волков. Отрезая путь, они стояли в ельнике с другой стороны дороги.

— Ах, сволочь! Всю стаю привела!

Положение сразу переменялось. Два волка не брались Егором в расчет: сунься они к нему, он отбил бы топором, но от пятерых не отмахнешься. Ну одного зарубишь, а остальные? Навалятся скопом, и в клочья.

Егор отбросил лопату и выдернул из бревна топор, рассуждая, что делать дальше. О защите теперь нечего было и думать, речь шла о спасении, и Егор понял, что оно только в одном — пока не поздно, лезть на дерево.

Егор огляделся. Подходящая ель была шагах в десяти, но, прежде чем лезть, Егор решил сделать и еще кое-что. Он засунул топор за пояс и, стараясь не дергаться, чтобы раньше времени не стронуть волков с места, свалил с дровней бревно, намотал вожжи на оглобли и что есть силы хлестнул лошадь кнутом. Она вскинула задом и понесла. Волки из ельника, как и рассчитывал Егор, бросились вслед, а он подбежал к ели, видя, как одновременно с ним кинулись к дереву и волчица с волком. Но снег был глубоким, и звери вязли в нем, рывками выдирая тело и переваливаясь через сугробы, как через волны. Когда они подбежали, Егор был уже наверху и радовался, что догадался схитрить с лошадью: не убеги те из ельника, они не дали бы влезть, рядом были. Молодые, азартные, вот и кинулись. Вернутся — волчица их по первое число вздрючит.

Для начала все как будто и обошлось, ну а дальше? На дереве целый день не просидишь, час-другой куда ни шло, а там от холода околеешь и свалишься. А этим падлам то-ропиться некуда, будут караулить хоть сутки.

Волки и в самом деле не спешили. Покрутившись под елью, они легли, а Егор устроился поудобнее на суку и стал думать, как быть дальше. Кричать? До деревни десять километров, хоть разорись, никто не услышит. Была небольшая надежда на то, что лошади удасться отбрыкаться от волков и она прибежит в деревню. Тогда хватятся и поедут искать. Но, рассудив трезво, Егор понял, что надо ставить на кобыле крест. Не убежать ей от волков, завалят. Значит, жди, когда догадаются искать, а пока что забирайся повыше да крепче устраивайся.

Егор достал из-за пояса топор, отрубил несколько еловых лап и подложил их под себя — все не на голом суку. Работать в варежках было неловко, руки в них держали топориче некрепко, и Егор снял было варежки, но голые руки быстро застыли. Внизу, у земли, было тихо, а здесь тянул обжигающий верховой ветер, и варежки пришлось снова надеть.

Волчица и волк, настороженно следившие за Егором, вдруг вскочили, и он увидел, как от дороги к ним бегут те трое, что погнались за лошадей. Догнали или нет? Он рассчитывал по виду зверей определить, чем кончилась погоня, но так и не узнал этого: не успели молодые подбежать, как волчица, а за ней и волк с рычанием набросились на них, и под деревом началась потасовка. А вернее, расправа, потому что прибежавшие и не думали сопротивляться. Они лишь визжали, как щенки, а волчица и волк с остервенением шерстили их. Но расправа закончилась быстро, и волки, как будто ничего и не произошло, улеглись вокруг ели всей стаей.

13

...Опять прошумел ветер, снова сорвал с веток серебристую снежную пыль. Клубясь как дым, она запорошила Егору лицо, лезла в нос и в глаза, но он даже не стряхивал ее. Тело обволакивала приятная теплота, а сознание — такая же приятная сонная одурь, и было лень поднять руку и стряхнуть с лица снег. Да и зачем стряхивать, когда тепло? Знать, и вправду повернуло на оттепель, и теперь можно ждать хоть до ночи. А отойдут руки, он еще и покурит, и тогда будет совсем хорошо.

Алая полоска мелькнула в лесных просветах — загоралась ранняя зимняя заря, и, глядя на нее, Егор вдруг испытал незнакомое ему досель чувство полнейшей затерянности. Кто мог сказать сейчас, где он и что с ним? Никто. Никто во всем свете. И это всеобщее незнание как бы исключало Егора из сонма живущих; он был, и в то же время его не было, как не бывает любого, когда никому не известно о его существовании.

Эта неожиданная мысль сильно поразила Егора и вызвала щемящую тоску в сердце, какая охватывала, наверное, первого человека, еще беспамятного и безъязычного первожителя, бродившего в смутной тревоге по холмам и равнинам

земной юдоли, где не было ничего, кроме одиночества и безвременья.

Безвременье окружало и Егора. Он уже не мог сказать, сколько сидит здесь и утро или вечер предвещает красная полоска зари: минуты обрели иное значение, иной физический смысл — теперь они не были ни мерой конкретного, ни конкретным понятием вообще, а были всего-навсего условной величиной, которая могла вместить в себя и сколь угодно мало, и сколь угодно много. Мыслей не стало. В голове проносились одни обрывки, не выстраивавшиеся ни в какую логическую цепь, а составляющие хаотичную картину из образов, которых Егор не знал и не помнил.

А потом Егор увидел деда. Он выглядывал из-за дерева и манил Егора к себе: в заячьей шапке, в латаном полубухе и с берданкой на плече — точь-в-точь такой, каким Егор его помнил. «Слезай, не бойся, — говорил дед. — Не тронут тебя волки. Со мной не тронут». И Егор слез на землю, и волки не тронули его, словно и не видели, и он подошел к деду. «Пошли», — сказал тот и повел Егора в глубь леса. Егор не спрашивал, куда и зачем ведет его дед, но почему-то знал, что тот сейчас откроет ему какую-то тайну. Единственное, чему удивлялся Егор, так это полному незнанию мест, по которым они шли, хотя ему всегда казалось, что он исходил здесь все вдоль и поперек. А дед молчком, как и всегда в лесу, все шел и шел и все, казалось, чего-то искал. Наконец они вышли на поляну, посередине которой стоял пенёк. «Нашел, слава богу, — сказал дед и повернулся к Егору. — Сколько охотишься, а волков не знаешь. Побегай-ка теперь сам волком». Дед подвел Егора к пню. «Втыкай нож». Егор хотел сказать: нет, мол, ножа, не на охоту ехал нынче, за бревнами, но тут увидел, что нож висит на ремне, — тот самый, Гошкин, который отдал председателю. «Втыкай, — повторил дед, а когда Егор воткнул, велел: — А сейчас говори за мной: на море, на океане, на острове на Буяне, на голой поляне светит месяц на осинов пенёк — в зеленой лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый». Егор повторил дедов заговор. «А теперь, — сказал дед, — прыгай через пенёк». Егор разбежался и прыгнул, но ничего с ним не случилось. «Не так, — сказал дед. — Перекувырнуться надо». Егор перекувырнулся, ударился о землю и стал волком. Смотрит, а деда на поляне уже и нет. Да он и не нужен был теперь Егору: у людей дела человечьи, а у волков свои — волчьи. Отряхнулся Егор от снега и побежал куда глаза глядят. Долго ли бежал, недолго, не знал, а остановился дух перевести, видит: лежат под деревом другие волки, а на дереве человек сидит — в иноее весь, то ли живой, то ли уже мертвый. Присмотрелся Егор, а это он сам на дереве-то. Тут бы и удивиться, а Егору хоть бы что. Подбежал он к стае и лег рядом с волчицей. И они узнали друг друга, и волчица сказала ему по-волчьи вот что: «Люди думают, что им можно все. Но есть тайна. Тайна совместного проживания на земле, которую люди не знают. Ты взял у меня детей и думаешь, что это забудется. Не думай. И у тебя

возьмется, придет время. Вон ты сидишь, видишь? А твоя лошадь валяется на дороге. И хотя сегодня ты спасешься, потому что я уже слышу, как за тобой едут, расплата будет за все...»

...Далеко-далеко, как на краю земли, застрекотала сорока, ей отозвалась другая, и вслед за этим Егор услышал слабый хлопок, будто лопнула бумажная хлопущка. Волки вскочили, насторожив уши, и один за другим метнулись в гущу леса. Хлопнуло еще и еще, и сердце Егора, пропустив удар, забилося часто и неровно. Стреляют!

Снова застрекотали сороки, на этот раз ближе, и сквозь смерзшиеся ресницы Егор увидел, как из-за поворота дороги вывернулся окутанный паром председателей жеребец. Председатель правил, стоя в санках на коленях, а сзади него на сиденье сидели конюх и Маша, оба с ружьями, из которых они и палили.

Егор хотел крикнуть, но голоса не было. И не было сил оторвать от ствола заледеневшее тело.

Осадив жеребца у штабеля, председатель выскочил из санок. Следы на поляне показали ему все, и он, утопая в снегу выше колен, побежал к ели. Увидел скрючившегося на суку Егора и понял, что тот сам не слезет. Обернувшись, крикнул конюху:

— Василий! Давай сюда, здесь он!

Егор пошевелился.

— Сиди! — велел ему председатель. — Шмякнешься, чего доброго, шее свернешь. Сейчас мы с Василием тебя снимем.

— Снимешь его, как же! — сказал подошедший конюх. — В нем, в борове, пудов шесть, чай.

— А вожжи на что? Тащи вожжи, мы его на вожжах спустим.

Подбежала, еле вытаскивая ноги из снега, Маша. Увидев заиндевелого Егора, заплакала.

— Не голоси, Марья! — остановил ее председатель. — Жив твой Егор. Сейчас съедем, в тулуп завернем — и домой. Баня-то у тебя как, не остыла?

— Не должна. Я все ждала его, топила. Думала, задержался где на дороге.

— Вот и ладно. Приедем — сразу в баньку его, отойдет.

Возились с Егором долго. Председатель залез на елку, завязал под мышками у Егора вожжи, а другой конец, перекинув через сук, сбросил вниз, где за него ухватились конюх с Машей. Так, как мешок какой, и спускали.

Перед тем как ехать, председатель вынул из кармана четвертинку. Сковырнул пробку, поднес бутылку Егору ко рту.

— Ну-ка разевай. Перцовая. В аккурат сейчас.

Но у Егора челюсти словно свело, пришлось Маше силой разжимать ему зубы и вливать в горло водку. Егор глотал, не чувствуя ни запаха, ни вкуса.

По дороге Егор сомлел и не помнил, как они приехали в деревню, как вносили его в баню, снимали одежду и расти-

рали. Даже боли не чувствовал, когда стали отходить лицо и руки, — провалился в темноту, где не было никакой жизни, как не было ее до рождения, когда бесплотный еще человеческий дух только готовится к исходу из этой темноты...

15

Не помогли ни перцовка, ни баня — полторы недели Егор провалялся в лежку. Горел в жару, метался, бредил. Больница находилась в райцентре, и председатель советовал отвезти Егора туда, но жена не согласилась. Какой в больнице уход, сказала. И все полторы недели сидела возле Егора и поила с ложечки. И плакала, глядя на Егорово черное распухшее лицо.

Да и сам Егор ахнул, когда, оклемавшись, поглядел в зеркало: кожа на лице отставала клочьями, а под ней проглядывала новая, красноватая и блестящая, будто не морозом обожгло Егора, а огнем на пожаре. И хотя говорят, что с лица воду не пить, были бы руки и ноги целы, ни о какой охоте пока и думать не приходилось. Куда с таким лицом на мороз да на ветер! Егор только попробовал выйти на крыльцо, а уж щеки и нос загорелись так, словно на них дохнуло из раскаленного горна, что стоял в Гошкиной кузнице. А в лесу и того хуже будет, там любой пруттик хлестнет по лицу — взвоешь.

Егор проклинал свое невезение. Черт его дернул с этой баней! До Нового года оставалось всего ничего, а там январь, самое время охоты. В январе у волков начинается гон, сплошная грызня из-за волчиц, и они не так осторожничают, как раньше. Тут и ловить их, а он, как дурак, на печи сидит да гусиным жиром мажется. Вот уж повезло, так повезло, съездил, называется, за бревнами! Самого, как бревно, привезли, а вдобавок и лошадь колхозную загубил.

Как узнал Егор, кобыла не убежала-таки от волков. Может, и убежала бы, да на повороте занесло и перевернуло дровни. И кобыла, как видно, упала, а пока поднималась, тут волки и наскочили. Но жрать не стали, вернулись, потому Егор и подумал, что не догнали.

А спасла его, считай, Маша. Как увидела, что смеркаться стало, а Егора все нет, забеспокоилась, побежала к председателю. Тот в минуту собрался и велел конюху закладывать жеребца, а Маше сказал, чтобы шла домой и не расстраивалась. Но Маша ни в какую. С вами, сказала, поеду...

Проводили старый год, встретили новый. Этот праздник Егор любил, всегда приносил из леса елку, и хотя игрушек было кот наплакал, наряжал ее как мог. Но нынче ему праздник был не в праздник. Мысль о том, что надо за все рассчитаться с волчицей, крепко засела в голове. Ни о чем другом Егор и думать не хотел. Волчица стала ему как враг, он мечтал застрелить или поймать ее не за то, что она покушалась на его жизнь, а за то унижение, которое он перенес, отсиживаясь от волков на дереве. Это ж надо, как со-

баки кошку, загнали! Теперь хватит подначек на год. Проходу не дадут, будут приставать — как да почему. А уж Петька Синельников, тот посмеется, позлорадствует. Его всегда завидки брали, всем уши прожужжал, что Егор, мол, деньги лопатой гребет. А ему кто мешает? Бери ружье да иди в лес, узнаешь, как деньги-то добываются.

Как ни подгонял Егор время, а смог вырваться в лес только в середине января. Целый месяц ушел впустую, и он застал на вырубке и возле болота разор и запустение. Все завалило снегом, никаких тебе следов. Волки теперь промышляли неизвестно где, и привадить их снова было задачей мудреной. И прежде всего требовалось мясо. Егор обошел старых знакомых, кое-чем разжился, но это было на одну понюшку, и он, не мешкая, наострил лыжи к мыловарам.

Слух о том, что Егора чуть не съели волки, дошел и до них, и они встретили его как вернувшегося с того света. Им не терпелось узнать подробности, потому что в целом картину нападения они знали. Мало того, им было ведомо такое, о чем Егор не имел ни малейшего представления. Оказывается, волки хотели подгрызть ель, на которой сидел Егор, и чуть было не подгрызли, да не успели.

Егор смеялся, слушая мыловаров, а потом рассказал, как было дело. Но ему не поверили, сказали, что он из-за холода и страха забыл обо всем, а человек, от которого они все слышали, знает в точности. Чтобы не обижать мыловаров, пришлось согласиться, что волки действительно чуть не повалили елку, поскольку их сбежалось туда со всего леса. И довольные мыловары в долгу не остались, отрубили для Егора целую конскую ляжку.

С этой ляжкой Егор и отправился на следующий день в лес. Положил мясо на вырубке — там в прошлый раз попались оба волка, и Егор подумал, что это место стае больше по вкусу.

Мясо в лесу никогда не залежится, ни зимой, ни летом. Лесная связь сработает безотказно — сначала прилетят птицы, а за ними и другая живность потянется. Так и получилось: при первом же осмотре Егор обнаружил у привады разные следы, и среди них — волчьи. Ага, разнюхали! Не терпелось побыстрее поставить капканы, но Егор для верности кормил волков беспощинно и бесплатно еще несколько дней. Пусть думают, что мясо им с неба валится, доверчивей будут!

Но ляжку, какая бы она ни была, на неделю не растянешь, хочешь не хочешь, опять иди к мыловарам. И Егор ходил, пока наконец не решил: все, хватит, пора ставить капканы.

Кто никогда не ставил их, тому кажется, что дело это проще пареной репы — вырыл в снегу ямку, положил туда капкан, развел дужки и опять все зарыл. Пять минут — и готово. Готово-то готово, да только такой капкан так и будет лежать, ни один волк в него не попадет, разве какой полумный. Нет, ты сначала выбери на волчьей тропке подходящее место, остороженько, деревянной лопаткой, сними пласт снега, лопаткой же выкопай ямку, да такую, чтобы было не

глубоко, не мелко, а в самый раз, и только тогда клади в нее капкан и настораживай. Насторожил — засыпь капкан рыхлым снежком, а сверху, тютельница в тютельную, клади тот пласт, который до того вырезал. И снова припуши все снегом.

Егор исполнял эти правила в точности, и с первого взгляда казалось, что, как и в прошлые годы, как и в начале этого сезона, он думает только об одном — поймать побольше волков. На самом же деле это его теперь не интересовало. Сколько поймают, столько и поймают, может, ни одного, лишь бы попалась волчица. Эта мысль стала для Егора навязчивой, и только ради нее он все и делал. Как там будет дальше, проживем — увидим. Будет день, будет и пища. Главное — поймать волчицу, застрелить, сделать что угодно, только бы сжить ее со света.

И здесь Егор полагался не только на свой опыт и умение, но и на то, что у волков через неделю-другую начнется гон. Уж тут шерсть полетит клочьями! Будут бегать, высунув языки, и устраивать такие свары, что только держись. Обо всем забудут и о капканах тоже. Тогда-то волчица и может дать промашку. Какая бы она там ни была, пускай хоть бриллиантовая, а прижмет какой-нибудь волчара, тоже голову потеряет.

Егору доводилось видеть волчьи свадьбы. Что там стая в пять волков, какая у нее сейчас! Вот когда их сразу двадцать бегают, и все рычат да зубами щелкают, да за грудки хватаются — вот когда страх-то! Тут всем достается, и волчицам тоже. Некоторые ведь что делают? Пока мужики шерстят друг дружку, иная где-нибудь в стороне с самым ушлым и повяжется. Другие подбегут, а поздно уже, сделано дело. Обидно! Ты тут свое доказывал, жилы рвал, а на тебя наплевали и забыли. Ну и срывают, случается, злость: хоть того ушлого, хоть волчицу, кто первым подвернется, — на кусочки.

Своей волчице Егор не желал такой участи. Он должен был добыть ее сам. С этой мыслью Егор ложился, с ней вставал утром и, надев лыжи, уходил в лес. Все, что нужно, было сделано, сто раз проверено и учтено. Оставалось надеяться и ждать.

16

Февраль только начался, а уже замело, завьюжило. В метель в лесу делать нечего, и сам собой получился перерыв. Егору он был хуже острого ножа. Не радовали даже два пойманных до этого волка, шкуры которых сушились на потолке¹. Что из того, что стая убывала, волчица-то жива и здорова! Дать ей волю, она на следующий год новую стаю сколотит.

Но, как говорят, бог — не Яшка, видит, кому тяжело: именно в феврале волчица и попалась.

Придя в тот день на вырубку, Егор увидел, что одного кап-

¹ Так в деревнях Калининской области называют чердак.

кана нет. Кто-то из волков сплеховал, но кто? Разобраться в этом по следам Егору не удалось, в рыхлом, свежем снегу следы расплывались, и он установил только, что волк защищал переднюю лапу. От привады за деревья уходила снежная борозда, оставленная волочившимся за зверем капканом.

Егор пошел по следу и через километр увидел залегшего в кустах волка. Издалека было трудно распознать, кто это, перепарок или матерый, и только подойдя поближе, Егор понял, что наконец-то дождался своего: перед ним лежала в снегу волчица.

Егор остановился, снял лыжи, достал из-за спины ружье и осторожно двинулся к волчице. Она, прижав уши, не сводила с него пристальных, немигающих глаз, и когда Егор приблизился, рванулась, но не в сторону, как бывает обычно, когда попавший в капкан волк делает последнюю попытку уйти от охотника, а к нему, к Егору, но тот быстро отступил назад и вскинул ружье. Палец уже потянул курок, когда Егор догадался, что волчица ничего ему не сделает: чурка, привязанная проволокой к капкану, заклинилась в кустах и держала волчицу намертво.

Егор с интересом разглядывал волчицу. Он впервые видел ее так близко, можно сказать, вплотную, потому что ни в первый раз, ночью, ни во второй, когда сидел на дереве, не рассмотрел ее как следует. Ничего такого в ней не было: средних размеров, серая, с рыжеватыми подпалинами по всей шкуре, словом, обыкновенная, каких в лесу не одна сотня. Однако эта обыкновенная сначала угрозила Дымка, потом подкараулила его, да и сейчас кинулась, как бешеная. Если б не чурка, могла бы напоследок оставить отметину.

— Ну, допрыгалась, стерва? — сказал Егор.

Услыхав его голос, волчица еще сильнее прижала уши и, приподняв верхнюю губу, показала желтоватые клыки.

— Скалься, скалься! — усмехнулся Егор. — Недолго осталось!

Да, с виду волчица ничем не брала, но ее поведение удивляло Егора. Он даже почувствовал к ней какое-то расположение. Не сосчитать, сколько раз он вот так же подходил к пойманному волкам и убивал их, и каждый раз видел в их глазах только страх и злобу. Ни один из них и не думал о сопротивлении, позволяя убить себя, как теленка. Волчица не только не боялась его, но и попробовала напасть, и Егор представлял, с какой яростью она набросилась бы на него, не держи ее чурка.

Егор поднял ружье: надо было кончать волчицу. Он целился ей точно в лоб, в то место, где сходились ее светлые брови, и в душе надеялся, что волчица дрогнет в этот последний для нее миг. Все звери чувствуют ружье, и когда оно направлено на них и нельзя убежать и скрыться или кинуться на врага, ужас смерти охватывает зверя.

Но во взгляде волчицы не было ни страха, ни злобы. Ничего, кроме лютой ненависти, от которой желтые волчьи глаза темнели, а зрачки расширились, как в темноте.

Егор выстрелил. Волчица ткнулась мордой в снег, вздыбленная на загривке шерсть опала, прижатые уши встали

торчком. Егор подошел к ней, перевернул набок, снял с лапы капкан. Чтобы кровь не натекла и не пачкала шкуру, заткнул рану пучком пакли, которую ради такого случая всегда носил в кармане. Оставалось подвесить волчицу и снять шкуру, пока туша не застыла на морозе, и Егор уже прикидывал, на какой бы сук ее подцепить, как вдруг «мертвая» шевельнулась. Подумав, что ему показалось, что даже волк, крепкий, как никто, на рану, не может ожить, получив пулю в лоб, Егор тем не менее присел над волчицей и приложил ладонь к ее левому боку. Он был теплым, да по-другому и быть не могло — после выстрела прошло всего несколько минут, но бьется ли у волчицы сердце. Егор так и не определил. Тогда он прижался к жесткой волчьей шерсти ухом и затаил дыхание. Мать честная, сердце билось!

Егор разогнулся, глядя на волчицу в полной растерянности. Происходили самые настоящие чудеса: стрелял шагов с пяти, считай, в упор, кровь льет как из поросенка, а эта чумовая дышит! Заколдованная, что ли?!

Егор не знал, что делать. Прикончить распластанную, неподвижную волчицу вторым выстрелом он просто не мог, рука не поднималась. Была бы раненая, крутилась бы, выла — пристрелил бы не задумываясь, но ведь убил же, вон какая дырка на лбу, и опять убивать? Да что он, живодер какой? Но тогда как же? Дождаться, когда сдохнет? А если не сдохнет?

Егор опять приложился ухом к волчице. Дышит, ни дна бы ей и ни покрывки! Еле-еле, но дышит. Егор плюнул с досады: не оставалось ничего другого, как только тащить волчицу в деревню. Если и сдохнет, шкура все равно не пропадет, а бросать здесь — к утру от волчицы и костей не останется.

Прислонив ружье к дереву, Егор сходил за лыжами, связал их, чтобы не разъезжались, и взвалил на них добычу. Оставшуюся веревку разрезал на две части, одной прикрутил волчицу к лыжам, а из другой сделал лямку. Теперь можно было трогаться, и, покурив на дорожку, Егор впрягся в лямку. Он не верил, что довезет волчицу живой, но другого выхода у него не было. Выживет, значит, выживет, а на нет и суда нет.

17

То ли лоб у волчицы оказался таким крепким, то ли попалась никудышная пуля, но волчица выжила. Правда, пуля так и осталась у нее в голове, но это никак не отразилось на волчице. Хуже получилось с лапой: капкан перешиб ее, и пришлось накладывать лубки. Но все эти заботы давно прошли, а вот как быть дальше, Егор не знал.

Когда он приволок волчицу домой и сказал, что надо лечить ее, жена поднялась на дыбки. Заявила, что Егор совсем ошалел. Лечить волчицу! Да она чуть не съела его, про Дымка и говорить нечего, а он — лечить! Но раз ему это втемяшилось, пусть лечит, только после-то что делать?

А после, сказал Егор, сделаю конуру, и пусть живет. А что чуть не съела, так, если разобраться, сам виноват — выводок-то взял. У тебя бы взяли дочку, небось по-другому заговорила бы. Жена от таких слов заплакала, сказала: дожила, родной муж сравнивает ее с какой-то волчицей, и чуть не ушла жить к матери. Егор еле удержал ее. Доказывал, что не мог второй раз застрелить волчицу и Маша должна его понять. И потом: что в этом такого — волчица? Та же собака, только не лает. Так это даже хорошо. Вон Дымок, бывало, только и знал заливался, сама же жаловалась, что спать не дает.

В конце концов жена поддалась на уговоры, но велела посадить волчицу на другую цепь, потолще, а конуру поставить за домом, на огороде. Егор так и сделал.

Главное вроде бы решилось, но прижимало с других боков.

Во-первых, как прокормить волчицу? Ей на день подавай кило три, а то и четыре мяса, а где столько взять? Опять ходить попрошайничать по скотным дворам да по ветпунктам? Но приваживание, когда требовалось подкормить волков месяц-полтора, — это одно дело, и совсем другое — кормить постоянно хотя бы одного волка. Тут не могли выручить даже друзья-мыловары, потому что ходить к ним, пусть даже раз в неделю, накладно. Семь километров туда, семь обратно да еще с грузом — и ног не напасешься. Стрелять зайцев и ворон? Это сколько ж надо настрелять, если брать по зайцу на день!

Можно было, конечно, кормить волчицу через день, в лесу волки голодают и дольше, но для чего тогда, спрашивается, он тащил ее из леса? Пусть бы там и голодала, коли ей так на роду написано.

Во-вторых, отношения с волчицей у Егора никак не складывались. Она жила у него в доме уже месяц, а глядела по-прежнему зверем. Из конуры почти не вылезала, а если и вылезала, то при виде Егора спешила снова спрятаться. Еду, которую он приносил ей, съедала ночью, и Егору оставалось лишь убирать за волчицей объедки.

Конечно, он не рассчитывал, что волчица привяжется к нему, как собака, но и такой открытой неприязни не ожидал. Думал, что как-нибудь поладят, хотя и сам не знал, зачем ему это нужно. Когда в лесу он решил отвезти ее домой, у него и на уме не было приручать ее, пусть бы она и выжила. Это желание возникло позже, когда он нянчился с ней, залечивая рану на лбу и сращивая лапу. Легко сказать — вылечить дикую волчицу, которая даже близко к себе не подпускает, так и норовит отхватить руку. Одна жена видела, как он мучился с ней. Но ведь вылечил! Тогда-то и подумалось: а что, как приручить? Ведь приручил когда-то Тимофей Бирюков своего волка.

Но самым болезненным был вопрос: что делать с волчицей дальше? Держать ее в доме за здорово живешь не имело смысла, но тогда куда девать? Ответ напрашивался самый простой: отпустить на все четыре стороны. Раз не приручается и кормить нечем, пусть идет себе.

Но тут-то и начинались терзания. Отпустить ни за что

ни про что волчицу обратно в лес! Одна только мысль об этом казалась Егору кощунственной.

Отпустить, по его мнению, можно было кого угодно, хоть черта, но только не волка. От волков, кроме вреда, ничего. Жрать горазды и жрут всех подряд, никому в лесу спасения нету. А скотины сколько режут? Ладно бы летом, когда скот пасется, так и зимой разбойничают. И не уследишь — то через крышу во двор заберутся, то подкопают. Щель сделают — и в нее. Как только пролезают, дьявол их знает. У иных от этого вся шерсть на спинах вытерта. Убьешь, а у него на спине проплешины, как будто на нем ездили. Вот и скажешь после этого — отпустить.

В общем, неизвестно, как поступил бы Егор с волчицей, оставаясь все по-старому, но неожиданно и негаданно события круто изменили ход.

Часть вторая

ЛЮБОВЬ

1

Ночами волчица выла.

Собака воет, и то тоска, а тут — волк. Мороз по коже, а потому Егор предвидел, что рано или поздно в деревне начнется недовольство: кому хочется каждую ночь слушать могильное волчье завывание? А вдобавок и собачье, поскольку деревенские собаки начинали сходить с ума, едва вой волчицы докатывался до них. Хорошо еще, дом стоял на отшибе, и лишь ближайшие соседи Егора могли слышать всй. Но соседи разве не люди? Проснутся раз, проснутся другой, а потом скажут: делай, Егор, что хочешь, а слушать твою музыку мы не желаем. Ты нас с собой не равняй. Думаешь, если сам лесовик, то и другие?

Не думал так Егор и не хотел, чтобы волчица была, и как только она заводила свою пластинку, он выходил из дома и цыкал на нее. Но всякий раз не нацыкаешься, и в конце концов Егор дождался того, о чем все время думал.

Утром пришел Петька Синельников. Сосед — ближе нету, дома бок о бок стоят. Правда, никакой такой дружбы у Егора с Петькой не водилось, скорее наоборот, но здороваться здоровались.

— Егор, у тебя совесть есть? — спросил Петька, не успев войти.

— Есть, — ответил Егор. Раз спрашивает человек, почему не ответить.

— А я так думаю, что нету. Если бы была, ты не привязал бы эту волчицу. Чего она каждую ночь воет?

— А твоя собака не воет?

— Сказал тоже: собака! А то ты не знаешь, кто как воет!

Егор молчал. Петька был прав со всех сторон, но Петька, как всегда, лез нахрапом, а Егор этого не любил. Пришел,

давай поговорим по-человечески, а то сразу про совесть, как прокурор какой.

А Петька, видя, что Егор молчит и, значит, озадачен, нажал сильнее:

— Я так тебе скажу, Егор: ты или застрели свою паскуду, или я заявлю куда надо. Волк вне закона объявлен, а у тебя он как барин живет. Противно же глядеть, как ты с этой шелудивой возишься!

— А ты не гляди, — сказал Егор, — я тебя не заставляю. Тебе-то какое дело, вожусь я с ней или нет?

— А такое, что нечего волчице жить в деревне. У меня, если хочешь, корова молока поубавила. Как завоет твоя стерва, Зорьку аж в пот кидает. Того и гляди совсем перестанет доиться. В общем, Егор, я тебя предупредил, а ты уж сам смотри, как бы хуже не было.

Такой вот получился разговор. Егор знал Петьку и не сомневался, что тот как сказал, так и сделает — либо бумагу куда напишет, либо так нажалуется. Ну и черт бы с ним, пусть жалуется. Пока соберется, что-нибудь придумаем.

А что можно было придумать? Не будешь же стоять над волчицей с палкой: не вой, мол. Самое простое — сделать намордник, но тогда как кормить? Каждый раз снимать и опять надевать? Замучаешься. Волчица — не собака, просто так не подойдешь да не наденешь. Когда-нибудь изловчится и хватит. И все же что-то надо делать. Как ни погляди, а Петька прав. И сам заметил: корова и овцы шарахаются, когда слышат вой. Правда, Красавка как доилась, так и доится, но ведь корова корове тоже рознь.

Подождав, пока за Петькой захлопнется калитка, Егор оделся и пошел к волчице. Она, как всегда, сидела в конуре. Егор прибрался вокруг, а потом присел на чурбак, валявшийся неподалеку от конуры. В прорезь был виден серый волчицын бок.

— Дождалась, дура, — сказал Егор. — Петька вон приходил, говорит, к стенке тебя надо. А ты как думала? Лежишь, тебе все до феньки, а мне как? Петька мужик стержовый, напишет бумагу, приврет чего, а потом выкручивайся. Не можешь не выть, что ли? Довоешься...

Вечером, когда пришла с работы жена, Егор рассказал ей про Петьку.

— Напишет, и думать нечего, — сказала жена. — Ох, Егор, Егор... Ну зачем тебе все это? Что у тебя, другого дела нет? А ты все с волчицей да с волчицей. Да застрели ты ее, ей-богу! Ну не можешь сам, позови кого, мало ль мужиков с ружьями.

— Еще чего, — сказал Егор, — позови! Не буду никого звать и убивать не стану. А не кончит выть — намордник сделаю.

— Еще чудней, — сказала жена. — Волк в наморднике! Достакаешься, дурачком считать будут.

— Пусть считают, — усмехнулся Егор. — Мне от этого ни жарко ни холодно.

Ложась спать, Егор надеялся, что волчице, может быть, надоест надсаживать глотку, однако ночью его снова разбу-

дил вой. Заворочалась и жена, и только дочка спала по-детски крепко и безмятежно.

Надев валенки на босу ногу, Егор вышел и загнал волчицу в конуру. Все, сказал он, хватит чикаться, завтра же сделаю намордник.

Утром Егор принялся за работу. Всяких ремней у него хватало, и он, выбрав подходящий, уселся с шилом и дратвой у окна. Часа через полтора намордник был готов — не совсем складный, зато прочный, что и требовалось. Полюбовавшись на дело своих рук, Егор стал прикидывать, как бы получше управиться с волчицей. Сделать это одному было трудно, но звать кого-нибудь на помощь Егор не хотел. Хотя и сказал жене, что ему, дескать, все равно, как о нем будут говорить, однако лишние разговоры были ни к чему. А кто ж утерпит, чтоб не похвастать, что помогал Егору взнуздывать волчицу?

Сунув намордник за пазуху, Егор вооружился рогатиной и отправился на огород.

Первым делом нужно было выгнать волчицу из конуры. За цепь не потащишь. Вытянешь, а эта оглашенная и кинется. Придется рогатиной, да не забыть лаз чурбаком заложить, чтобы назад не шмыгнула.

Но выгнать волчицу не удалось. Как ни стучал Егор по конуре, как ни шпынял волчицу черенком рогатины, она не хотела вылезать. Чувствовала, что против нее что-то умышляют. А черенокхватила зубами так, что чуть не перекусила.

Промучившись целых полчаса, Егор решил выкурить волчицу. Против дыма никакой зверь не устоит, это Егор знал по опыту. Он сходил за паклей, связал ее в пук, поджег и положил возле лаза. Пакля была сыроватая, не горела, а тлела, и едкий дым извилистой струйкой втягивало в лаз.

Волчица завозилась в конуре.

Выскочишь, никуда не денешься, подумал Егор и взял рогатину на изготовку. И в самый раз: цепь загремела, и волчица, вышмыгнув из лаза, метнулась за конуру. Но короткая цепь не пустила ее далеко, и она, ощерившись, прижалась задом к стенке.

Держа рогатину перед собой, Егор пошел на волчицу. Как и тогда, в лесу, она смотрела на него потемневшими от недовольства глазами.

Дура, разозлился Егор, не убивать же хочу! Надену намордник, и все!

Выбрав момент, он рогатиной захватил шею волчицы. Она дернулась, но Егор, нажав сильнее, прижал ее к насту. Волчица захрипела, однако Егор не ослабил нажима. Ничего, пусть немножко задохнется, ловчее будет надеть намордник.

Волчица захрипела сильнее, посунулась мордой в снег.

Ну вот, милая, и вся любовь. Потерпи немного.

Держа рогатину левой рукой, Егор правой вынул из пазухи намордник и стал надевать его на волчицу. И тут Егор сплеховал: занятый делом, он чуть ослабил нажим, и волчица сразу пришла в себя. Дернувшись с неистовой силой,

она вывернулась из рогатины, и Егор увидел рядом с собой оскаленную волчью пасть. Он едва успел загородиться рукой.

Щелкнули волчьи зубы, по локтю словно процарапали гвоздем, и руке стало тепло от крови.

Швырнув в волчицу рогатину, Егор отскочил в сторону.

Доигрался!

Из разодранного рукава текла кровь, капала на снег.

Держа руку на весу, Егор побежал домой.

Ну сволочь! Правду сказал Петька: паскуда! Хватила-таки! Теперь придется в больницу — вдруг бешеная? Застрелю суку такую, ей-богу, застрелю!

Рана оказалась неглубокой, защитил полушубок, и волчьи зубы сорвали только кожу, но кровь текла сильно. Чтобы остановить ее, Егор залил рану зеленой. От боли глаза полезли на лоб, но кровь стала понемногу запекаться. Отыскав в комод чистую тряпку, Егор замотал руку и пошел в правление — хочешь не хочешь, а проси снова лошадь. До больницы двенадцать километров, пешком пока дойдешь, а за это время мало ли что сделается с рукой.

В правлении был народ, и Егор, вызвав председателя на крыльцо, рассказал ему о своей неудаче.

— Ну ты даешь, парень! — обеспокоился председатель. — Вот что: бери давай жеребца и гони. Сам доедешь или Василия в провожатые дать?

— Доеду... — Егор помялся и попросил: — Ты, Степаныч, не говори никому, не хочу, чтоб болтали. Мне еще жена вечером холку намылит.

— Ладно, договорились. Иди, не трать времени.

До больницы Егор гнал, не жалея жеребца. Рука ныла, и он боялся, как бы не началось заражение.

В больнице Егору сразу сделали укол, а потом заново перевязали рану, сказав при этом, чтобы он не очень-то радовался, потому что для полного курса ему надо сделать сорок уколов.

Но и это было еще не все. Врач сказал, что собаку, которая укусила, надо показать ветеринарам на случай бешенства.

Покажу, пообещал Егор, стараясь не встречаться с врачом взглядом: он умолчал про волчицу, сказав, что укусила собака.

Назад Егор ехал не торопясь. Жеребец, разгоряченный дашней скачкой, еще не остыл и все порывался пойти во всю силу, но Егор придерживал его. Куда торопиться? Дома не ожидалось ничего хорошего, жена снова начнет старую песенку, и придется оправдываться. А крыть нечем, рука в бинтах, одни пальцы торчат, да еще эти сорок уколов. Вдобавок Егор вспомнил, что, когда завязывал руку, искровенил весь пол, а подтереть в спешке забыл, и жена подумает невесть что.

И все же больше Егора заботило другое — как теперь поступить с волчицей? Застрелить? Но злость у него уже прошла, и он спрашивал себя: а за что убивать-то? За то, что воет? А как же не выть, волк ведь, и вся его волчья сущность в этом. Тебе залепи рот — жить не захочется. Неужели

придется отпустить? Засмеют ведь. Ничего себе охотник: сначала тащил, неизвестно зачем, волчицу в дом, потом целый месяц цацкался с ней, а теперь — отпустил! Петька, так тот просто злобянкой изойдет, скажет, что Егор нарочно прива-дил волчицу, и теперь она так и будет кормиться возле деревни, всех овец перережет. И попробуй потом докажи, что ты тут ни при чем.

Жена дожидалась Егора. Глаза у нее были покрасневшие, и он понял, что она плакала, застав в доме ералаш и увидев кровь на полу. Егор начал было рассказывать, куда и зачем ездил, но оказалось, что Маша обо всем знает от председателя. Она ни словом не упрекнула Егора, спросила только, что сказали в больнице. Узнав про уколы, всплеснула руками: как же теперь? А как, ответил Егор, ходить придется.

Потом жена привела от бабушки дочку, и они сели ужинать. И за ужином Егор, чтобы совсем успокоить жену, сказал, что отпустит волчицу. Хватит с него всяких приключений. Невелик грех — одним волком в лесу больше станет.

На том и порешили.

2

Кончался март.

По утрам под ногами еще лопались с хрустом намерзшие за ночь колчишки, но к обеду разогревало, и в огородах пахло оттаявшим навозом и сырой землей. Ошалело кричали на деревьях вернувшиеся в гнездовья грачи.

Странное состояние владело Егором этой весной.

Раньше его всегда тянуло в лес. Сезон не сезон, он брал ружье и на целый день уходил из деревни. Дело в лесу всегда находилось — и тропы новые поискать, и норы барсучьи приметить, и глухариные тока. Хорошо было и просто посидеть в каком-нибудь тихом месте, послушать, как поют птицы, последить за белкой или ежом. Особенно нравилось в лесу ранней осенью, когда летели журавли, а листья осин и кленов покрывались багрянцем. Ранняя осень — самое тихое время года. Лето с его буйством цветения и несмолкающим гомоном птиц прошло, а время дождей и сплошного листопада еще не наступило, и в этот короткий промежуток природа как бы отдыхает от бурных дней молодости и готовится к будущим переменам. Падают первые листья, леса светлеют, и в них становится видно далеко и отчетливо. Птицы все на полях, и лишь дятлы стучат в просторных рощах да ползают по стволам молчаливые поползни.

Егор любил это время и, как и природа, тоже отдыхал, готовясь к новым трудам и переменам.

Теперь ничего такого не было. С тех пор, как попалась волчица, Егор ни разу не вспомнил про лес, хотя на болоте оставались еще два волка из стаи. Оставались и оставались, Егор и не думал их ловить. Всякий интерес к охоте у него пропал, словно что-то пресытило его в ней и сделало равнодушным. В его голове временами возникало смутное воспоминание о чем-то таком, что то ли было, то ли приснилось.

привиделось. И это «что-то» было связано с волчицей. Как будто когда-то и где-то она сказала ему некое заветное слово. Но где и когда? И что это было за слово?

Даже жена заметила перемену в Егоре, но пока что не спрашивала ни о чем и про волчицу не напоминала, хотя время шло, а Егор все не отпускал ее. С ней у Егора установились спокойные, молчаливые отношения. Он больше не делал попыток надеть волчице намордник, тем более что выть она перестала. То ли прошло желание, то ли нюхом поняла, что из-за нее заварилась каша и лучше жить молчком.

Егор приходил к ней каждый день, приносил мясо и прибирался, а потом садился на чурбак и подолгу наблюдал за волчицей. Она дичилась уже меньше, хотя из конуры, пока возле был Егор, так и не выходила, однако он замечал, что и она смотрит на него, словно тоже изучает. В такие моменты ему казалось, что между ним и волчицей протягивается какая-то понятная связь, которую нельзя высказать, а можно только почувствовать, как без всяких слов чувствуешь, когда тебя любят, а когда нет.

Но была между ними и еще одна связь, самая прочная и жгучая, какая только может связывать живых и какая заставляла Егора медлить с решением отпустить волчицу. Связь эта была смертная, и они были повязаны ею как круговой порукой или клятвой молчания, ибо, посягнув на жизнь друг друга и пережив приближение смерти, они уравнились в земных и небесных правах, и это породило их как кровным родством.

Егор давно уже не испытывал к волчице никаких враждебных чувств, и ему было досадно, что она не понимает этого. Чего уперлась? Сидит в своей конуре, как будто больше сидеть негде. На солнышко хоть бы вылезла, блох пострадала бы, небось поедом едят. Эх, дура, дура...

Но волчица волчицей, а было и другое дело, которое заботило и не давало покоя. Дело это касалось всей Егоровой жизни, и касалось не вскользь, а задевало самую глубину, потому что Егор все больше укреплялся в решении бросить охоту.

Он и сам не знал, что с ним такое случилось, но ему не хотелось не только охотиться, но даже братья за ружье, которое так и висело на гвозде, куда Егор повесил его два месяца назад. То, что еще вчера казалось главным и необходимым, вдруг перестало волновать, и Егор, глядя на себя как бы со стороны, удивлялся своим прежним желаниям и страстям. Ему просто не верилось, что он столько лет изо дня в день мог без усталости ходить по всем этим лесам и болотам, таскать на своем горбу приваду, есть всухомятку, а пить из первой попавшейся лужи. И для чего все?

Словом, Егор, что говорится, свесил ножки, но кто-то должен был подтолкнуть его к окончательному действию. Говорить на эту тему с женой было для Егора мало. Он давно знал ее мнение, знал, что она обрадуется, если Егор забросит свое ружье и станет работать в колхозе, но эта радость будет бабьей: слава богу, мужик наконец-то образумился, а то все по лесам да по лесам, как будто ни дома, ни семьи нету.

Нет, такой разговор Егора не устраивал. Да и не разговор был ему нужен, а участие понятливого человека. Ведь скажи кому из охотников: бросаю, мол, охоту. Ну и дурак, ответит. Где лучше-то заработаешь, в колхозе, что ли? Хлеб-то, Егор, надо вырастить и убрать, а наши погоды, сам знаешь, какие: то жара, то льет. А волкам хоть ведро, хоть дождик — все одно. Если и не повезет даже, с голода все равно не умрешь, ружье прокормит.

В другое время Егор и сам бы ответил так, но сейчас-то зачем ему это? Не о выгоде речь, по-человечески поговорить хочется.

Был только один человек, который мог выручить, как палочка-выручалочка, — председатель, и Егор пошел к нему, хотя сомнения были и тут. Председатель мог посмотреть на все со своей колокольни. Верно: охотники не так связаны с колхозом, как остальные, но и они работают на колхоз, им трудодни тоже начисляют, и председателю не все равно, какие люди у него в охотничьей бригаде. Уговаривал же он Егора не уходить из нее, может и сейчас сказать, что зря Егор вылез со своей затеей.

— Никак опять что стряслось? — спросил председатель.

— А ты уж испугался, — засмеялся Егор. — Думаешь, снова жеребца попрошу?

— А хрен тебя знает! Довозишься ты с этой волчицей, Егор. Уколы-то делаешь?

— Бросил. Недельку поделал, а потом плюнул. Сил нет таскаться каждый раз.

— Вот это ты зря. А если заразишься?

— Не заражусь, засохло уже все. Деда вон тоже кусали, а он до смерти в лес ходил. За другим я к тебе, посоветоваться хочу.

— Ну, коли смогу, посоветую. Давай говори.

— Да чего говорить-то? — пожал плечами Егор. — В общем, ну ее к богу в рай, эту охоту, Степаныч. Хватит, наохотился. Зачисляй куда хочешь, а из охотников вычеркивай.

— Вот те раз! — удивился председатель. — Чего тебе вдруг стукнуло?

— Может, и стукнуло, а охотиться больше не буду.

— Чудак ты, Егор! Говоришь: посоветоваться пришел, а сам заладил, как попка: не буду да не буду. Толком можешь сказать, что там у тебя случилось?

— Сам не знаю, а только глаза бы не глядели на ружье. Как отрезало что-то. Вот ты говоришь: доводишься ты с этой волчицей. А я и сам уже думал: рехнулся, что ли? Хожу, а из башки не вылезает, что от волчицы все. Будто в ухо нашептывает: бросай, Егор, охоту, бросай... Сказать кому, так смех.

Говоря так, Егор ожидал, что его слова вызовут улыбку и у председателя, но тот вдруг хлопнул себя по коленке:

— Ах, дьявол тебя возьми, ну надо же! — И, видя, что Егор смотрит на него удивленно, продолжал: — Вот слушал тебя и вспоминал, случай на фронте приключился. У нас во взводе Мишка Звонарев был. Постарше нас всех, года с шестнадцатого, наверное. Мы все, как на подбор, холостяки, а

у Мишки уже четверо ребятешек было. И что интересно: мы все раненые-перераненные, а вон четыре раза в медсанбатах да в госпиталях был, а у Мишки ни одной царапины. Спрашиваем: «Слово, что ли, знаешь?» А он: «Да какое слово, жена молится. Каждый день, — говорит, — слышу ее молитвы». Мы сначала думали, врет Мишка, а он говорит: «Да что вы, ребята, зачем мне врать-то, когда все под одной смертью ходим». — «Ну а как слышишь-то?» — «Очень просто, — говорит. — Шепчет кто-то в ухо, и все тут». Ты понял, Егор, какая штука? Правда, ранило все же Мишку, так опять же чудно: только-только немецкую границу перешли, тут его и долбануло в щеку. Мы все удивлялись: до самой границы ничего, а за ней как будто и действовать все перестало.

Председатель достал смятую пачку «Севера», закурил, протянул пачку Егору, но тот отказался.

— В общем, Егор, что тут присоветуешь? Тебе виднее. Надумал бросать — бросай, я тебя неволить не стану. Работу мы тебе найдем, чай, косить и пахать не разучился. А насчет охоты я тебе давно хотел сказать: и что ты в ней хорошего нашел? Что война, что охота — убийство одно, и ничего больше. Некоторые говорят: подумаешь, зайца застрелил. А заяц жить не хочет? Все хотят. Кровь-то, Егор, у всех одна, и у всех красная. Хоть нас с тобой возьми, хоть лягушку какую. А почему красная? Доктора говорят: шарики в ней, мол, красные плавают. Может, и плавают, не видел. А по-моему, потому и красная, чтобы проливать было страшно. Была б зеленая, скажем, или синяя — ну и что? Чернила и чернила, и ничего такого. А вот когда красная, тогда и страшно. Ты вот на войне не был, не видел, как из человека-то кровь льется. И не дай бог видеть. А что говорят, будто привыкают, — врут это, Егор. Нельзя к такому привыкнуть.

Егор слушал председателя с удивлением. Никогда не думал, что человек, у которого одних наград сколько, будет говорить так. Ведь четыре года воевал, не раз убивать приходилось, а оказывается, вон все как. А главное, что все было правдой и созвучно с тем, что происходило в душе Егора сейчас. И он не привык к крови, хотя и думал, что привык. Просто одеревенел, что ли, — ведь каждый день только и знал, что стрелял. Он вспомнил, как мальчишкой еще убил первую свою птицу и как смотрел на нее с испугом и удивлением, не веря, что это он лишил ее жизни. Может, всего-то одна дробинка попала птице в грудь, и вся птица была целая, и только пониже зоба на чистых перьях у нее проступала красная капелька крови, и Егор глядел на нее, зачарованный внезапным и непонятным испугом. Это не был тот испуг, который возникает при опасности; его вызвало душевное прикосновение к тому, что было непознанным и запретным и что вдруг открылось воочию, зримо, как будто выстрелом сдернуло некий покров, загораживающий это запретное и тайное.

И вот сейчас в словах председателя прозвучало то, что казалось Егору давно прошедшим и забытым.

Провожая Егора, председатель спросил:

— Ну а с волчицей чего надумал? Так и будешь держать?

— Отпущу, — сказал Егор. — Давно собрался, да все жалко, привык.

— Я к чему спросил: сосед тут твой приходил, жаловался. Говорит, волчица спать не дает, воет. Да и скотина пугается. Не дело, Егор. Ты уж как-нибудь к одному концу давай.

— Да не воет она, Степаныч! Ну повыла и перестала. А Петьку распирает: как это так, у Егора волчица! Заявить надо!

— Да ничего он не заявлял, что он, Вышинский? Сказал, и все. Какие у вас там дела, сами разбирайтесь, я вам не судья, а с волчицей, Егор, решай. Не дело, говорю, держать ее дома. Мало ли что случиться может. Чего доброго, сорвется, искусает кого. Подсудное дело. Так что отпущай, не мешкай. Хотя, если узнают в районе, что отпустил, по головке не погладят. Волк ведь, вредитель.

Придя домой, Егор сказал жене, что вот она и дождалась своего, теперь он никакой не охотник, а с будущей недели начнет работать в колхозе.

Жена сначала не поверила, а потом, как Егор и думал, обрадовалась. Да и он сам чувствовал себя по-другому. Не радостнее, нет, а вроде бы спокойней, как будто что-то свалилось с души. Все стало определенным, и начинается новая жизнь. Завтра отпустит волчицу, а с понедельника — на работу. Хоть куда. Хоть к Василию на конюшню, хоть в кузницу к Гошке. Лучше к нему. Василий ничего мужик, да больно командовать любит. Он и с лошадьми-то не по-лошады, а все командует. А Гошка, тот молчун, знай себе стучит молотком. У него сейчас работы навалом, к посевной надо и плуги отремонтировать, и бороны, и телеги. А помощник у Гошки не очень-то, мальчишка Пахомов. Парень смышленный, ничего не скажешь, да силенок еще маловато. А в кузнице, куда ни повернись, железо одно. Надо сказать председателю, чтобы к Гошке определил, втроем-то сподручней будет.

С этим согласилась и жена, и они, наговорившись, легли спать.

А утром, выйдя в сарай за дровами, Егор услышал за домом не то кашель, не то всхлипывания. Словно кто-то давился и стонал при этом. А кто мог давиться, если на огороде была только волчица?

Егор завернул за угол. Конура стояла на самом конце огорода, но он сразу увидел, что волчица катается по снегу, то выгибаясь дугой, то вытягиваясь в струнку.

Что это с ней? Не похоже, что просто захотелось поваляться, вон как скрючивает.

Почувствовав неладное, Егор побежал, соображая на ходу, что еще могло приключиться. Подавилась? Так он и не кормил ее сегодня, а вечером дал только кусок конины, он волчице на один зуб, не могла она им подавиться. Чем же тогда?

И только подбежав, Егор увидел, что дело совсем в другом. Волчицу рвало, ее сводили судороги, и она с мучительными стонами каталась по грязному снегу, не замечая ничего вокруг.

Егор все понял. Ему не раз приходилось видеть отравлен-

ных волков, их точно так же рвало и крутило от крысиного яда, которым обычно начиналась приманка. Волчица тоже съела что-то отравленное. Но что — разбираться в этом некогда, нужно было попробовать спасти волчицу, и Егор побежал обратно в дом.

Жена возилась у печки, на шестке стоял чугунок с горячей водой, и Егор, обжигая руки, схватил его и вылил воду в пустое ведро.

— Да ты что, Егор! — изумилась жена. — Почто воду-то вылил?

— Волчица отравилась, сожрала что-то!

Егор разбавил кипятком холодной водой, попробовал рукой и, схватив ведро, кинулся к двери.

— Помогите! — крикнул он жене.

Волчица, обессилев от приступов, лежала пластом. Из пасти у нее шла зеленая пена, помутневшие глаза смотрели в никуда. Дрожь волнами прокатывалась по ее телу, начинаясь от живота и подступая к горлу, и волчица хрипела, с силой вытолкнув из себя душившую ее рвоту.

Перевернув волчицу на спину, Егор разжал ей пасть. Он не боялся, что волчица начнет вырываться, а тем более кусать, она находилась на той грани, когда осознание чего бы то ни было заслоняется близким смертным предчувствием.

— Лей! — велел Егор жене.

Вода с бульканьем лилась волчице в глотку, она давилась, но глотала, и Егор следил лишь за тем, чтобы волчица и в самом деле не захлебнулась, подсказывая жене, когда надо лить, а когда обождать.

Через минуту вода хлынула из чрева волчицы назад, унося остатки съеденного, но Егор не успокоился и повторил промывание.

— Может, молока ей, Егор? — предложила жена.

— Неси, — согласился Егор, и когда жена принесла кринку, они влили в волчицу и молоко. Больше помочь ей было нечем, оставалось дожидаться, подействует промывание или яд проник глубоко и волчица все равно сдохнет. Оставлять ее на огороде было нельзя, и Егор перенес волчицу в дом и устроил в дальнем конце моста. Она была как неживая, но Егор все равно надел на нее цепь, потому что знал: жена будет бояться, если оставить волчицу просто так.

Теперь, когда суматоха улеглась, Егор попробовал разобратся, что же такое могла съесть волчица. Мясо, которым он накормил ее вечером, не могло испортиться, в погребе лежало, а кроме мяса, волчица ничего больше не ела. Может, крысу поймала? Точно, крысу. Их по всей деревне морят, забежала какая-нибудь и попалась. Они, когда нажрут отравы, как пьяные делаются. Видать, наткнулась такая на конуру, а волчица ее и хапнула. Ну не дурища? Дымок был, тоже все норовил поднять, что где валяется, и эта туда же. Вот и доподнималась на свою голову.

Ничего другого на ум не приходило, и Егору оставалось только ругать волчицу за жадность, но не успел он свыкнуться с этой мыслью, как открылись факты совсем противоположные.

На другой день в обед, наскоро похлебав щей и проверив волчицу, Егор решил разбросать по огороду навоз из кучи, которая накопилась позади двора. Вил на месте не оказалось, и Егор вспомнил, что оставил их возле конуры, когда убирался у волчицы. Пришлось идти туда.

Весеннее солнце уже разрушило тропинку, снег на ней был почерневшим и рыхлым и чередовался с прогалами земли, и, дойдя до места, Егор вдруг увидел на мокрой глине след от сапога. А дальше еще один и еще. Егор присвистнул от удивления: следы-то не его! Хотя он тоже ходил в сапогах, но отличить собственные следы от чужих было несложно. С волчьими не путался, а уж тут и подавно.

Присев, Егор растопырил пальцы и смерил отпечаток. Получилась пядь с небольшим, от силы сорок второй размер. Егор носил сорок пятый, а жена не дотягивала и до сорокового. Чей же тогда след?

Егор пошел дальше по тропинке. Следы, то еле различимые на раскисшем снегу, то ясные на суглинке, привели к калитке, а оттуда потянулись вдоль плетня к соседскому огороду. Дальше Егор не пошел. Чего ходить, когда и так ясно: оказывается, Петька Синельников!

Егор облокотился на плетень. Значит, никакую крысу волчица не съела, а ее отравили. И сделал это Петька Синельников. Ну что за сволочной человек! Не мытьем, так катаньем. Не побоялся, паразит, на чужой огород прийти, вот до чего злоба довела. Ночью, видно, приходил, подкинул кусок, и назад.

Егор не знал, как поступить. Душа горела пойти сейчас же к Петьке, взять его за шиворот и сказать: что ж ты, гад, делаешь, но от этого Егора удерживала мысль о жене. Узнает про скандал, начнутся переживания, а зачем они ей? Но и оставить все как есть Егор не собирался. Петьку надо было проучить, но как? Не собаку отравил, не пойдешь и не скажешь, что Петька — гнида последняя и его надо привлекать. Да и не видел никто, как он все сделал, а не пойманный — не вор. Следы? Никто и не станет в них разбираться, скажут: мало ли кто у тебя был, Егор.

И все же Егор чуть не сорвался. Так и не разбросав навоз, он вернулся в дом. Жена уже ушла, и хотя до работы оставалось еще полчаса, Егору не хотелось одному сидеть в избе. Он вышел на крыльцо и тут увидел за плетнем Петьку. Тот возле поленицы колот дрова. Момент был подходящий, можно было кое о чем спросить Петьку, и Егор направился к плетню. Он видел, что Петька его заметил, но не показывает этого, продолжая с усердием махать топором.

— Петька! — позвал Егор.

— Ай? — откликнулся Петька, оборачиваясь и разыгрывая полную неожиданность.

Но Егор не собирался разводить дипломатию.

— Ты зачем отравил волчицу? — хмуро спросил он.

— Волчицу? Какую волчицу?

— Ты дурачком-то не прикидывайся, знаешь какую.

Петька чувствовал себя за плетнем как за границей, а потому соответственно и держался.

— Да иди ты со своей волчицей! Целуешься с ней и целуйся, я-то здесь при чем?

— Сволочь ты, Петька! Скажешь, и в огород не заходил?

— А ты видел? — нагло спросил Петька.

— Если б видел, я б тебе ноги выдернул!

И тут Петька, видно, уверенный, что плетень спасет его не только от Егора, но и от грома небесного, совсем разошелся.

— А этого не хочешь? — спросил он, показывая Егору кукиш.

Как и большинство спокойных по натуре людей, Егор мог долго терпеть, но если загорался, остановить его было трудно. Петькин жест взорвал его, и он, с хряском выдернув из плетня кол, стал перелезать через плетень.

— Только попробуй! — закричал Петька, поднимая топор.

Но Егор уже перелез и, как медведь, пошел на Петьку. Тот сначала попятился, а потом повернулся и побежал. Егор сразу остыл. Бросив кол, он тем же путем перебрался к себе на огород и пошел к дому. Петька что-то кричал вдогонку, но Егор не слышал что. Он не раскаивался в своем поступке, но ему было досадно, что все так получилось. Теперь жена укорит, как только обо всем узнает. А что узнает, Егор не сомневался. Уж теперь-то Петька побежит жаловаться прямым ходом. Скажет, что Егор чуть не убил его, да еще и плетень сломал.

Но Петька не нажаловался. За себя испугался, понял Егор. Рыло-то в пуху. Хоть и волка отравил, а все ж не своего. Но дело даже не в этом. Отравил бы где-нибудь, еще туда-сюда, а то ведь на чужом огороде. Как вор забрался, ночью. Думал, что все будет шито-крыто, а теперь понял, что Егор молчать не будет, если чего. Небось ждет, как бы Егор сам не нажаловался. Не пойду, не бойся, комариная твоя душа...

3

Волчица подыхала. После промываний ее больше не рвало, но теперь она исходила слюной. Слюна текла безостановочно, и Егор не успевал вытирать волчице морду.

За шесть дней, что волчица лежала на мосту, она ни к чему не прикоснулась, хотя Егор ставил перед ней и мясо, и воду. Обессиленная, она не могла поднять даже головы. Дородством волчица не отличалась и раньше, теперь же от нее остались кожа да кости, и Егору иногда казалось, что она уже не дышит. И только притронувшись к ней, он ощущал живое тепло.

— Пристрели ты ее, Егор, — просила жена. — Сил нет глядеть, как мучается.

— Пристрелить никогда не поздно, — отвечал Егор, продолжая ухаживать за волчицей.

Когда он принес ее с огорода, он и сам не верил, что она выкарабкается и на этот раз. Была, верно, небольшая надежда на то, что помогут промывания, но кто его знает, когда Петька дал отраву? Может, с вечера еще и яд уже разошелся по всему телу. А может, Петька пожадничал, потю у волчица и не сдохла сразу. Как бы там ни было, но когда обнару-

жилось, что она хоть и еле дышит, но не поддыхает, Егор решил ждать до конца. Он не осуждал жену за попытки склонить его к последнему шагу. Не каждый может из дня в день смотреть на чужие мучения. К тому же, если говорить прямо, во всем деле с волчицей жена была сторонней наблюдательницей и не могла чувствовать того, что чувствовал Егор.

Так было и два месяца назад, когда он приволок волчицу из леса и когда жена так же просила пристрелить ее. Для нее полуживая волчица была одновременно и помехой, и причиной для лишних переживаний, и она, никак с нею не связанная, простодушно полагала, что от всего можно избавиться одним решительным действием. Но это действие шло вразрез с тем, что незаметно, но прочно установилось в душе Егора за последнее время и стало как бы новой совестью. Полгода противоборства с волчицей не прошли даром. Оба они чуть не погибли в этом противоборстве, но даже не это подействовало на Егора, а внезапность перехода от жизни к смерти, пережитая им в тот декабрьский день, который едва не стал для него последним. Связь между жизнью и смертью оказалась неразличимой. Но, тонкая как паутинка, она в то же время была крепче волчьей жилы, и это поразило Егора. Ему впервые подумалось, что нить и его жизни, и нить жизни волчицы, наверное, вытканы прочно и надолго, но они сами чуть не оборвали их. Чужое прикосновение — вот что оказалось губительным для этих связей, а потому ни у кого не было права притрагиваться к ним по собственному усмотрению. Именно это, пока еще чувственное осознание все сильнее овладевало Егором прошедшей зимой. Быть может, оно так бы и заглохло, убей он тогда волчицу, но она выжила, и это было как знак. Стало быть, не судьба, сказал Егор, и не ему дано распоряжаться жизнью волчицы. Но и намеренно дожидаться, когда она сдохнет у него в доме, он тоже не мог. Вот почему он и стал vyhаживать ее.

Нынче многое повторялось. Снова приходилось спасать волчицу и отговариваться от жены, но если к ее просьбам Егор относился по-прежнему добродушно-снисходительно, то спасение волчицы было для него теперь жизненным делом. Оно стало частью его существования, и если бы волчицу могла спасти его кровь, Егор без колебаний дал бы ее.

На что он надеялся в этот раз? Даже зимой, с перешибленной лапой и пробитой головой, волчица не была так близка к смерти, как сейчас. И все же Егор верил, что хоронить ее рано. Хотя сам он никогда не пользовался на охоте ядом, ему не приходилось видеть у других, чтобы надежно отравленный волк не подох бы в первый же день. Волчица жила уже шестой, и несмотря на то, что все держалось на волоске, что-то тем не менее не сошлось в планах отравителя и укрепляло надежду в их полном провале.

Это был факт, так сказать, материального свойства, и он брался Егором в расчет в первую очередь, но было и нечто другое, что тоже клалось на чашу весов. Никто не смог бы убедить Егора в эти дни, что все случившееся с волчицей — судьба. Не могло быть такой судьбы, чтобы умирать дважды.

А с волчицей получилось именно так. Один раз она уже бывала за чертой, но каким-то чудом выжила, и вот снова стоит у этой самой черты. Но почему, за какие грехи? Неужели в тот раз он спас ее лишь для того, чтобы теперь она подошла в слюнях и в блевотине? Неужели ее судьба — Петька?!

Во что другое, а в это Егор поверить не мог, пускай бы его застрелили. Выживет, твердил он, сидя над волчицей и прислушиваясь к чуть слышному ее дыханию.

Как думалось, так и сбылось.

Все последнее время Егор находился в постоянном ожидании, даже спал вполглаза, и вот на восьмую ночь ему показалось, что на мосту звякнула цепь. Егор прислушался. Звяканье не повторялось, зато за дверью явственно слышалось поскуливание, словно там лежала не взрослая волчица, а недавно народившийся щенок.

Егор торопливо встал и вышел на мост. Зажег свет. Волчица, еле держась на ослабевших ногах, стояла в углу и тихо скулила.

Смотри-ка, встала! Егор обрадовался так, будто пошло на поправку не у волчицы, а у него самого или у кого-то из родных.

— Ах ты моя милая! — сказал он. — Оклемалась?

Он безбоязненно подошел к волчице, присел и легонько погладил ее по голове. Жесткая волчицына шерсть за время болезни стала еще жестче, а кости так и выпирали под кожей, но в глазах уже появился живой, осмысленный блеск. Она никак не отозвалась на Егорово прикосновение, не выказала ни страха, ни угрозы, покорно перенесла эту непривычную для нее ласку.

— Сейчас, сейчас! — заторопился Егор. — Сейчас мы тебя, милая, покормим!

Он побежал было в погреб за мясом, но, спохватившись, подумал, что волчицу сначала нужно напоить. Голод волки переносят сравнительно легко, а вот с питьем дело хуже. А эта восемь дней не пила, как только выдержала.

Егор принес воды и налил в миску. Волчица жадно прильнула к ней и стала лакать, но сил совсем не было, и она лакала медленно, с долгими передышками. Потом снова легла, с усилием поджав под себя лапы.

— А насчет мяса как? — спросил Егор. — Давай хоть маленечко, а?

Он сходил в погреб и принес кусок мяса.

От мясного запаха ноздри волчицы расширились, и она взяла кусок в пасть, но ни разжевать его, ни проглотить целиком не смогла, не было сил.

— Ну-ка дай, — сказал Егор. Он взял стоявший на мосту топор и разрубил мясо на мелкие кусочки. — Вот теперь в самый раз, попробуй-ка.

Но даже и такие куски волчица жевала с трудом, а проглотив, надолго замирала, безучастно глядя перед собой.

— Ну давай, милая, давай, — подбадривал волчицу Егор,

глядя ее по голове. И она, словно понимая, чего от нее хотят, брала кусок за куском и все так же медленно жевала и проглатывала.

В конце концов мясо было съедено.

— Вот и ладно, — сказал Егор. — Больше нам сегодня и нельзя. Спи давай.

Но прежде чем уйти, Егор еще некоторое время сидел рядом с волчицей, гладил ее по голове и говорил ей разные ласковые слова. Он давно не радовался так, как сегодня. И не только потому, что у волчицы наступило улучшение, но и по другой, не менее важной причине. Случилось то, чего он тщетно добивался в течение нескольких месяцев, — волчица подпустила его и вела себя так, будто сроду жила у него в доме, будто в ней и не было никогда той ненависти, которая двигала ею чуть ли не год. И это было не просто следствием ее физической слабости, а результатом каких-то неведомых Егору превращений, случившихся с волчицей за время болезни. Может быть, эти превращения давно назревали в ней, ведь за то время, что она жила у Егора, он не сделал ей ничего плохого, если не считать промашки с намордником, но кто знает, сколько бы еще выжидала волчица, прежде чем довериться. Болезнь же как будто подтолкнула ее к этому: Егор был уверен, что, даже находясь в беспамятстве, волчица чувствовала уход за ней, и это тоже каким-то образом повлияло на нее.

Утром Егор снова напоил и накормил волчицу. Она была уже не так слаба, и Егор знал, что теперь дело пойдет быстрее. Раз стала есть, через недельку совсем очухается. Волки вообще звери крепкие, а эта так прямо из ряда вон. Два раза одной ногой в могиле стояла, и хоть бы что!

— Видела? — сказал Егор жене, наблюдавшей, как он кормит волчицу. — А ты говорила.

— Что я говорила? — спросила жена с некоторой обидой в голосе.

— Сама знаешь что! — засмеялся Егор.

— Так я разве думала, что она выживет? А смотреть, как мучается, ну просто сил не было.

— Да ты не обижайся, я не в укор. Мало ли что бывает.

— Ну а теперь-то что делать? Ведь отпустить собирался.

Егор виновато почесал в затылке.

— Собирался, Маш, да передумал. Жалко мне ее. Верить, об Дымке так не жалел. Как подумаю, что отпускать, аж настроение портится. Пускай живет, Маш, а?

— Да пускай, — согласилась жена. — Думаешь, мне не жалко? Но Петьку разве вразумишь? Опять пожалуется.

— Не пожалуется, он нынче тихонький стал!

— Ой, Егор, что-то ты загадками говоришь! Аль припугнул уже?

— Припугнул, — сознался Егор и, видя, что на лице жены промелькнул испуг, поспешил успокоить ее: — Да ничего не было, не бойся. Поговорили, и все.

— Поговорили! Он тебе и это припомнит!

— Да и наплевать-то! Вякнет, я тоже молчать не буду. Не хватало еще Петьку бояться!

Петьку Егор действительно не боялся, а вот с председателем выходило нескладно. Пообещал человеку, что не сегодня завтра отпустит волчицу, а теперь от ворот поворот. Придется зайти, поговорить. Председатель, конечно, удивится, потому что думает, что волчица давно уже в лесу, а оказывается, висело мочало, начинай все сначала. А что делать? Так и нужно сказать: извини, Степаныч, не выгорело дело, и ты уж войди в положение. Нынче же надо зайти, неудобно будет, если председатель узнает обо всем от других.

Волчица поправлялась быстро. Appetit у нее после болезни был все равно как после великого поста, только давай, и Егор замучился с мясом. Если б не мыловары, хоть снова берись за ружье. Правда, мыловары не знали, куда теперь идет мясо, думали, что Егор все еще ловит волков, и он не разубеждал их. Узнают, что у него живет волчица, пойдут всякие разговоры, а дойдет до района, глядишь, объявится какой-нибудь инспектор, штрафом еще обложит, у них это скоро делается.

Но пока все было тихо, а с мясом неожиданно помог и Гошка. Не проходило недели, чтобы кузнец не принес чего-нибудь — то требухи, а то просто костей. Где он все это брал, Егор не допытывался. Приносит — и хорошо.

— Будешь так есть, по миру пойду, — говорил Егор волчице. — Пока еще куда ни шло, а обрастешь жирком, снова на паек переведу, уж не обижайся.

Но шутки шутками, а все же однажды Егор решил попочевать волчицу постным. И от коровы, и от овец оставались отходы, и он, намешав в коровье пойло картошки и муки и добавив немного мяса, дал попробовать волчице. Будет есть, так будет, а заартачится — тут ничего не поделаешь.

Но волчица без всяких понуканий съела все.

— Умница ты моя, — сказал Егор.

Дело было сделано действительно большое. Картошки в доме — целый подпол, мука тоже есть, а бросить в пойло кусок-другой мяса — от этого не разоришься. То же kilo можно растянуть на две кормежки.

А там пришел день, когда Егор перевел волчицу на ее законное место, в конуру. Чтобы Петька не повторил покушения, Егор перетащил конуру ближе к дому и обгородил заборчиком. Настелил в нее сена, а от блох набросал по углам сухой полыни, связки которой висели у него на потолке.

— Живи, — сказал он волчице. — Тут тебе и воздуху побольше, и свои дела делать удобней. А то ведь дома за тобой не наубираешься.

Наконец-то настали тишь и благодать, о чем давно уже забыли и Егор, и жена, да и волчица тоже. Чего только не случилось меньше чем за год! Чудеса какие-то, удивлялся Егор. Жили себе и жили, и вдруг как прорвало, все смешалось и перепуталось, и не поймешь, где концы.

И вот все улеглось, и все успокоились. Председателю Егор сказал, что волчица пока у него. Заболела, мол, а как поправится, тогда он ее и отпустит. Да ну тебя, ответил предсе-

датель, надоел со своей волчицей. Делай ты с ней, что хочешь. Петька притих и не показывался на глаза, а волчица жила в своей конуре. Егора она встречала ласково, но без суеты, не так, как, бывало, Дымок, который чуть с ног не сбивал, а иной раз даже струйку пускал от радости. Этой суеты Егору и не надо было от волчицы, он был доволен и тем, что глаза ее не темнели, как раньше, когда она видела его, а светились желто, по-доброму. Лишь иногда он улавливал в ее взгляде какую-то пристальную внимательность к себе, словно волчица чего-то ждала и знала, что Егор догадывается о ее тайном желании.

— Ну чего уставилась, давно не видела? — грубовато говорил Егор, чувствующий себя неловко от этой звериной пристальности. Когда волчица смотрела на него так, ему казалось, что она и впрямь знает все его мысли и намерения. А что, думал он, может, и знает. Волчице лет семь, наверное, половину жизни она уже прожила, и он, по этим меркам, совсем еще глупый, хотя и думает, что умнее ее. Был бы умнее, не попался б в тот раз на ее удочку. А то влип, как воробей в теплый навоз.

Но даже такие сравнения не задевали теперь Егора. Вспоминая, как бесился зимой, каким ударом по самолюбию была для него волчья засада, он лишь хмыкал и качал головой.

4

Да, время шло. Как всегда, незаметно пролетело лето, протянулась слякотная осень, и снова пришла зима. Пришла и принесла с собой новые неприятности.

Все в деревне знали, что у Егора живет волчица, но никто ничем, если не считать Петькиной выходки, не показывал Егору какого-нибудь недовольства или недоброжелательства. Быть волчица давно перестала, и кому какое дело, зачем ее держит Егор. Может, продать кому собирается.

Однако в последнее время Егор заметил перемену в настроении деревенских. Раньше, встречая его на улице, они приветливо здоровались, спрашивали, как жизнь, как дела; теперь же в их поведении появились непонятные сдержанность и настороженность. Женщины при виде Егора начинали шептаться, а мужики смотрели удивленно-недоверчиво, как будто знали о чем-то, но верили и не верили.

Поначалу Егор удивился такой перемене, а потом махнул рукой: что он, святой дух какой, чтобы обо всем догадываться? Если что знают, пускай скажут, а не говорят — их дело. Особой дружбы у Егора ни с кем не водилось, он уж и не помнил, когда заходил в последний раз к кому-нибудь в гости. К матери только да к теще, а так все в лесу да в лесу. Поговорить по душам он любил только с председателем либо с Гошкой, но к председателю заходил лишь по крайней нужде, а с Гошкой много не наговоришься, молчит целыми днями.

Но Гошка-то и открыл Егору глаза на все.

С утра они делали полозья для саней. Пахомова мальчишки в кузне не было, болел который день, и Егору приходилось

крутиться за двоих — и мехи качать, и то подносить и это, и там поддержать, и тут помочь. Гошка — кузнец. Его дело — главную работу делать, а уж ты успевай поворачиваться.

Пока работали, Гошка по обыкновению молчал, а сели покурить, вдруг сказал:

— Чудное мне давеча баба ляпнула, Егор. Будто бы ты это, ну будто в волка обворачиваешься.

— Это как же? — изумился Егор.

— Так я и сам не знаю. Я бабе так и сказал, чтоб не болтала чего не след, а тебе вот говорю.

Вон оно что, вон откуда ветер-то дует!

— А кто ж твоей Дарье это сказал?

— А лучший ее знает! Бабы, они ведь, как пчелы, одна что разнохает — весь рой туда. Я говорю своей: ну что ты языком мелешь, что я, Егора не знаю? А она знай свое. Видели, говорит, как вечером волк, ты, значит, от бани на огород бежал.

Егор не знал, то ли ему злиться, то ли смеяться. Совсем сдурели! Небось Петька опять выкобенивается. Сказанул кому-нибудь, тот дальше, вот слух и пошел. Попробуй докажи теперь, что я не я и лошадь не моя.

А на следующий день жена подлила масла в огонь. Пришла на обед, села есть, а у самой ложка в руке дрожит.

— Ты что, знобит, что ли? — спросил Егор.

— Зазнобит тут! Наслушаешься, что про тебя говорят, не то станет!

Егор понял, в чем дело.

— Насчет волка поди? Так мне Гошка уже сказал.

— Во-во! Вся деревня лясы точит, а тебе хоть бы что!

— А ты больше слушай! — рассердился Егор.

— Что ж мне, уши теперь заткнуть? Это тебе хорошо: раньше в лесу жил, сейчас из кузницы не вылезает, а мне куда деваться? Нынче прихожу на скотный, а Фроська Зуева отзывает в сторону и говорит: уж не знаю, как тебе и сказать, Маш, только про Егора такое говорят! Да что, спрашиваю. А то, что оборотень он, в волка обворачивается и по огороду бегает. Может, волчица, говорю, так она бегать не может, на цепи сидит. Да нет, отвечает Фроська, какая волчица — волк! Потому Егору так и везло на охоте, что он с волками знается.

— Дура набитая твоя Фроська. Ишь чего выдумала: везет Егору! Поуродовалась бы с мое, узнала б, везет или нет.

— У тебя все дураки, один ты умный. Если б только Фроська, а то все говорят.

— Ну и пусть, когда-нибудь устанут. Что ты, наших деревенских не знаешь?

— Отпусти ты эту волчицу, Егор. Одни напасти от нее, никакого покоя.

— Да куда ж ее отпускать, Маш? Слабая она еще. Свои могут загрызть или какому охотнику подвернется. Вот покормлю зиму, а весной отпущу.

— Ты уж сто раз обещался, а сам ни с места. Мало тебе все, Егор? Себя не жалеешь, обо мне бы хоть подумал, не жизнь, а одна нервотрепка.

— Ей-богу, отпущу, Маш! Потерпи немного, январь уже, все-то ничего осталось.

Жена безнадежно махнула рукой:

— Я-то потерплю, да ты пока соберешься, опять что-нибудь стрясется...

Нелепый слух, неизвестно кем пущенный по деревне, не особенно трогал Егора. Разве что брала досада: взрослые люди, а как дети, занимаются сказочками.

Но в обоих разговорах, и с Гошкой, и с женой, Егора заинтересовало одно: тут и там говорилось о каком-то волке, который будто бы бегают по огороду. Вряд ли Петька, если это он пустил слух, мог додуматься до этого. В чем же тогда дело? Какой еще волк мог объявиться и почему кто-то видел его, а Егор нет, хотя этот волк бегают по его огороду?

Что-то стояло за всем, какая-то реальность, но Егор не знал, с какого конца к ней подступиться.

Все прояснилось, как всегда, неожиданно.

Как-то, дней через пять после всех волнений, Егор пошел кормить волчицу. Ночью сыпал снежок, покрывший ровным слоем утрамбованную тропинку, и, подойдя к конуре, Егор не поверил своим глазам: на тропинке, как нарисованный, отпечатывался свежий волчий след. Две одинаковые цепочки — к конуре и обратно.

Вот это да! Оборотень-то, оказывается, не сказка, вон какие печатки оставил, даром что нечистая сила!

Егор наклонился и стал рассматривать след. Он был крупным и глубоким, такой мог оставить только матерый волк, и Егор сразу догадался, что за оборотень повадился к нему на огород. Ах, дьявол серый!

Егор повернулся к волчице. Она стояла возле конуры и дожидалась, когда ее накормят.

— Ну ты и штучка! — сказал Егор. — Устроилась! Кормят, поят, а теперь и мужики начали охаживать.

Волчица переступила лапами, и это был как знак нетерпения: чего, дескать, много говорить, давай корми.

Егор перешагнул через заборчик и тут увидел, что весь снег перед конурой изрыт волчьими следами.

— Повеселились, нечего сказать!

Он наполнил миску, и волчица стала есть.

Дела складывались нарочно не придумаешь. Волчица живет в конуре, а к ней из лесу ходит волк! И, видать, кому-то попался на глаза, а отсюда все и пошло, все эти разговоры про оборотня — кто же поверит, что волк может бегать в деревню не за добычей, а к волчице? Скорее поверят в оборотня. А кто им был на самом деле, Егор знал на все сто процентов — конечно, тот самый волк, которого он выследил на болоте. Волки выбирают друг друга надолго, иногда на всю жизнь, вот и этот на всю жизнь выбрал. Год уже, как волчица живет здесь, а он все не забыл. И надо же какой: знает, что по краешку ходит, а ходит. Подобралась парочка, один другому ни в чем не уступят.

Было чем удивить жену.

— А ведь не врут бабы-то, Маш, — сказал Егор, вернувшись. — Оборотень-то, ей-ей, завелся. Пойдем-ка, что покажу.

Он привел ничего не понимавшую жену к следам.

— Во, видала!

— Кто же это, Егор? — испуганно спросила жена. — Лапищи-то какие!

— Волк, кто, — ответил Егор и кивнул на конуру, откуда выглядывала волчица. — Ухажер вон ее.

— Да что ты из меня дурочку делаешь! — обиделась жена. — Так я тебе и поверила!

— Вот чудная! — засмеялся Егор. — Говорю же: волк. Сама, что ль, не видишь? Иль, и верно, думаешь, что оборотень?

— Лапищи-то, лапищи! Такие и не бывают у волков!

— Еще как бывают, — сказал Егор. — Я этого дьявола на болоте видел. Веришь, с теленка!

Но жена уже говорила о другом:

— А вдруг они повяжутся, Егор?

— Так и пусть вяжутся, волчата будут.

— Ты, никак, угорел! Да что мы с ними делать-то станем? С одной волчицей с ног сбились, а тут целый выводок! Ладно, пока маленькие, а как вырастут, тогда что?

— Ну что ты раскипятилась? Может, еще ничего не будет. Год-то для нее какой был: два раза на том свете побывала, а теперь рожать. Попробуй роди, когда душа в чем только держится. Ты глянь на нее: кормлю-кормлю, а ребра все торчат.

Но предположения Егора не оправдались, и скоро он заметил, что волчица в тяжести. Она теперь больше лежала и стала много есть. Если раньше ей хватало на раз одной миски, то в последние дни Егор не успевал кормить волчицу. Она жадно съедала все и настойчивым поскуливанием просила добавки.

— Ешь, милая, ешь, — говорил Егор, во второй раз наполняя миску.

А через две недели уже всякий, кто взглянул бы на волчицу, мог сказать, что она ждет волчат. Она заметно погрузнела, а весь ее облик стал добрее и мягче.

— Ну, будут у нас волчатки-маслятки? — спрашивал ее Егор, и волчица смотрела ему в глаза и жмурилась, как ласковая кошка.

Деревенские вновь переменялись к Егору. Оборотень интересовал их своей таинственностью и жутью, но действительность оказалась куда интересней. Надо же: волк приходит к волчице в деревню, как будто в лесу волчиц не хватает! Об этом судили на разные лады, одни говорили, что волк прибегал не по любовным делам, а по родственным, потому что это, наверно, сын волчицы; другие не соглашались с ними, говоря, что никакой это не сын, а самый настоящий полюбовник, только хитрован: разнюхал, что волчица приязана, вот и наладился, и правильно сделал — чего гоняться за какой-нибудь финтифлюшкой в лесу, когда эта от не-

го никуда не убежит; третьи же заявляли, что волку ничего не нужно было от волчицы и прибежал он только для того, чтобы поест из ее миски.

Гошка регулярно оповещал Егора о всяких изменениях в общественном мнении, и, слушая кузнеца, Егор посмеивался про себя над горячностью деревенских гадателей. Он-то знал точно, зачем приходил волк, и не обвинял его ни в хитрости, ни в корысти. Егора занимало другое: он прикидывал, как поведет себя волк дальше. По всем законам, он должен был держаться теперь поблизости, и это тревожило Егора. Пусть держится где хочет, а вот что он жрать будет? Наверняка начнет по дворам шарить, и тогда все шишки на Егора посыплются. Скажут: заварил кашу, давай сам и расхлебывай. А как ее расхлебашь? Разве что выведать, где держится волк, и попробовать турнуть его оттуда.

Ничего другого не оставалось, и в субботу Егор с вечера приготовил лыжи, набил патронташ патронами и впервые за весь год осмотрел и вычистил ружье.

Жена, увидев его приготовления, прямо-таки изумилась:

— Ты, никак, на охоту, Егор?!

— Сразу уж и на охоту! Пойду завтра проветрюсь, а то заикс весь.

— Проветрюсь! А ружье-то зачем?

— Так в лес же собираюсь, мало ли что.

Егор видел, что жена не очень-то верит ему, но рассказывать о своей задумке не стал. Заикнись, что собрался волка пугнуть, жена скажет: ну вот, опять за свое взялся, и снова начнутся всякие упреки. Лучше уж все потихоньку сделать.

Искать без всякой разведки одного-единственного волка, когда кругом лес, — дохлое дело, но Егор рассудил, что не обязательно обшаривать всю округу. Волка видели возле бани, вот с этой стороны и надо начать. Места эти волку знакомы, здесь он гнал в тот раз Дымка на засаду, здесь, может быть, дожидался волчицу, когда она приходила под окна; где-нибудь поблизости волк мог обосноваться и сейчас.

И чутье не обмануло Егора: стоило ему немного отойти от бани, как он наткнулся на волчьи следы. Они вели через луг к лесу, и Егор пошел по ним, чувствуя, как в нем просыпается охотничий азарт. Словно бы он и не сидел весь год дома, а только вчера вернулся из леса, и вот идет снова. Похрустывал под лыжами сухой февральский снег, морозный ветерок знакомо обжигал лицо, и Егору казалось, что он идет по следу не одного волка, а всей болотной стаи, что волчица не сидит сейчас на цепи, а где-нибудь на лежке ждет наступления ночи, и что встреча с ней еще впереди.

След вел все глубже и глубже в лес, идти по нему и дальше было пустой тратой времени, и Егор решил сделать то, что всегда делают охотники, когда хотят узнать, там ли зверь, где они думают, или же давно ушел. А для этого следовало обрезать круг, то есть, взяв вправо или влево от следа, описать большую окружность и определить, пересек ее след зверя или остался внутри. Пересек — начинай все

сначала, увеличивай окружность, нет — зверь находится в круге.

Нелегкое это дело — идти по целине и двадцать и тридцать километров, смотря по тому, как далеко ушел зверь, но Егор надеялся, что его расчеты верны и волк не станет забираться в самую глушь. Все же круг получился немалым: когда Егор вернулся на то место, откуда начал, солнце заметно передвинулось по небу. Но это уже не заботило Егора. Волчий след нигде не вышел за окружность, волк был внутри, и оставалось нагнать на него страху.

Достав из-за спины ружье, Егор двинулся внутрь круга и начал палить в белый свет как в копеечку. Он знал, что других людей в лесу нет, но все равно стрелял поверху, и картечь, смачно срезая ветки, усиливала производимый шум, что и нужно было Егору. Никакой волк не мог устоять под таким напором, и, расстреляв весь патронташ, Егор посчитал дело сделанным. Пусть этот умник катится теперь куда подальше, а попробует еще сунуться, попугаем и пострашнее.

Егор вынул из стволов гильзы и наконец-то остановился и огляделся. Разазартившись стрельбой, он перестал замечать, куда идет, палил, лишь бы навести побольше треска, и теперь увидел, что забрел на гарь. Место это было знакомо Егору, но раньше он не любил заходить сюда, где мертвые деревья стояли, как кресты на кладбище, навевая беспокойство и тоску. И вот, не хотел, да занесло.

Впереди виднелась поляна, и Егор пошел сквозь кусты к ней. Хотелось посидеть и покурить, а то как вышел из дома, так ни разу табачком и не захватился.

Егор подивился виду поляны: на ней не росло ни дерева, ни кустика, лишь посерединке торчал занесенный снегом пенек. И то хорошо, подумал Егор, хоть есть где посидеть. Не смекая снег, он сел на пенек и свернул сигарку. Целый день на воздухе — от первой же затяжки у Егора закружилась в голове, как от вина. Но это опьянение быстро прошло, и он, утолив табачный голод, стал с интересом разглядывать поляну. Она была, ей-богу, чудная — вся голая, будто кто-то нарочно свел на ней кусты и деревья, оставив неизвестно зачем торчащий, как пуп, пенек. Неужели здесь и не росло ничего? А пенек, пенек-то от чего остался?

Егор встал и vareжкой очистил пенек от снега. Осина. Лет полста, видать, простояла, сердцевина-то черная вся, гнилая.

И тут Егора словно толкнули. Из дальних далей памяти выплыло зыбкое, ускользающее воспоминание о какой-то поляне, каком-то пне и о чем-то другом, что то ли уже было или чему только предстояло быть. Но что, что же такое было? Где и когда? С какой-то стати втемяшилось, что видел и эту поляну, и этот пенек? Силась понять, почему какая-то поляна кажется знакомой, Егор перебрал в уме все известные ему места, которые хоть как-то подходили бы к этому, но ничего похожего не вспомнил. Но ведь с чего-то пошла эта блажь? Не мог же он ни с того ни с сего признать поляну, на которой ни разу не был! Погоди-ка, погоди-ка... Пенек! Точно, пенек. Осиновый. Да провалиться на месте, если он придумал его! Был пенек, был! Вспомнить только...

Но вспомнить не удавалось. Мелькнувший было просвет в памяти загораживало, как загораживает глаза отведенная в сторону ветка, стоит лишь отпустить руку.

Всю обратную дорогу Егор думал о чертовщине, приключившейся с ним, но так ни до чего и не додумался. А дома рассказал обо всем жене. Сначала она было посмеялась над Егором, но, услышав про пень, вдруг спохватилась:

— Гляди-ка! Ты ведь и бредил когда, все про какой-то пень говорил. И про Буяна тоже.

— Про какого Буяна? — удивился Егор.

— Нешто я знаю, про какого? Говорил, и все.

Тут Егор окончательно запутался. Пень, поляна, а теперь какой-то Буян. При чем здесь Буян? И кто это такой? Лошадь, что ли? Так жеребец у них Мальчик, а кобылу Ласточкой звали...

Под конец жена не утерпела-таки, спросила:

— А где ж добыча, охотник? Ходил-ходил, а убил ноги и время? — Она явно вызывала Егора на откровенность, но он держался стойко.

— Да где ж добыча? В лесу бегает. Говорю же: проветриться ходил, а она не верит. Ты думаешь, легко всю неделю в кузнице торчать? Одна копать кругом.

— А как же Гошка? Он всю жизнь там торчит.

— Гошка! Гошка привык, ему эта копать вроде как на пользу.

— Ой, не ври ты уж лучше, Егор! Не знаю, зачем ты в лес ходил, но только не проветриваться. Как будто я не вижу, что у тебя патронташ пустой. Патроны-то куда дел?

— Выбросил, — не моргнув глазом, ответил Егор.

Эта ложь рассмешила жену.

— Врал бы, да не завырался. А то, как маленький: выбросил! А ружье для какого рожна оставил? Выбрасывал бы и его.

— Ружье жалко, Маш, — сказал Егор.

5

Волчица доживала последние дни, и Егор, готовясь к прибавлению семейства, заново перестелил в конуре и законопатил кое-где рассохшиеся доски. Затыкая щели паклей, он посмеивался сам на себя: в логове волчата лежат вообще на голой земле, и льет на них, и дует, а он им тут курорт устраивает.

Но эта самокритика не мешала Егору делать лишнее с точки зрения природы дело. Как там в природе — это их забота, рассуждал он, подразумевая под «их» неизвестно кого, а мы по-своему сделаем. Откуда у него появилось такое желание обустроить еще не появившихся волчат, Егор и сам не знал и удивлялся этому неожиданно возникшему чувству. Никогда такого не было. Вон Дымок: со щенка рос в конуре, и даже в голову не приходило что-то там сделать, кормил, и слава богу, а тут и постельку мягкую стелешь, и щелки затыкаешь.

Волчица наблюдала за стараниями Егора с терпеливым спокойствием, хотя Егор видел, что вся его возня с конурой не очень ей по душе. Она и раньше редко вылезала наружу, а теперь и вовсе целыми днями лежала, и только когда приходил Егор, выбиралась на божий свет. Она начала линять, клочья шерсти свисали с ее боков, и Егор выщипывал их и почесывал линялые места. Линька у кого хочешь вызывает зуд, Егор помнил, как у самого чесалось лицо, когда сходила старая, отмороженная кожа, и знал, что волчице приятны эти пощипывания и почесывания. Она стояла смиренно, как овца, и только смешно дрыгала задней лапой, как будто помогая Егору, когда он доходил до места, где у волчицы особенно чесалось.

В эти дни и случилось то, чего Егор никак не ожидал от волчицы и что затронуло в нем самые глубокие струны.

Волки линяют долго, чуть не весь апрель, и у Егора стало привычкой вычесывать волчицу. Перед работой он обязательно приходил к ней, кормил, а потом чистил и охорашивал ей шерсть. Так было и в тот день, с одной лишь разницей: поворачивая волчицу как ему удобней, Егор нечаянно коснулся ее отвисших, тяжелых от молока сосцов. И сразу почувствовал, что она вся замерла от этого прикосновения. Напрягся и Егор, не представляя, как волчица отнесется к его действию. Чесать-то чеши, да знай меру, возьмет и цапнет, не посмотрит, что перед ней распинаются.

Но волчица не выказывала никаких неудовольствий, и тогда Егор, подталкиваемый неясным, но сильным чувством, осторожно погладил волчицу по соскам. Они были нежные и в то же время шершавые и щекотали ладонь. Волчица по-прежнему не выдавала своего настроения, и Егор уже смелее провел рукой по ее животу.

— А кто там у нас? Волчатки-маслятки? — ласково спросил он и тут же убрал руку, потому что волчица, неожиданно обернувшись, потянулась к Егору.

— Ну не буду, не буду, — успокоил он ее, думая, что волчице надоели его чересчур вольные ухаживания и она предупреждает его. Но вместо этого волчица ткнулась холодным носом Егору в ладонь и вдруг лизнула ее.

Егор ожидал чего угодно, но только не этого: Волчья доверчивость так растрогала его, что он без всякой опаски обхватил руками шею волчицы и прижался лбом к ее лбу.

— Ах ты, моя хорошая, ах ты, моя милая! — приговаривал он и терся лбом о лоб волчицы, ощущая на нем прикрывающую редкой шерстью вмятину от пули. Эту пулю выпустил он сам, потому что жаждал убить волчицу, а еще раньше забрал у нее волчат, и хотя не убил их, это сделали за него другие, а он с чистым сердцем получил свои полторы тысячи. И вот волчица простила ему все. Человек не простил бы, а дикий зверь простил. Ах ты, зверь, зверь! Ведь даже не знаешь, что всю душу перевернул. Или знаешь? Да кто ж тебя разберет, все молчишь да молчишь только смотришь. Живи, милая, рожай. Что там завтра будет — никто не скажет, одно знай: в обиду тебя никому не дам.

Наверное, Егор еще долго бы объяснялся с волчицей, но помешала жена. Когда она подошла — Егор и не заметил, почувствовал только, что волчица хочет освободиться от него. Он разжал руки, и волчица юркнула в конуру, и лишь тут Егор увидел жену. Она стояла возле заборчика и удивленно смотрела на Егора.

— А ты и впрямь оборотень, Егор! О чем это с волчицей-то шепчешься?

— Оборотень, Маш, оборотень! — весело отозвался Егор. — Хочешь, и тебя научу?

— Ладно уж болтать, иди лучше в дом, там тебя председатель дожидается.

— Что это он с утра пораньше?

— А разве я знаю? Велел позвать, а зачем, не сказал.

Председатель заходил к Егору, но обычно по выходным, а сегодня и работа еще не началась, а он зачем-то дожидается. Может, в кузнице чего понадобилось?

Но Егор не угадал. Председатель, встретив его на крыльце и поздоровавшись, сказал:

— Ну, Егор, дождался ты со своей волчицей. В районе откуда-то прознали про нее, вчера звонили. Спрашивают, кто разрешил держать волчицу в деревне.

— А им-то что! — сказал Егор возмущенно. — Тоже мне, нашли к чему прицепиться — волчица! Что она — по деревне бегает или укусила кого? На цепи же сидит.

— На цепи или не на цепи, не в том дело. Не разрешается волков держать дома, запрещено. Я и сам не знал, этот, который звонил, сказал. Так что не доводи дело до скандала, Егор, отпускай волчицу.

— Да не могу я ее отпустить, Степаныч! На сносях она.

— На каких еще сносях? — удивился председатель.

— На обыкновенных, брюхата. Не сегодня завтра волчат принесет.

— Чудеса! — сказал председатель. — Сидит в конуре, и вдруг волчата. Это кто ж ее огулял, кобель деревенский, что ли?

Теперь пришла очередь удивиться Егору.

— А ты будто ничего не знаешь?

— Да что знать-то?

Егор понял, что все слухи, связанные с ним и с волчицей, обошли председателя стороной. Такое в деревне, где все знают друг о дружке, могло случиться только с ним: председателю не до слухов, он на заваulinке не расслаживается, с утра и до ночи по делам. Пришлось вводить его в подробности.

— Ну как ее отпускать, такую? Она и до леса-то не добежит, родит по дороге.

— Да, неловко выходит, — согласился председатель. — Хоть и волк, а жалко. Но что-то надо делать, Егор. Нельзя и дальше так оставлять.

— Так и не буду. Оценится, и отпущу.

— А волчат куда?

— Тоже в лес. Снесу в старое логово, а там волчица сама разберется.

Председатель усмехнулся.

— Ладно, что с тобой поделаешь. Позвонят еще, как-нибудь отговорюсь, но ты волокиту не разводи. Некогда мне волчицами заниматься, Егор, посеяная на носу.

Волчата родились ночью. Голые и слепые, они ничем не отличались от щенят, и, пересчитав их, Егор только развел руками: волчица опять принесла пятерых. Как на счетах считает, посмеялся Егор. Он хотел накормить волчицу, но она даже не притронулась к еде. Зато вздохнула вылакала две миски воды.

— Устала, милая, — сказал Егор. — Ну полежи, полежи, потом накормлю.

Он посидел у конуры, наблюдая, как сосут волчата. Вроде все знал о волчьей жизни, а вот видеть, как кормят волчицы, не доводилось. Правда, ничего нового в этом не было. Точно так же сосали и щенки собак, и котята: растопыряв коготки, теребили лапками материнский живот, подминали друг дружку и тоненько пищали, когда теряли сосок. Но смотреть все равно было интересно: все-таки волки!

— Как хочешь, Егор, а я за ними ходить не буду, — сказала жена. — Что мне теперь, разорваться?

— А чего за ними ходить, они до июня будут в конуре, как миленькие. А там посмотрим.

Миленькие-то миленькие, однако Егор представлял, какие дела начнутся, когда волчата подрастут. Нести их в лес сейчас, как обещал председателю, Егор не решался: до логова надо шагать часа три, а волчата такие маленькие, что в мешке и не донесешь, задохнутся. Но сложность заключалась даже не в этом. Волчат можно было положить и в лукошко, там с ними ничего не станется, но ведь волчица не даст их. А отбирать силой — значит снова ожесточать волчицу, чего Егор не согласился бы делать ни за какие деньги. Вот подрастут волчата, сказал он, начнут выходить из конуры, тогда и сделаем все в лучшем виде. Пока в районе опять хватятся, воды много утечет.

Через неделю волчата проглянули, а потом начали все быстрее и быстрее обрастать шерстью, и с каждым днем в них все сильнее угадывалось волчье обличье. Большеголовые, с острыми ушками, они теперь мало походили на собак, а намечавшийся продолговатый разрез глаз выдавал их окончательно.

Чтобы не беспокоить волчицу, Егор даже не притрагивался к щенкам, хотя ему не терпелось узнать, кого в помете больше — мальчиков или девочек. По опыту Егор знал, что раз на раз не приходится, в один год бывает больше девочек, но чаще все же наоборот. Наверное, оттого, что волков выживает меньше, чем волчиц. Как ни крути, а волк рискует чаще. Ему и за волчицу драться надо, и пищу добывать, и логово караулить, и уж тут, рано или поздно, а пропадешь.

Дочка, узнав про волчат, каждый день просила Егора показать их, и Егор был не против, но жена протестовала.

— Да зачем ей эти волчата! У них, чай, блох не знаю сколько.

— Ну какие блохи, Маш? — говорил Егор. — Волчицу я вычесывал, откуда им взяться. Пусть Катя посмотрит волчат, а?

— Боюсь я, Егор. Ненормальная твоя волчица. Мимо идешь, а она так и зыркает.

Что правда, то правда. Егор давно заметил, что волчица недолюбливает жену. Но ведь и Маша тоже не жалует волчицу. Конечно, плохого ничего не делает, зла на нее не держит, но и ласкового слова не скажет. Ведь сколько они спорили насчет волчицы. А она все понимает, чувствует, что Маша в душе против нее настроена.

Но все же Егор уговорил жену, и как-то, собравшись кормить волчицу, взял с собой дочку.

Волчица издали увидела их и вылезла из конуры. Волчатам тоже хотелось посмотреть, что творится вокруг, но они еще боялись выползти наружу. Сгрудившись возле лаза, они с любопытством смотрели на Егора.

— Ну, покормим волка, Кать?

— Покормим, — ответила дочка, держась, однако, за Егора.

— А ты боишься его?

— Боюсь. Волки кусачие.

— Это кто же тебе сказал?

— Бабушка Шура.

— А-а, — протянул Егор.

Бабушка Шура была мать жены, она чаще другой бабушки сидела с внучкой и, укладывая ее спать, частенько напевала вполголоса про серого волчка, который может прийти и схватить Катю за бочок, если она не будет спать. В детстве и Егора укладывали под эту песенку, и он помнил, как боялся волчка.

Егор наполнил миску, и волчица стала есть, а он присел рядом на корточки. Дочка по-прежнему держалась за Егора.

— Не бойся, маленькая, — успокоил он ее. — Этот волк не кусачий. Да он и не волк, а волчица.

— Какая волчица? — спросила дочка.

— Обыкновенная. Которая мамка волчат. Вон волчатки-то, видишь? А это их мамка.

В это время у лаза произошла какая-то свалка, и из него вывалился волчонок. Оказавшись на земле, он прижался к ней, озираясь и принюхиваясь и не решаясь стронуться с места. Волчица, бросив еду, метнулась к волчонку, взяла его пастью поперек тельца и скрылась в конуре. Повозившись там с минуту, вновь вылезла и принялась доедать оставшееся в миске.

Подождав, пока волчица насытится, Егор сказал дочке:

— Давай погладим волчицу?

Но дочка замотала головой, отказываясь.

— Да не бойся, маленькая! Она хорошая, не укусит. — Егор протянул руку и погладил волчицу по голове. — Видишь? Иди, не бойся?

Волчица смотрела на дочку без всякого интереса, и когда

та все же решилась дотронуться до нее, даже не повернула головы.

Смотри какая, и Катю не признает, подумал Егор. Он надеялся, что волчица отнесется к дочке ласковее, чем к жене. Своим равнодушием волчица ясно показала, что и дочку она терпит только потому, что та имеет какое-то отношение к Егору, а иначе не позволила бы гладить себя.

Ну и стервоза все-таки, думал Егор, разглядывая волчицу так, словно видел ее впервые. И как тебя с таким характером волк терпел. Дочка-то что тебе худого сделала? Могла бы и по-хорошему отнестись, ребенок ведь. Куда там, даже и бровью не повела, мумия египетская!

И от этого еще удивительней казалась Егору привязанность волчицы к нему, от которого она столько натерпелась. Верно: откачал два раза, но первый-то раз себя же и поправлял. А потом? С тем же намордником хотя бы. Ведь до крови дошло, ведь, как солдат на вошь, на него глядела, а сейчас никого и на дух не надо, Егора подавай!

Чего греха таить: такая преданность тешила самолюбие, но все же Егор обиделся на волчицу за дочку и, уходя, не сказал ей обычных ласковых слов. А дома получил нахлобучку от жены. Дочка, не успев открыть дверь, рассказала матери, как они гладили волчицу, и жена накинулась на Егора. Додумался: погладь, доченька, волчицу! А если бы укусила? Егор, конечно, оправдывался, говорил жене, что зря она выдумывает всякие страхи, но в душе ругал себя за лишнюю уверенность. И чего, действительно, сунулся? Собирался волчат дочке показать, а свел все на волчицу. А она волчица и есть, мало ли что ей в башку взбредет...

6

Но взбрело не волчице. В том, что вскорости навалилось, как снежный ком, она была лишь невольной соучастницей, хотя весь сыр-бор и разгорелся вокруг нее. А поджег этот бор тот, о ком Егор и думать уже перестал.

Волчатам перевалило на второй месяц, от молока они пока не отказывались, но в то же время ели все, что Егор приносил волчице. И особенно любили кости. Их они и глодали, кости были игрушками, из-за них волчата устраивали такие стычки, что хоть разнимай.

С костей-то все и началось.

Кому, как не Егору, было знать, чем он кормит волчицу, каким мясом и какими костями. Все у него было на учете, все распределено, а потому внезапная находка привела его в полное замешательство. Убираясь однажды у конуры, Егор наткнулся на кость, которая попала сюда явно со стороны. В погребу у Егора оставались лишь коровьи мослы, принесенные Гошкой, а на траве лежала самая настоящая баранья лопатка, причем не завалящая, не недельная, а сахарно-белая, как будто барана зарезали только вчера.

Первой мыслью было, что это опять Петькины козни, но и волчица, и волчата были живы и невредимы, и, стало быть,

Петька тут ни при чем. Но ведь кто-то принес кость, не могла же она с неба свалиться!

Ясно, что не могла, и нечего тут ломать голову: кость принес волк. Значит, как ни пугал он его, а волк не испугался и все это время держался поблизости. Пока волчата были грудными, тайлся, а теперь подошел срок кормить детишек мясом. Вот он и начал.

Егор плюнул в досаде и злости. Спокойной жизни пришел конец. Волк действует по природе, выводку нужно мясо, и весь тут сказ. И незачем гоняться по лесу за каким-нибудь зайцем, когда под боком деревенское стадо. Бери любую овцу, ешь сам и неси волчатам.

— Лучше не придумали! — сказал Егор волчице, безмятежно наблюдавшей за ним. — Ну и что теперь? Брать ружье и карточью по твоему хахалю?

Забросив кость подальше, Егор ушел к сараю и сел там на дрова. Ну как быть, в самом деле, как отвадить волка? Про ружье хоть и сказал, да от него сейчас никакого проку. Была б зима, какой разговор, а когда нет следов, тут и пушка не поможет. Караулить? Тоже пальцем в небо. Ты его с одной стороны ждешь, а он с другой нагрянет. А то и во все не придет, учует.

Егор прикинул, когда мог прибегать волк. Вчера никакой кости не было, увидел бы сразу, значит, волк был сегодня. Стадо выгоняют рано, зарезал ярку, и все дела. А мог и днем заскочить, на огороде до вечера никого, заходи и делай что хочешь... Где, паразит, зарезал — здесь или в каком другом месте? Если здесь, вечером все выяснится, когда стадо пригонят.

Тут, как представил себе Егор, дело могло повернуться по-разному. Если волк зарезал барана или овцу в стаде, люди могли прийти к Егору и сказать: извини, Егор, не знаем, что за волк унес нынче ярку, не видели, но имеем подозрение, что твой. Какой твой? А тот самый, который всю зиму к волчице шастал. Может, он и сейчас к ней ходит, откуда ты знаешь. В общем, хочешь не хочешь, а получается, привадил ты его. Вот и отваживай. Как? Нас это не касается, но перво-наперво застрели волчицу. Застрели, Егор. Сам знаешь, мы в твои дела не вмешивались, но раз началось такое, больше терпеть не будем.

Рассуждая по-другому, можно было допустить, что ходки не придут. Подумаешь, волк зарезал овцу. В первый раз, что ли? Посчитать, сколько пропало скота, со счета собьешься. А что поделаешь? Волков всех не перебьешь, они, как мыши, плодятся.

Однако в такой поворот Егор мало верил. Люди не дураки. Если б не знали про волка, развели бы руками: ну пропала овца и пропала, стадо большое, а пастух один, за всем не углядит. Но теперь цепочка вела прямо к Егору, и он с нетерпением дожидался вечера, чтобы во всем удостовериться.

Но стадо пригнали, а никакого шума не было. Ни у кого ничего не пропало, колхозных коров и овец угнали на скотный двор, а своих хозяева разобрали по домам.

Стало быть, у соседей поживился, подумал Егор про вол-

ка. До них всего ничего, пять километров, для волка это не крюк.

Но даже то, что волк придерживался «золотого» правила: не воруй, где живешь, никаким оправданием ему не служило. Не было разницы в том, где он резал скот, главное, что резал. И остановить его мог только Егор. Волчицу надо было отпускать, и как можно скорее.

До воскресенья, когда бы можно было сделать все без спешки, оставалось два дня, и Егор решил: семь бед — один ответ, подождет до воскресенья. А там и волчицу отпустит, и волчат в лес отнесет. Логово небось цело, вот и пусть устраиваются в нем хотя бы на первое время. Волк их быстро разыщет, станут снова жить вместе, и все образуется.

Два дня — это два дня, за такой срок волк мог и еще кого-нибудь зарезать, но этот грех Егор брал на себя. В случае чего, он даже был готов заплатить за ущерб, но решать с волчицей на скорую руку не хотел. Волчица — не волчата. Близкое расставание с ними Егора не затрагивало. Волчата были забавны и смешны, и он любил смотреть на их возню, но они были для него все равно как игрушки — по-забавился и забыл. С волчицей же было связано столько, что могло уложиться и в целую жизнь, и Егор не мог одним махом отрубить все. Получалось, что он выпроваживает волчицу, и даже хуже — избавляется от нее. Чуть не год жила, и ничего, а запахло жареным — и катись, милая, подбру-поздорову? Нет, сказал Егор, хоть два дня, но доживем по-человечески. Нечего пороть горячку, все успеется.

Но обернулось по-другому.

Пятница выдалась жаркой и душной, в кузнице было как в пекле, и Егор еле дождался обеда. А придя домой, не стал даже есть, выпил кринку холодного молока и, бросив на пол полушубок, растянулся на нем. Жены дома не было, она еще с вечера сказала, что к ним приезжает ветеринар делать осмотр, дочку, как всегда, забрала бабушка, и Егора никто не тревожил. Можно было спокойно полежать весь час и отойти от кузничной жары. Тянуло в сон, но Егор не давал ему воли, знал: закроешь глаза, и провалишься, все проспешь, а Гошка по своей доброте будет до конца дня один уродоваться.

Но и просто полежать не удалось. Хлопнула калитка, и за окном послышались мужские голоса. Егор поднялся и выглянул в окно. По дорожке к дому шли председатель и какой-то незнакомый мужик. У Егора екнуло сердце. Он сразу подумал, что идут неспроста. Наверное, волк опять набедокурил, и опять, наверное, у соседей — мужик-то оттуда, не иначе. Видать, и про волка пронюхал, и про волчицу.

В дверь постучали, потом начали шарить по ней, отыскивая скобу — со света на мосту было темно.

— Свои все дома, — сказал Егор, открывая дверь.

— Так и мы не чужие, — ответил председатель. — Мож-но к тебе?

— А чего ж нельзя, проходите.

Егор усадил пришедших на лавку, а сам устроился на табуретке.

— А мы к тебе по делу, Егор, — сказал председатель. — Вот товарищ из района приехал, он тебе сейчас все обскажет. Никакой, оказывается, не сосед, а из района! Не утерпели все-таки, притащились!

Егор посмотрел на гостя. Он был невысок, плотен, в рубашке с расстегнутым воротом, в сапогах. Сев, он положил на колени полевую офицерскую сумку, какие до сих пор имелись у многих, хотя с войны прошло почти десять лет. Должно быть, жара сильно донимала приезжего: лицо его было все в каплях пота, даже подбородок, на котором выделялась неглубокая ямка. Она почему-то не понравилась Егору и вызвала неприязнь к человеку, которого он видел впервые. Видать, дотошный, подумал Егор.

А приезжий, не подозревая, как о нем думают, перешел к делу.

— В райсовет, товарищ Бирюков, поступило заявление, в котором сообщается, что у вас в доме уже полгода содержится волчица. И не только она. — Представитель власти сделал паузу, давая понять, что ему известно, кого еще, кроме волчицы, пригрел Егор. — И я специально приехал, чтобы выяснить все на месте. Как мне сказали, сигнал соответствует действительности, но я должен сам проверить факт.

— А чего проверять, — сказал Егор. — Живет волчица. И волчата живут. Ну и что?

— Как это что? — удивленно спросил приезжий. — Вы как будто не знаете, что с волками у нас повсеместно ведется борьба, что государство платит большие деньги за каждого убитого волка! А вы держите целую стаю дома! Хорошенькое дельце! Вы же охотник, товарищ Бирюков, неужели вам не известно, сколько мяса поедает в год один волк? Полторы тонны! И это мясо не только диких животных, но и домашних. Вот вы, чем вы кормите своих волков?

— Да каких волков! — сердясь, сказал Егор. — Волчата еще молочники, а волчица все ест.

— Что значит все? А мясо?

— И мясо.

— А где вы его берете?

— Да где придется, где дадут. Скотина, что ли, не дохнет?

— Вы хотите сказать, что кормите волчицу только отходами, а сами ничего не стреляете?

— Не стреляю.

— Хорошо, допустим. Ну а дальше-то что? Не собираетесь же вы растить волчат?

— Ясное дело, не собираюсь.

— Стало быть, сдадите в заготконтору?

Здесь бы Егору и сказать: конечно, сдам, а как же иначе, и, смотришь, все сошло бы на тормозах, но какой-то черт подзуживал Егора к противоречию, и он сказал другое:

— Никуда сдавать не буду. Отпущу, да и все.

Тут приезжий посмотрел на Егора не то что удивленно, а с пристальным интересом, как будто не верил, что человек в своем уме может заявить такое.

— Вот теперь все понятно, — сказал он наконец. — Нет, товарищ Бирюков, отпускать волчью стаю вам никто не позволит. Вы что, не понимаете, что делаете? Тут за каждый килограмм мяса бьемся, а вы — отпустить! Волки должны быть уничтожены, и причем немедленно. Пока вы этого не сделаете, я от вас не уеду.

— Да и не уезжайте, мне-то что, — сказал Егор, потихоньку накаляясь. — А убивать волков не буду и никому не дам.

— Зря вы так ставите вопрос. Убить все равно придется. Не хотите сами, другие сделают.

— Это как же, силой, что ли?

— Можно сказать, что так. Но по закону.

Кто знает, чем бы закончился этот разговор, но тут председатель, взглянув на ходики, словно бы спохватился:

— Ба, время-то! А мне еще на скотный надо, там сегодня комиссия. Вот что, Егор, иди давай работай, но учти, разговор не закончен. Вечером зайди в правление, договорим.

Сказано было строго, так председатель никогда не говорил с Егором, и он понял, что все делается для приезжего, а на самом деле председатель выручает его, а то хоть гони этого толстого из дома. Грозить начал: убить все равно придется! Я тебе так убью, что ты у меня побежишь без оглядки!..

После работы, не заходя домой, Егор пошел в правление. Он ожидал, что приезжий будет там и опять начнет свою тягомотину, но того, к радости Егора, в правлении не оказалось. Председатель один сидел за столом, смотрел какие-то бумаги и щелкал на счетах.

— Садись, — сказал он Егору.

— А где ж этот-то? — спросил Егор.

— А тебе что, скучно без него?

— Век бы не видать! Иду, а сам думаю: начнет снова давить, ей-богу, пошлю подальше. Надо же, сказанул: волк полторы тонны мяса ест! Он-то откуда знает? Вычитал в книжке и шпарит. А сам-то он что, жрет картошку? С картошки такую будку не наешь.

Председатель грустно засмеялся.

— Ах, Егор, Егор! Гляжу на тебя: на фронте бы самое твое место в штрафбате. Ну что ты, как танк, прешь? Я уж тебе давеча мигал, а ты знай свое. Ты думаешь, он тебя пугал насчет волчицы? И не думал. Приедут и застрелят, и ничего ты не сделаешь. Он же тебе сказал: по закону. А по закону он прав, и нечего тебе хорохориться.

— Ну и пусть прав, а убивать не дам.

— Да ну тебя к ляду! Чего ты, как бык, уперся? Ты вот спрашиваешь: а где же этот? Да уехал. Я же видел: сойдется еще раз, добром не кончится. Вот я ему и сказал: езжай домой, и ни о чем не беспокойся, волчицу мы и без тебя ликвидируем. Обломаю, мол, Егора, он парень ничего, только подъехать к нему надо. Понял, как дела делаются? А теперь слушай. Чтобы завтра же ни волчицы, ни волчат в деревне не было. Веди их куда хочешь, только подальше.

— Веди! Да Петька теперь спать не станет, караулить будет. Это же он бумагу настрочил, что я, не знаю. Разнухает, что обманули, тебе же хуже будет.

— А это уж не твоя забота, ты делай, что тебе велят. Чтоб завтра же, понял? Узнаю, что не сделал, пеняй на себя, лопнет мое терпение...

Ночью Егор спал и не спал, и как только посветлело, сходил в погреб за мясом, захватил с моста мешок и пошел к волчице. Она встретила его, зевая и потягиваясь, за ней вылезли волчата, тоже заспанные и вялые. Но, учуяв мясной запах, сразу оживились, потянулись к Егору носами.

— Вот такие дела, ребятишки, — сказал Егор. — Не дают нам двух дней, велят сегодня сматываться. Ешьте давайте да пойдем.

Пока семейство, урча, насыщалось, Егор ходил взад-вперед около конуры и поглядывал по сторонам. Ему везде мерещился Петька. Не удержался-таки, живоглот, наклеузначил. Председателю больше не стал, накатал прямо в район, думает, там медаль ему дадут за это. Небось уже встал, зырит.

Но Петькины окна были занавешены, труба в доме не дымилась — спали. Вот и дрыхните, усмехнулся Егор. Встанете, а нас уже и след простыл.

Укладывать волчат в мешок при волчице Егор не стал. Кто ее знает, о чем подумает? Покажется, что забираю, начнет рваться, а нам шум ни к чему.

Он отвел волчицу к плетню и там привязал ее. Но она уже почуяла какое-то напряжение и, пока Егор засовывал волчат в мешок, дергала цепь и поскуливала.

— Ладно, не сходи с ума, — сказал Егор, подходя к ней. — Вот твои волчата, целы. — Он дал ей понюхать мешок, погладил по голове, и она вроде успокоилась. Егор отвязал цепь, закинул мешок с волчатами за спину. — Пошли.

Пока он вел волчицу по огороду, она шла понуро, без интереса, но едва за калиткой открылись глазам луг и лес, волчица вся переменялась. От понурости не осталось и поминка, тело ее напряглось, и она так натянула цепь, что чуть не вырвала ее из рук.

— А-а, проняло! — сказал Егор. — В конуре сидела, как жучка, а тут ишь разошлась!

Волчица в эти минуты действительно ничем не напоминала то существо, которое жило в конуре. Там она была как-кая-то пришибленная, взъерошенная, даже ростом казалась меньше, а сейчас вся ее шерсть стала волосок к волоску, а движения приобрели упругость и силу. Черный, сразу повлажневший нос волчицы с жадностью вдыхал луговой воздух, а настороженные уши ловили звуки близкого леса.

Прошли мимо бани, и Егору отчетливо представилось, как год назад он сидел здесь и вдруг увидел, как волк гонит Дымка. И как выскочила из кустов волчица, и как он, засрав, побежал на волков с веником. Год, целый год пролетел! И надо же: вот он идет, а рядом — волчица!

Натянув цепь и не обращая на Егора никакого внимания,

она неотрывно глядела вдаль, за луг, за которым шумел и покачивался лес. И во взгляде волчицы не было ничего, кроме страстной устремленности к этому лесу, который притягивал и манил ее сильнее всех привязанностей на свете.

И Егор вдруг почувствовал ревнивый укол. Равнодушие к нему волчицы показалось несправедливым и обидным. Полгода возился с ней, чего только не вытерпел, кормил и поил, а эта сучонка враз все забыла. Отпусти сейчас цепь — рванет и не оглянется. Разве что про волчат вспомнит.

Соблазн испытать волчицу все сильнее разжигал Егора. А что? Чего он, действительно, ведет ее? Все равно отпустить, снимай цепь, и пусть бежит.

— Ну-ка постой! — сказал Егор.

Он положил мешок с волчатами на землю и расстегнул волчице ошейник.

— В лес захотелось? Давай дуй!

Сначала волчица словно не поняла, что ее освободили. Цепь с ошейником уже валялись на земле, а она все еще стояла. Но затем, низко пригнувшись, будто вынюхивая какой-то след, стремительно рванулась к лесу. Думая, что она вот-вот остановится, обернется, Егор смотрел, как волчица пересекала луг и мелькала в кустах. Но и луг и кусты остались позади, волчица показалась возле леса, и он поглотил ее. Лишь разошлись и снова сомкнулись нижние ветки, обозначив место, где она пробежала.

Такого номера Егор от волчицы не ждал. Неужто смылась? Ладно, он, а волчата? И про них, что ли, забыла? Да кто ж она после этого, подлюка такая?!

Но потом Егор подумал, что зря он так разошелся, не могла волчица убежать. Ошалела от радости, побегает и вернется. Волк небось где-нибудь рядышком крутится, может, встретится да и обговорят все. А заодно и помилуются, а то все тайком да тайком.

Егор сел возле мешка и стал ждать. Волчата копошились в мешке, но он не стал его развязывать — не хватало, чтобы и эти разбежались, потом не соберешь.

А если не вернется? Бросают же волки выводок, когда найдешь логово? Может, и сейчас решила, что лучше унести ноги. Ну и черт с ней тогда! Отнесет волчат, и его дело сделано, он им не нянька.

День набирал силу и обещал быть таким же душным и жарким, как вчера. Солнце припекало все сильнее, волчицы не было, и Егор, разозлившись, поднял с земли мешок и пошел к лесу. Болото было совсем в другой стороне, но чтобы не идти с волчицей по деревне, приходилось делать крюк. Пройдя опушкой, Егор свернул в нужном направлении, и тут из кустов, как тень, бесшумно выскользнула волчица. Бока ее так и ходили, язык вывалился наружу. Подбежав к Егору, она, точно собака, ткнулась мордой ему в колени.

— Набегалась! — сказал Егор, разом забыв всю свою злость. — Где ж тебя черти носили?

Волчица глядела умильно и тянулась носом к мешку.

— Да здесь, здесь! — успокоил ее Егор. — Я-то не брошу, это ты вон дала стрекача.

Душевное равновесие снова вернулось к Егору. Обидная мысль, что он так и остался для волчицы чужим, ушла из головы, и он шагал легко и споро, поглядывая на волчицу, которая то трусила сбоку, то забегала вперед и, останавливаясь, оборачивала к нему морду.

— Иди, иди, — говорил ей Егор, и волчица послушно бежала дальше.

В лесу пахло багульником, среди папоротников стали попадаться муравейники, и Егору вдруг неодолимо захотелось попробовать муравьиного сока. У него даже скулы свело от предвкушения. Он остановился, перекинул мешок с правого плеча на левое, сломал прутик, зубами очистил его от кожицы и пошел было к ближайшему муравейнику, но волчица вдруг подняла шерсть на загривке и тихонько зарычала.

— Ты что? — удивился Егор, однако остановился и поглядел по сторонам. Волчица просто так не зарычит, видно, что-то учуяла. Шагах в трех, как раз на пути к муравейнику, лежала куча хвороста, и, проследив за взглядом волчицы, Егор увидел змею. Свернувшись в клубок, на хворосте грелась серо-черная гадюка. Она была почти неотличима от толстых, сероватых хвостин, и Егор подивился зоркости волчиного взгляда. Конечно, змея ничего бы не сделала Егору, он обошел бы хворост стороной, но все равно он был благодарен волчице за предупреждение.

— Ах ты, моя охранительница! — сказал Егор, возвращаясь назад. — Ладно, пойдем, а то волчатки-то небось упрели в мешке.

Логово пустовало. Да и кому оно было нужно здесь — ни лиса, ни барсук не полезут в такую сырость. Одни волки любят болота.

Егор скинул с плеча мешок, развязал его, и волчата, жмурясь от солнца, вылезли наружу. Волчица тотчас начала облизывать и обнюхивать их, а они тянулись к ее соскам и в конце концов завалили ее.

— Ну поешьте, поешьте, — сказал Егор, — а я пока покурю.

Он сел в сторонке и начал скручивать сигарку, но так и не скрутил: неподалеку качнулась ветка, и из кустов выглянул волк. И сразу скрылся. Все произошло так быстро, что даже волчица ничего не заметила. Закрыв глаза, она лежала на боку, а волчата с причмокиванием сосали ее, и животы у них раздувались, как резиновые мячики.

Ну вот и все, теперь все были в сборе. Волк, конечно, давно следует за ними и наверняка свидетелю с волчицей в лесу. То-то она и прибежала как очумелая. А теперь и сам хозяин явился.

— Проморгала, — сказал Егор, когда волчица кончила кормить. — Мужик-то уж тут вертится.

Но волчица была занята другим. Она крутилась возле логова и все что-то вынюхивала, к чему-то приглядывалась и прислушивалась. Егор знал, что волки вряд ли будут жить на старом месте, где их однажды уже потревожили, но теперь

это была не его забота. Пусть живут где хотят, это их дело.

Волчата с опаской, но настырно обследовали островок. Им-то было все равно, где жить, были бы мать и отец под боком, и скоро они уже всю бегали и катались по траве, чувствуя себя в полной безопасности под надзором Егора и матери.

Вдали громыхнуло, воздушная волна покатила над болотом, и волчата испуганно бросились к волчице.

— Гроза будет, — сказал Егор и поманил волчицу: — Ну, иди сюда. Посидим да двину, мне еще после обеда в кузнице работать. А вы живите. Мужик у тебя толковый, а о тебе и говорить нечего. Проживете. А захочешь прийти — приходи, всегда приму. — Егор погладил волчицу по голове, прижался к ней щекой. Грусть переполняла сердце, словно он расставался не с волком, а с родным человеком. Уйдет сейчас, и, кто знает, свидятся ли. — Живите, — повторил Егор. — А в случае чего — приходи...

Когда, отойдя, он оглянулся, около волчицы уже был волк. Егор махнул им рукой, а когда еще раз оглянулся, не увидел за деревьями никого...

Часть третья

СМЕРТЬ

1

Летние ночи подступали незаметно. В лунном свете растворялись сумерки, и синяя темнота, постепенно густея, соединяла небо и землю. Не за горами был сенокос, и, набираясь сил, ложились спать пораньше. Все затихало в деревне, лишь сторож ударял время от времени в рельс, и протяжный звон катился за околицу, в теплую тишину лугов и полей.

Готовился к сенокосу и Егор. Косовица — дело общее, мирское, и на это время всех, кого только можно, отряжали косить. Людей снимали отовсюду, и даже в кузнице оставался один Гошка.

В один из дней Егор лег пораньше и заснул, по своему обыкновению, быстро, однако ночью внезапно проснулся, словно его подняли какие-то тайные, неслышные другим созвучия. Стараясь не потревожить жену, Егор потихоньку откинул одеяло и спустил ноги на пол. Прислушался, пытаясь понять, что разбудило его. В избе было темно, лишь лунная дорожка тянулась наискосок от окна к печке. В форточку дул прохладный ночной ветерок, занавеска колыбалась, и у Егора вдруг перехватило дух: ему показалось, что он слышал тоненькое позвякивание оконного стекла, как будто кто-то надавил на него снаружи.

В один миг Егор оказался у окна. Боясь дышать, потянул в сторону занавеску. Еще секунда — и на него в упор глянут зеленоватые волчьи глаза.

Но за окном никого.

Егор вытер вспотевший от напряжения лоб и присел на лавку. Фу, черт, совсем спятил! Ведь так и думал, что волчица пришла!

Справа, в простенке, оглушительно — словно они висели не в избе, а над всем миром и отмеряли его время — тикали ходики, и, слушая это все заглушающее тиканье, Егор понял, что идет самый глухой час ночи. Он нашарил на столе коробок и зажег спичку. Было начало третьего, спать бы да спать, но сон пропал, как будто его и не было. Ощущение, что он проснулся не сам, а что-то разбудило его, не покидало Егора, перерастая в смутное беспокойство, которое тяготило, как предчувствие близкой беды. Словно кто-то, кто был связан с Егором странным и непонятным образом, подавал ему знак, предупреждал о чем-то, и это предупреждение дошло и подняло среди ночи.

За перегородкой, в другой комнате, зашевелилась во сне дочка, и Егор прошел туда, постоял возле кровати, дожидаясь, пока дочка успокоится, поправил ей одеяло и снова вернулся к окну, не зная, что делать дальше. Ложиться? Все равно не уснешь, будешь только ворочаться с боку на бок. Но и сидеть в темноте и таращиться на окно тоже не хотелось, и Егор, набросив на плечи полушубок и прихватив махорку, вышел на крыльцо.

Короткая летняя ночь шла на убыль, небо над верхушками деревьев посерело, а в кустах уже попискивали ранние птицы. От реки тянуло сыростью, которую перебивали запахи августовских созревших трав. Со сна да на ночном свежачке Егору было зябко, и он плотнее запахнул полушубок и закурил.

Обычно, когда что-то тревожило или раздражало и злило, табак быстро успокаивал Егора — две-три затяжки, и как валерьянки глотнул. Но сейчас беспокойство не проходило. Ему было какое-то объяснение, но сколько Егор ни думал, ничего путного придумать не мог. Решил, что, наверное, заспался, лежал неловко, вот кровь и прилила. А то сразу — волчица! Так она тебе и придет, прямо разбежится!

Егор бросил окурок в кадку с дождевой водой и хотел уже идти в дом, но тут же подумал: а ведь была волчица-то, была! Ведь своими ушами слышал, как стекло зазвенело. Просто спугнул он ее, пока с занавеской возился, и сейчас она дожидается где-нибудь на огороде. Конечно, там, и думать нечего!

Егор торопливо сбежал с крыльца и завернул за угол, уверенный, что вот-вот навстречу ему выскочит из картофельной ботвы волчица. Эх, глупая! И чего испугалась? Домой же пришла!

Так, бормоча под нос разные слова и ругая волчицу за излишнюю осторожность, Егор дошел до калитки. Волчицы нигде не было, но это не обескураживало Егора. Теперь он был уверен, что она ждет его у бани.

За калиткой, где деревья подступали к самому дому, было темнее, чем на огороде, тропинка терялась среди густой тени, но Егор знал каждый ее извив и шел не сбавляя шага, охва-

ченный нетерпеливой радостью, словно спешил на тайную и сладостную встречу.

У бани Егор постоял, прислушиваясь и приглядываясь, потом сел на приступки. Рука по привычке потянулась в карман за табаком, но Егор спохватился и не стал закуривать, боясь отпугнуть волчицу вспышкой и едким махорочным запахом. Лес был рядом, его близкое дыхание волновало, тени деревьев радовали и пугали. Стараясь утихомирить громко бьющееся сердце, Егор всматривался в темноту, готовый в любой момент увидеть среди кустов волчицу или уловить зеленоватый блеск немигающих волчьих глаз. И хотя по-прежнему ничто не выдавало присутствия вблизи волчицы, Егор не торопился. Замерев, не чувствуя голыми ногами холода росы, он ждал, понимая, о чем думает волчица там, в кустах. Бойтса. Хотя и жила больше года в доме и родила в нем, а побывала на воле и опять одичала. Небось смотрит сейчас, глаз не сводит, а подойти духу не хватает. Ничего, подойдет. Раз пришла, значит, потянуло, не вынесло сердечко.

Но время шло, светлело все быстрее, а волчица так и не показывалась. Егор порядком продрог, а радостное возбуждение сменилось досадой и обидой на волчицу. И чего прячется? Ведь видит же, не чужой сидит, а все кочевряжится. Зло даже берет!

А между тем деревня просыпалась. Тут и там запели петухи, закрипели ворота и двери. Вереницей потянулись к полям грачи. Как метелки овса, заколосились над пашнями лучи восходящего солнца, и Егор понял, что ждать больше нечего. Но и возвращаясь в избу, он то и дело оглядывался и все верил, что волчица совладеет с робостью и в последнюю минуту догонит его. А когда и этого не случилось, сомнения вновь овладели Егором. Неужели все показалось, и волчица не приходила? Но ведь с чего-то же он проснулся? Всегда спит как убитый, а тут вскочил. А стекло? Слышал ведь, как зазвенело. В аккурат как тогда, позапрошлым летом.

Проходя мимо кадки с водой, Егор остановился, чтобы сполоснуть ноги, и только тут спохватился: вот охламон, и чего телепается, когда и так все можно узнать, — следы-то волчица оставила! Тоже дуреха: думает, если сама спряталась, то и все шито-крыто.

Однако никаких следов не оказалось, сколько Егор ни искал их. Ни на земле, ни на заваulinке не было ни одного отпечатка, и у Егора опять ум зашел за разум. И вправду, что ли, спятил? Всю ночь бегал как оглашенный, а чего бегал? Не было волчицы, не приходила. Это ты раскудахтался: соскучилась, проводить пришла, а ей наплевать на тебя сто раз. Нашел, за что ухватиться: в доме, мол, жила, привыкла. Да не жила — на цепи сидела! А вырвалась — и катись ты со своей конурой!

Но ни эти рассуждения и ни отсутствие всяких следов не могли убедить Егора в том, что вся ночная колготня была лишь бредом, сонной одурью. Что-то стояло за всем, но не объяснялось никаким житейским опытом, и оттого утихшее было беспокойство вновь ожило и зашевелилось под сердцем, вгрызаясь в него, как червь в яблоко.

Косить собирались не сегодня завтра, и, чтобы не пороть горячку в самый последний момент, Егор на досуге подремонтировал грабли и отбил косы, а жена наварила квасу и собрала запас на неделю. Так уж повелось издавна: сколько косили, столько и жили в пустошах, как цыгане в таборе.

Словом, все было сделано-переделано, и в назначенный день, чуть взошло солнце, вся деревня, как большое войско, снялась с места и ушла в пустоши. Участки для бригад наметили загодя, никаких проволочек поэтому не было, и по росе еще начали. Косили до обеда, а потом, когда самая жара и слепни, поели и разбрелись кто куда отдохнуть — кто в шалаш, поставленный тут же, на скорую руку, кто под телегу, а кто просто под куст.

Под куст лег и Егор, и здоровая усталость сморила за полминуты так, что, пока другие только устраивались, Егор уже сладко посапывал, обдуваемый ветерком и горьковатым запахом срезанных косами молочаев. Сколько спал — про то не знал, сонный, что мертвый, себе не хозяин, а проснулся оттого, что кто-то звал его по имени. Егор открыл глаза и увидел склонившегося над ним председателя. Это Егора удивило. Председатель сегодня не собирался на покос, его держали в деревне другие дела, да, знать, не утерпел.

— Извиняй, Егор, — сказал председатель, — в другой раз не разбудил бы, но дело такое. С Чертова я. Беда у нас, волки на стадо напали, четырнадцать овец положили, сволочи!

Весь сон слетел с Егора. Четырнадцать! Такого еще не бывало. Резали, конечно, и раньше, без потрав разве обидешься, но чтобы сразу четырнадцать...

— Собирайся, Егор, поедem. Ты человек в этих делах опытный, на месте покумекаем, что да как.

— Да мне чего собираться, Степаныч. Махорку только возьму в шалаше да квасу глотну, а то в горле все пересохло по этой жарнице.

— Давай. Я тебя у дороги подожду.

И только теперь Егор увидел в стороне жеребца, запряженного в двухколесные рессорные дрожки, на которых председатель ездил летом.

До Чертова, давно заброшенного, местами заболоченного луга, где из года в год пасли колхозное стадо, по прямой было километра три; по дороге же набиралось раза в два больше, и у Егора было время, чтобы кое о чем подумать.

Еще не зная подробностей волчьего нападения, Егор о многом уже догадывался — и о том, что за волки напали, и о том, почему они зарезали столько овец. Но пока что он не лез ни с какими разговорами к угрюмо молчавшему председателю, сейчас Егора занимала не столько свалившаяся беда, сколько необъяснимая, но явно обнаружившаяся связь между случившимся сегодня и тем, что произошло с ним самим неделю назад, ночью. Егор давно не верил ни в чих, ни в сон, однако чем другим можно было объяснить эту связь? Тут и там одно цеплялось за другое и тянулось друг за другом, как нитка за иголкой. С чего, спрашивается, проснулся в тот раз? Всегда спал как убитый, хоть из ружья над ухом

стреляй, а тут вскочил. Будто позвал кто. А дальше пошло-покатилось — то показалось, что волчица за окном, то на огород кинулся. И сердце все дни ныло. И вот — сошлось. Но как, почему сошлось, Егор даже представить не мог. Конечно, многое можно было свалить и на то, что заспался тогда и что сам вдолбил в голову, будто волчица пришла, ну а с другим-то как? Душа-то ведь болела? Ведь всю неделю ходил и знал: какая-нибудь напасть, да стрясется. Тут-то на что валить? Не на что. Что было, то было, подавался знак. Вот только кем? Не волчицей же! Как она могла его подать? А хоть бы и могла, то зачем? О нем, что ли, думала, о Егоре? Смех, ей-богу!

Однако как ни противился Егор такой мысли, а только этим и можно было хоть как-то объяснить ночные чудеса. Как и многие охотники, Егор был убежден: звери умеют отгадывать чужие мысли. А уж волки в особенности. Ту же волчицу взять: ведь сколько раз, незаметно наблюдая за ней, он наталкивался на такой осмысленный волчий взгляд, что ему становилось не по себе от этой жутковатой звериной проникновенности. Так мог смотреть лишь тот, кто читал в чужой душе, от кого нельзя было спрятать малейших ее движений.

Но как все это перенести на то, что случилось? Тут выходила полная чертовщина, в какую и захочешь, да не поверишь. Не могла волчица ни о чем предупреждать, не могла. Просто совпало одно с другим, и больше ничего. А уж как совпало, кто его знает...

Еще не доезжая до Чертова, они слышали рев и мычание взбудораженного стада, а когда сошли с дрожек, Егору показалось, что мертвыми овцами завален весь луг. Они лежали повсюду, и не верилось, что их только четырнадцать, а не тридцать или пятьдесят. Но председатель ничего не преуменьшил, просто овцы, спасаясь от волков, кидались в разные стороны и теперь лежали там, где их настигли звери.

Переходя от одной туши к другой, Егор везде видел одну и ту же картину: шеи овец были располосованы так, словно по ним прошлась коса, а не звериные зубы. Егор не раз видел этот страшный волчий укус. Опытный, матерый волк за один мах разрывает до кишок бок лосю, а тут какая-то овца.

— С ума посходили, сволочки! Скольких положили, а хоть бы одну сожрали! — недоуменно сказал председатель, и это недоумение было простительно ему, человеку, далекому от знания волчьих повадок и привычек; что же касается Егора, то он с самого начала понял, в чем тут все дело. Волки не охотились. Молодых учили. Август — самое время для натаскивания, и в эту пору волки режут жуть сколько скота. Четырнадцать это еще хорошо, бывает, кладут и больше двух десятков. И не жрут при этом. Навалят как на бойне, а ты потом как хочешь, так и разбирайся.

Сегодня был тот самый случай, а уж кто разбойничал, об этом Егор догадался сразу — волчица со своими. Другой

стаи в округе не было, и хотя соседняя деревня стояла ближе к болоту, волки не изменили своему правилу, не стали следить у соседей, а пришли сюда. Чем это грозило стае, можно было понять, глядя на решительное и злое лицо председателя, наверняка строившего планы, как отомстить волкам. Нехитрые рассуждения должны были неминуемо привести председателя к выводу, к которому пришел бы всякий, кто знал историю волчицы, и Егор с беспокойством ждал, что председатель вот-вот спросит: а не твои ли это волки, Егор? Пришлось бы отвечать по правде, потому что врать хоть кому Егор не любил. Но и выкладывать все по совести тоже не хотелось. Егор не собирался брать волчицу под защиту — чего защищать, когда наломала дров, однако выдать ее с головой язык не поворачивался. Поэтому он искренне обрадовался, увидев подходявшего к ним пастуха — неприятный разговор с председателем на время отдалался.

Пастух, старик лет под семьдесят, весь изломанный многолетней тяжелой работой, видно, чувствовал себя виноватым во всем и смотрел так жалобно, что председатель не выдержал:

— Да не смотри ты так, дед Иван! Ты-то тут при чем? Расскажи лучше, как дело было.

Пастух, убедившись, что никакое наказание ему не грозит, стал рассказывать.

Выходило, что он сидел вон там и плел из прутьев корзину. Подпаска не было, дед послал его поискать грибов, а стадо паслось, и все было спокойно. А потом из кустов вдруг выскочили волки и бросились на овец. Пастух сначала растерялся, а потом вспомнил, что у него в шалаше ружье, и побежал за ним. Но пока он добежал на своих колченогих ногах до шалаша да пока вытаскивал из сумы патроны, волки уже разорвали невесть сколько овец. Пастух стал стрелять, но не по волкам, потому что боялся попасть в скотину, а вверх, и волки убежали. По словам старика, волков было так много, что он не успел сосчитать их. А потом на выстрелы прибежал подпасок, и старик велел ему что есть духу бечь в деревню, а сам стал собирать разбежавшееся стадо.

— А собака? — спросил председатель. — Неужель ничего не учуяла?

— Кутька-то? Не, ничего. Со мной рядом лежала, а когда волки, значит, выскочили, Кутька-то хвост поджала да и деру. Паршивая собачонка, Степаныч. Курей только по огороду знай гоняет, а чуть что — сразу под крыльцо.

— На кой черт тогда держишь? Завел бы другую.

— А откуда волки выскочили? — спросил Егор.

— Волки-то? Да вон оттелъ, — показал старик на кусты, и Егору стало ясно, почему Кутька не учуял стаю: волки, как всегда, подобрались против ветра.

— Ну ладно, дед Иван, иди, — сказал председатель. — Я конюху велел, приедут за овцами.

Старик, переваливаясь, как утка, из стороны в сторону, пошел к шалашу, а председатель, достав папиросу и прикурив, повернулся к Егору:

— Видал, какие дела? Полтонны, считай, мяса наворотили, а хоть бы чем попользовались!

— Не для того резали, Степаныч. Молодых учили.

— Ну да! — не поверил председатель.

— Верно говорю. Смотри, как было: подошли вон оттуда, чтоб ветер, значит, в морду был. Сами все чуют, а их — никто. Постояли, посмотрели, что к чему. Видят: дед Иван сидит, ружья нету, ну и кинулись. Сначала матерые, это уж гочно. Двух-трех овец завалили, а там волченятам голос подали. А те только и ждали. Ну и пошла потеха. Волк с волчицей рвут, а молодые и того пуще. Скажи спасибо, что так еще обошлось, могли и больше зарезать.

— Скажи спасибо! — возмутился председатель. — Вот будет им зимой спасибо! Нынче же Семену накажу, чтоб к облаве готовился. А то и охотники есть, а волки что хотят, то и делают.

Семен Баскаков, или просто Баскак, был бригадиром охотников. Мужик еще не старый, он, как и Егор когда-то, спал и видел одну только охоту, но для полного марьяжа ему не хватало характера. Семена частенько подводили азарт и нетерпеливость. С ними на волчьей охоте мало чего добьешься, и эти Семеновы недостатки грозили неприятностями, которые Егор предвидел для себя в будущем. Их не мог не учитывать в своих планах и председатель, и Егор подумал, что тот, раз уж речь зашла про облаву, не пропустит момент и теперь-то спросит, чьи же это волки напали на стадо, не Егоровы ли?

Но председатель не спросил ни о чем. Наобещав волкам всяких страхов, он наконец успокоился и пошел к дороге, где, отбиваясь от мух и слепней, фуркал и лягался привязанный к кустам жеребец.

2

Дни шли, жизнь текла неторопливо и привычно — утром драчена с молоком и самовар, потом работа и обед и снова работа. Для домашних дел оставались вечера и воскресенья. Пока не было дождей, выкопали картошку, просушили и ссыпали в подпол. Подходило время рубить и квасить капусту, и Егор приготовил кадку и съездил в район за солью. В общем, забот хватало, но даже среди них он все время помнил председателевы слова насчет того, что зимой надо будет разделаться с волками. Председатель слов на ветер не бросал, что говорил, то и делал, это Егор знал, но все же в душе надеялся: а вдруг все перемелется? До зимы далеко, за это время воды много утечет. Да хоть бы и вся утекла, ему только лучше. Ведь ясно же: дойдет до облавы — придут к Егору. Помоги, скажут. А Егор ни в какие помощники записываться не собирался. Волков не жалел и не защищал, потраву овец прощать было нельзя, но ведь в стае-то — волчица! А за ней Егор не стал бы охотиться и из-под палки. Пусть что хотят, то и думают, а он в этом деле не участник.

Но такими рассуждениями Егор успокаивал себя больше

для видимости, потому что была одна закавыка, которая могла повернуть все сикось-накось. И закавыка эта состояла в том, кто попросит Егора помочь. Если свои братья-охотники — откажет и глазом не моргнет, знает, как отговориться. А если председатель? Тут Егора ждало поражение. Председателю он отказать не мог. Ни по правде дела, ни по той правде, с какой председатель всегда относился к Егору, и ни по той, с какой сам Егор относился к председателю. Здесь выбора не было, и Егор, как мальчишка, которого застали в чужом огороде и которого дома ждало дранье, утешался тем, что до вечера еще далеко, гуляй, пока гуляется, а там будь что будет.

И еще одно занимало Егора: он давно хотел наведаться на болото и разузнать, живут волки в старом логове или нет, да все никак не мог собраться. И вот теперь настало самое время сходить, посмотреть все своими глазами и сказать волчице, если она еще там, что дура она распоследняя. Додумалась, чуть не полстада уложила! Теперь пусть пеняет на себя. До зимы еще доживет, а зимой как хочет, так пусть и выкручивается.

Чтобы ничем не занимать выходной, Егор на неделе переделал все дела по хозяйству и в воскресенье утром собрался. Хотел было идти налегке, но жена сказала, что зачем же ходить в лес попусту, когда можно набрать грибов, и Егор взял корзинку. Одно другому действительно не мешало, а уж грибные места Егор знал.

Говоря по правде, он не думал, что волки остались на старом месте, и все равно надежда на это жила в душе. А вдруг? Вдруг волчица взяла да и сделала по-своему? Разве мало чего она делала не так, как другие волки?

Но, добравшись до логова, Егор с одного взгляда определил: пусто, ушли. И хотя так и должно было быть, настроение испортилось и взяла досада на волчицу. Такая же, как и все! И чего не жилось. Лучше-то где устроилась?

Место, что и говорить, было хорошее, а за то время, что волчица жила в деревне, стало еще лучше. Лозняк вокруг островка разросся и стал выше Егора, голый песчаный склон покрылся сочной болотной травой, да и вообще все болото зарастало не по дням, а по часам ольховой и березовой молодью, скрывавшей любые приметы и следы.

Егор походил по островку, заглянул туда и сюда. Везде было запустение. Никто так и не занял логово, и яма между корнями, не углубляемая ничьими стараниями, разрушалась дождями и заносилась лесным мусором.

Егор присел возле ямы. Вспомнил, как до последней минуты надеялся встретить волчицу у логова, и усмехнулся. Чего захотел! Это тебе кажется, что лучшего места и нету, а у волчицы свой резон. У нее один закон: потревожили — бросай все и уходи. Так и сделала. Небось и не переночевала даже. Собрала ребятишек в охапку да и дай бог ноги. А уж куда — про то у нее спросить надо.

И все же было интересно — куда? Прошлый опыт показывал, что волки не сделают новую нору рядом со старой. Нет, переберутся подальше, и у Егора было на примете не-

сколько таких мест, однако он не думал, что волчица увела стаю туда. Там наверняка жили другие волки, а они не пустят к себе чужаков. До драки доведут дело, а не пустят. Так что у волчицы один выход — сидеть на болоте и не рыпаться. Тут ее место.

Придя к такому выводу, Егор повеселел. Он и сам не заметил как, но с некоторых пор болото стало для него таким же родным и привычным, как луг возле дома или огород, где он чувствовал себя хозяином в любое время. И то, что и волчица хотя и ушла с насиженного места, но по-прежнему жила где-то здесь, на болоте, — одно это доставляло Егору простую, но сильную радость. Даже не ведая, в какую сторону и далеко ль подалась волчица, он ощущал ее присутствие, как ощущал в деревне присутствие каждого ее жителя, пусть и не видясь с ним по неделе, но зная, что оба они живут в одном мире. Точно так же он думал сейчас и о волчице, и ему вдруг пришло в голову: а не попробовать ли приманить ее? Вабить-то, поди, не разучился, подзабыл немного, это верно, вот и вспомнишь. Ведь ловко, бывало, дурачил волков, редкий зверь не обманывался.

Желание увидеть волчицу так захватило Егора, что он даже не подумал о том, что вся его затея — дурость, не больше. Как тут приманивать, когда волчица была неизвестно где, у черта на куличках?!

Но разве не сказано, что охота пуще неволи? Прикрыв рот сложенными в горсть ладонями, Егор завыл. Заунывный вой покатился над болотом, и Егор тут же убедился, что получается не хуже, чем раньше: кто-то, доселе невидимый и неслышимый, сорвался неподалеку с места и пошел ломиться сквозь чащу. Скорее всего это был лось, испуганный внезапным воем и теперь уходивший от него без оглядки. Подождав, пока затихнет треск, Егор снова завыл, выводя на одном вдохе руладу за руладой и зорко посматривая по сторонам — не шевельнутся ли где кусты, выдавая крадущуюся на зов волчицу. Иногда Егору казалось, что так оно и есть, и он, не переставая выть, напряженно вглядывался в то место, где, как ему мнилось, возникло живое движение, но все было обман, результат одного воображения. Оно рисовало волчицу за каждым кустом, за каждой кочкой, и Егор не знал, куда ему смотреть. От этого дерганья и от того, что приходилось все время пристально всматриваться в заросли кустов и осок, у Егора перед глазами запрыгали зеленые пятна, и он оборвал вой на середине, наконец-то сообразив, что никакая волчица к нему не придет, хоть ты вывернись наизнанку. Слишком необъятно было болото, чтобы приманивать на голос одну-единственную волчицу. Тут впору было трубить в трубу, да и то неизвестно, дотрубишься ли.

Жаль было уходить с островка, так и не повидавшись с волчицей, но Егор обнадеживал себя тем, что живет на свете не последний день, авось еще и встретятся.

Выбравшись из болота, Егор постоял у закраины, раздумывая, в какую сторону повернуть. Было три места, про ко-

которые в деревне мало кто знал и где грибы росли сплошным, как весной одуванчики на лугу, но до одного из этих мест набегало километров пять сверх уже пройденного, а в другом — годились только на засолку; Егор же хотел набрать на хорошую жареху, а потому, пройдя немного вдоль болота, свернул на еле приметную знакомую тропку, которая ввела в самую глушь обширного, запущенного чернолесья. Там, на тихих и светлых полянах, среди мхов и никем не кошенной травы из года в год вызревали красные, как мухоморы, подосиновики — из всех грибов грибы, по мнению Егора. Одно удовольствие было отыскивать их, срезать острым ножом и укладывать в корзинку, видя, как на глазах синееет грибная ножка на месте среза. А разве не удовольствие — только что вынутая из печки грибная жаренка? От одного запаха у кого хочешь потекут слюнки! И, предвкушая это удовольствие, Егор живо представил себе шкворчащую на вечернем столе сковородку и самого себя, уписывающего за обе щеки горячие, пахнущие печным духом грибы.

Окружающее болото мелколесье кончалось, пошли берозовые и осиновые гряды, которые становились все гуще; все реже виднелось небо над головой, и наконец Егор, словно бы опустившись на какое-то чудесное дно, оказался в зеленоватом дрожащем сумраке. Лучи солнца, пробивая его сверху донизу, нисходили к земле наклонными световыми столбами, в которых при полном безветрии, как разноцветная мошка, роилась мельчайшая лесная пыль. Пахло сыростью и прелыми листьями; ноги утопали во мху, а паутинки бабьего лета невесомо садились на волосы и лицо, щекотали кожу, вызывая неодолимое желание чихнуть.

Стали попадаться грибы — сначала поодиночке, потом целыми кучками. В основном это были подосиновики, но иногда в соседстве с ними встречались и подберезовики.

Корзинка тяжелела. Можно было, не забираясь далеко, за полчаса нагрузить ее доверху и повернуть обратно, но Егору не хотелось возвращаться по старой дороге, где все уже было знакомо и привычно, и он решил пройти чернолесье насквозь и выйти к деревне с другого конца. Крюк получался порядочный, но Егора это только радовало. Он ходил уже полдня, однако никакой усталости не чувствовал. Наоборот. Ему хотелось бродить и бродить по этим безлюдным полянам, где он так давно не был и где все казалось невиданным и новым. Тут и там на осинах чернели дупла, и каждое дупло было, как тайна, как вход в другую жизнь, о которой он забыл, перестав охотиться; множество запахов и звуков волновало Егора и пробуждало в нем былые чувства и страсти, которые, как он думал, уже угасли в душе и которые, как оказалось, никогда не затухали, а горели сильно и ровно, как ушедший внутрь огонь, которому нужен лишь порыв ветра, чтобы вырваться наружу. В этой свежести и тишине не хотелось даже курить, что было для Егора совсем уж непривычно. Он шел и шел, останавливаясь лишь для того, чтобы сорвать очередной гриб.

Впереди из травы высывалась темно-серая шляпка боль-

шого подберезовика. Он явно перестоял и наверняка был червивым, и Егор, проходя мимо, поддел шляпку ногой. И удивился, почувствовав, что ударил не по грибу, а по чему-то твердому; что-то странное, ни на что не похожее, выкатилось из травы, поразив Егора непонятым, неживым обликом. Не представляя, что бы это могло быть, Егор нагнулся и рукой раздвинул траву. И отшатнулся: перед ним, наполовину утопая во мху, лежал серый человеческий череп...

Егор редко испытывал страх, но сейчас ему на миг сделалось не просто страшно, а жутко, словно к нему прикоснулось нечто такое, чего нельзя и вообразить и что тем не менее существовало и обитало рядом.

Егор стоял в оцепенении, не зная, что делать — то ли положить череп на место, то ли идти не оглядываясь дальше. Но уже через минуту он пришел в себя. Вытерев вспотевший лоб, он поставил корзинку на землю, достал газету и махорку. Руки от пережитого еще дрожали, табак просыпался, и сигарка получилась нескладная. Несколько раз глубоко затянувшись, Егор окончательно справился с волнением.

Череп лежал в двух шагах, уставив вверх пустые глазницы. От него невозможно было отвести взгляд. Казалось: отведи, и произойдет что-нибудь не менее жуткое — череп вдруг исчезнет, или окажется на том месте, где лежал до этого, или, чего доброго, по-живому засмеется.

И все же Егор пересилил себя и, отвернувшись от страшной находки, до конца докурил сигарку. Он понимал, что куда уже не уйдет, не бросит все как есть, как бы ему этого ни хотелось. Раз есть череп, должно быть и все остальное, череп не мог сам по себе оказаться в лесу.

Выбрав среди валежин сук потолще, Егор принялся разгребать мох и траву вокруг того места, где раньше лежал череп. И сразу же выковырял из земли одну кость, за ней вторую. Потом обнажились ребра, а там отыскалась и одна из рук, вернее, то, что от нее осталось. Продолжая ковырять, Егор неожиданно вывернул из мха какую-то металлическую коробку. Он поднял ее и стал рассматривать. Судя по зеленым купоросным пятнам, как плесень, облепившим коробку, она была медная или латунная, но как Егор ее ни поворачивал, не мог определить, для чего она предназначалась. По бокам коробки были сделаны ушки, в них, наверное, продевался ремень, и выходило, что коробка носилась через плечо. Но для чего все-таки она служила? Такой коробки Егор никогда не видел и потому не мог представить, как ею пользовались. Понял только одно: коробка старая, сейчас таких не делают.

Провозившись с час, Егор наконец убедился, что ничего больше не найдет. Все, что удалось выкопать, лежало перед ним: пусть и не целый, но тем не менее человеческий скелет. Недостающее могло частью сгнить, а часть, наверное, растащили лесные звери — скелет, как определил Егор, лежал в лесу не один год. А может, не один десяток лет, потому что за все время, которое Егор жил в деревне, он не слышал, чтобы кто-то из округи пропал в лесу.

Егор вытер руки о траву и, свернув очередную сигарку,

присел рядом с корзиной. Она была заполнена только до половины, но ни о каких грибах больше не думалось, все мысли занимало то, что грудой лежало среди изрытого мха и вытоптанной травы. Поначалу, когда копал, Егор не очень-то приглядывался к костям, торопился вырыть, и только теперь заметил, что скелет-то — дай бог каждому. Кости были толстенные, грудь — под стать хорошей бочке, а «примерив» на глазок скелет к себе, Егор присвистнул: мужик вымахивал метра на два! Бросить эту громадную груду Егор не мог — человека ведь нашел, не скотину, нужно было закопать все. Лопаты нет? А нож на что? Какую-никакую могилу, а выкопает.

Но эту мысль тотчас перебила другая. Выкопает! А потом снова откапывать? Ведь как ни крути, а придется заявлять обо всем в милицию. Мало ли, что никаких слухов не было, а вдруг кто-нибудь да пропал? Зароешь, а там опять раскапывать, когда милиция придет. Ах ты, елки зеленые! Придется оставлять как есть. Хворостом закидать пока, а уж милиция пускай сама думает, что делать.

Все, кажется, выстраивалось по правде, по закону, и только мысль о коробке не выходила у Егора из головы. С ней, с этой коробкой, связывалось что-то такое, что пока гнездились в самых дальних закоулках сознания, отчего у Егора на миг перехватывало дух, как перехватывает его от предвосхищения некоей жуткой и в то же время сладостной догадки, которая вот-вот высверкнет и осветит все.

Егор еще раз повертел коробку в руках, прикинул и так и сяк и окончательно признался, что не знает, когда и для чего ее сделали. Он положил коробку поверх грибов и пошел в деревню.

Ни в какую милицию Егор ни о чем не заявил. Не до того стало. Все и впрямь высветилось, и высветилось невероятно: а что, если там, в лесу, он нашел прадеда Тимофея?! От этой мысли бросило в жар, но, ухватившись за нее, Егор ни о чем другом больше не думал. Коробка! На все могла дать ответ только эта странная, неизвестно для чего служившая коробка.

Дома, ни словом не заикнувшись жене про случай в лесу, Егор, как мог, очистил коробку от купоросных пятен и снова со всех сторон осмотрел ее, надеясь найти какой-нибудь след, который бы показал, когда и где была сделана коробка, но не обнаружил никакого клейма, никакой фабричной марки. Они наверняка были, но, видно, их съела окись. Она, как лишай, расплзалась по стенкам коробки, прошла сквозь них внутрь, и это еще раз подтверждало, что коробка пролежала в лесу невесть сколько.

Егор показал коробку Гошке. Кузнец тоже вертел ее и так и этак, колупал окисленные места желтым от табака ногтем, но под конец пожал плечами:

— Ей-богу, не знаю, что за штукавина. Это где ж ты откопал такую?

Точно — откопал, хотелось сказать Егору, но даже Гошке

он не стал ни о чем рассказывать. Соврал, будто нашел коробку у матери на потолке, когда разбирал оставшиеся от деда вещи.

Но именно тогда, в кузнице, и высверкнуло то, что показало Егору в одно и то же время и невероятным и что ни на есть истинным. Если уж Гошка, который вдвое старше Егора и который всю жизнь возится с разными железками, не знает, что за штука — коробка, значит, она и вправду сделана давно. И у прадеда Тимофея могла иметься такая!

Словом, надо было что-то делать — или выбросить все из головы и заявить в милицию о том, что нашел в лесу сгнившего человека, или удостовериться в правильности своей догадки. Но как удостовериться? Разве что у стариков поспрашивать?

Ничего другого не оставалось, и Егор стал перебирать в уме, кому бы из стариков показать коробку. И в конце концов решил, что если и идти к кому, то уж к деду Матвею Пахомову. Старее его никого в деревне не было. Говорили, что деду Матвею уже сто лет, но Егор не очень-то этому верил. Сто лет — это целый век, а дед Матвей не был похож на дряхлого старика. Лысый да без зубов — это верно, но ведь и ходит сам, без всякой палки, и по дому все время копошится — то овец во двор загоняет, то плетень чинит, то сено на задах ворошит. Человек в сто лет вряд ли мог быть таким шустрым, и Егор склонялся к тому, что Матвею Пахомову, конечно, не сто, а меньше, но все равно много. И уж он-то должен отгадать, что это за коробка такая, которую не признал даже Гошка.

Деда Матвея Егор застал сидящим на завалинке. Погода была еще теплая, но дед уже облачился в полубух и валенки, а лысую голову прикрыл старой военной фуражкой с промасленным верхом и треснувшим козырьком. Скрестив руки на коленях, дед живо вертел головой по сторонам, не упуская из вида ничего, что делалось на улице.

— Здорово, дед Матвей! — сказал Егор, подходя.

— Здорово, да без коровы! — отозвался дед, с интересом разглядывая Егора выцветшими голубыми глазами. Сначала он, видно, не признал его, но, присмотревшись, спросил: — Никак Егорий?

— Он самый! — ответил Егор и присел рядом с дедом.

— А я глядю, чай, ты, чай, не ты. Эва, какой вымахнул! Пра слово, бирюк. Годков-то скоко ж тебе?

— Да уж, считай, тридцать, дед. На будущую весну стукнет, — ответил Егор, вынимая из кармана махорку.

Дед Матвей, увидев кисет, радостно возбудился.

— Ты уж и мне скрутни, Егорушка, — попросил он. — Сидю тут, как петух на яйцах, а покурить неча. Мои-то ироды, — дед кивнул на окна, — што ить надоумили — табак прятать. Старой ты, говорят, дед, память у тебя отшибло, сунешь куды сигарку да и дом спалишь. Это ж надоть, старой! Да мне хоть чичас каку бабенку, не откажусь!

Егор засмеялся. Дед Матвей по своей живости никак не напоминал столетнего.

А старик, дорвавшись до курева, прямо-таки млел от удовольствия, и Егор подумал, что, пожалуй, самое время показать ему коробку.

— А я к тебе по делу, дед Матвей, — сказал он. — Есть тут у меня одна штукенция, а что за штукенция — не знаю. Вроде как не в наше время сделана. Вот я и подумал: пойду к деду Матвею да и покажу. — И Егор достал коробку.

Дед Матвей, не выпуская сигарки изо рта, покрутил коробку в узловатых пальцах, зачем-то приложил ее к боку и сказал:

— Кажись, лядунка. Крышки вот токма нету, а то бы как есь лядунка.

Это слово ни о чем не говорило Егору, вернее, почему-то вызвало на память другое слово — лампадка, и он спросил:

— Для поповских дел, что ли?

— Сказал тожа — для поповских! — отмахнулся дед Матвей. — А для солдатских не хошь? Патронаш его. В ём царевы солдаты патроны таскали. Ты-то где раздобыл?

Пришлось опять сказать, что, мол, от деда осталась.

— От Ивана? Не могёт от Ивана, ён в солдатах не был. Отцовый это у него, Тимофеев, значитца. Тот, пушай и не-долга, а ткнул лямку. Я ить Тимофея-то во как знал, хошь он летов на десять был постарее меня.

Мать честная, подумал Егор, это надо ж таким дураком быть! Уперся, как баран в ворота, в эту самую коробку, а про главное и забыл. Ведь если деду Матвею сто лет, так он и прадеда знал! Конечно, знал, в одной же деревне жили!

А дед Матвей, не подозревая, какие чувства вызвали его слова у Егора, продолжал с воодушевлением:

— Тимофей-то, знаешь, какой мужик был? Еруслан! Ты супротив его мелюзга пузатая. Лошадей с копыт сшибал Тимофей-то. Как даст, бывалось, кулаком, ёна так и на коленки. Бабы-то наши обмирали по Тимофею. А уж какойный охотник был — таких, чай, и у самого царя не было. Барин наш, помещик Телятьев, все в псари Тимофея звал, а ён ни в каку. Один любил по лесу шостать. Барин-то, знамо дело, приневолил бы Тимофея, а тута, глядь, рекрутов приехали брать. Ну и забрили Тимофея. А как не забрить? Глянули токмо, и готово — в пушкари. Куды ж аще ломовика такова.

Егор слушал, боясь пропустить хоть слово. Все было в новинку и захватывало, как сказка в детстве, но не менее интересовали и охотничьи дела прадеда, и Егор спросил:

— А правда, что у Тимофея волк жил?

— Бог не даст соврать — жил. Сам видал. Здоровущий волчина, хучь и хромой. Бывалось, идет с ним Тимофей по деревне, и обой — хром, хром, ён в ту сторону, а волк в другу.

— Почему обои? — удивился Егор.

— Дак ты што, паря? Тимофей-то хромой был, аль не знашь? Ногу-то Тимофею в солдатах сломало. Лета два походил под ружжом-то, а там, глядим, вертается. На царевом смотру, стал быть, ногу-то. А куды с ней опосля энтото? Тута и жил, в деревне.

— Ну а с волком-то как?

— А што с волком?

— Так, говорят, будто волк навел прадеда на стаю.

— А хто ш его знат, голубь? Могёт, и навел. Рази знашь, об чем ён думал, волк-то? Могёт, затаил што на Тимофея. Да-а... А я ить видал их утром-то. Случай у меня вышел. Я в ребятенках-то уж как любил рыбу удить. Все аще спят, бывалось, а я уж на речке. Мост-то возля мельницы и тады стоял, вот я под ём и норовил удить. Перейду по мосту на тую сторону, там поглыбже, и закидываю. Так и тады. Сидю, таскаю плотвишек поманеньку, глядь: Тимофей задами идет. И волк энтот самый на поводу. А тропка-то бережком да бережком, а речку, сам знашь, перескочить можна, так што вот ён, Тимофей, рядом. Ён-то ничего, меня не видит, под мостом я, а волк так в мою сторону и пялит глазами-то. Повод натянул, а Тимофей обругал волка холерой, да так и прошли они. А вечером шум — Тимофея нетути. Ждали-ждали, так и не заявился. Ну, а утром искать, да што толку. Рази найдешь в наших-то болотах? Вот, голубь, жисть-то как повернула...

Весь вечер Егор думал об услышанном. Лесная тайна так и осталась тайной, но, как живой, вставал перед глазами прадед Тимофей, и все сходилось к тому, что это его неприбранные кости лежат на глухой поляне, — и лядунка впо-ру прищлась, и прадед-то, оказывается, богатырь был. А скелет-то вон какой. Тимофей это, и никто больше. И нечего ходить в милицию. А вот похоронить прадеда нужно.

Так Егор и сделал. На другой день сказал Гошке, чтобы тот денек покрутился без него, а сам, взяв лопату и топор, ушел в лес. Вырыл под старой березой могилу и осторожно переложил туда кости. Закидал землей, утрамбовал как следует, а сверху насыпал холмик и обложил его дерном. Крест какой-никакой сделал, поставил в изголовье и к нему прислонил лядунку — пусть лежит. Посидел у могилы, покурил. Спи, прадед Тимофей, сказал. Любил ты лес, в нем и смерть принял, и будет тебе в нем хорошо и спокойно. Спи.

3

Нет, Егор не ошибался, когда говорил себе, что председатель вряд ли забудет о своем обещании истребить волчью стаю, — только-только проводили Николу-зимнего, как все подтвердилось.

В тот день Егор ходил проведать мать и, возвращаясь от нее, встретил на улице Семена Баскакова. Бригадир охотников с озабоченным видом куда-то торопился, но, увидев Егора, свернул к нему.

— Здорово, Егор!

— Здорово! — ответил Егор. — Куда намылился?

— Да вот своих обхожу, облаву собираемся делать.

— Какую облаву? — спросил Егор, хотя сразу догадался, о чем идет речь.

— Обыкновенную, на волков. Председатель вчера заходил, сказал, чтоб готовились. Вот и бегаю.

Семен похлопал себя по карманам и досадливо сплюнул:

— Тыфу, черт! Папиросы дома забыл. У тебя не найдется?

— Махорка, — сказал Егор.

— Леший с ней, давай.

И пока Семен сворачивал сигарку, Егор про себя прикидывал, что будет дальше. Он знал, что Семен, после того как Егор ушел из бригады, обиделся на него, но поскольку бригадир был мужик отходчивый, отношения у них скоро наладились и стали прежними, и Егор догадывался, что сейчас Семен начнет агитировать его на облаву. Не зря ведь свернул, увидев, и закурить не зря попросил — свои-то папиросы наверняка в кармане.

Все так и вышло. Затянувшись, Семен похвалил махорку, заметив при этом, что Егор, наверное, подсыпает в нее самосад, а потом сказал:

— Ружьишком не хочешь побаловаться? А то давай с нами?

Ишь ты, подумал Егор, ружьишком побаловаться! Сказал бы уж прямо: помоги, Егор, сам знаешь, облава — это тебе не фунт изюма, пока стаю обложишь, семь потов сойдет. А у меня мужики-то немолодые, с ними и до весны проканителиться.

Что правда, то правда, охотники у Семена были никудышные. По дичи еще куда ни шло, а за волками — тут и силу надо иметь, и дыхание. А главное — знать волков-то. Без этого как ты их обложишь? Ну, допустим, обрежешь круг, а в нем, оказывается, пусто, никого. А почему? Да потому что круто обрезал, слишком близко подошел к лежке, вот и спугнул. А широко взять — тоже не сахар. Чем шире круг, тем больше людей надо, иначе нельзя. Иначе расставишь стрелков по номерам, а между ними такие прорехи, что в них не то что волк — медведь пролезет.

— Ну так как? — спросил Семен.

— Нет, — ответил Егор. — Не пойду. Я свое отохотился.

— Да брось ты! Неужто не надоело у Гошки молотком махать? А я, между нами говоря, надежду на тебя имел. Думал, согласишься по старой памяти.

— Не проси, Семен. В другой раз помог бы, а нынче нет.

— Ну как знаешь. Обойдемся и без тебя. Я, если хочешь, стаю-то уже подсмотрел.

— Это где же? — спросил Егор, надеясь, что Семен укажет ему совсем не то место, о котором он думает.

— А на болоте. Ничего стая-то. Волков пять, не мене. Наследили столько, что и не разберешься. Ничего, до всех доберемся, никуда не уйдут.

Все было правильно, стая была его, и теперь, когда над ней нависла опасность уничтожения, Егору оставалось надеяться лишь на ум и сметку волчицы. Уж кто-кто, а эта битая-перебитая как-нибудь, да вывернется, думал он.

В деревне только и разговоров было, что об облаве. Раньше об этом никто и не думал, охотятся охотники, и пусть себе охотятся, а теперь все как сговорились, передавая из дома в дом слухи о приготовлениях.

В чем тут причина — над этим не надо было ломать голову. Летняя потрава взбудоражила всю деревню. Четырнадцать овец зараз — такого не помнили даже старики, и сейчас все горели одним только желанием — чтобы охотники не упустили стаю. Многие вызывались идти в загонщики, а те, у кого были ружья, готовились стать стрелками.

Догадывались ли деревенские, чью стаю они собираются обкладывать, нет ли, но никто ни с какими расспросами к Егору не приставал. Должно быть, боялись, что получится, как с Петькой. Про свою стычку с ним Егор не сказал даже жене, но, как выяснилось, в деревне знали обо всем, и это, наверное, и удерживало любопытных от желания поговорить с Егором.

А пока суд да дело, у охотников ничего не клеилось. Они уже больше недели гонялись за стаей, но обложить ее никак не могли. Волки уходили из всех ловушек, и Егор не мог без смеха смотреть на то, как охотники каждый день, обвешанные катушками с тесьмой и флажками, тянутся ни свет ни заря к лесу, а под вечер приходят домой с пустыми руками. Грешно было радоваться, глядя на это, — четырнадцать-то овец волки положили не у чужого дяди, но Егор не мог ничего с собой поделаться. И чем дольше тянулись неудачи у охотников, тем больше крепла у него уверенность в том, что волчица не дастся Семену и его людям. Может, они и убьют одного-другого волка из стаи, а волчица не дастся. Сам-то сколько с ней мучился, пока взял, а уж эти... Не по себе валят дерево.

Но среди этой грешной радости все чаще приходила тревожная мысль, что как бы после смеха не пришлось поплакать. Председатель-то не на шутку взялся за дело. Сказывают, даже отругал Семена, мол, валандаешься, а толку никакого. Да и не будет толку, видно же. Ну еще раз отругает, а дальше что?

А дальше то и случилось, чего Егор опасался: нагрянул председатель. Егор сидел за самоваром, когда увидел его в окошко. И хотя давно ждал этого, спервоначала чуть не свалил дурака — хотел спрятаться в другой комнате, а жене сказать, чтобы соврала, нету, дескать, Егора, ушел куда-то. Да, слава богу, опомнился и даже рассмеялся вслух, представив, какую дурость чуть не сморозил.

— Ты чего это? — спросила жена, которую удивила такая веселость Егора.

— Да так, смешное вспомнил. Иди лучше гостя встретить.

Председатель не отказался попить чайку, спросил про жизнь, про дела, а потом сразу сказал:

— А я к тебе на поклон, Егор. Выручай. Замучился Семен с этой стаей. Каждый день бегают, язык высунув, а все пусто. Подсобил бы, а?

— Подсобил бы! А как подсоблять-то, Степаныч? Я тебе летом-то не сказал, а теперь куда уж деваться: мои это волки-то!

— А то я не знал! Ты думаешь, председатель у вас дурак, ничего не петрит? Да я как посмотрел тогда, как ты

нос в сторону воротишь да в землю глядишь, так все и понял.

— Понял, а сам говоришь: подсоби. Я ведь их своими руками поил и кормил, а теперь стрелять?

— А что делать, Егор? Ей-богу, не хотел тебя трогать, думал, Семен сам управится, а вишь, что получается. Волчица твоя водит Семена за нос как хочет. Так можно всю зиму пробегать. Дорого встанет, Егор.

— Да не могу я, Степаныч, не могу! Если б не волчица, и разговоров бы не было, а волчицу не могу.

— Выходит, пусть и дальше овец режет? А платить за них кто будет? Ты, что ли? Я за те полтонны с колхозниками до сих пор не рассчитался. И так на трудовень с гулькинос нос получают, а тут еще и волков корми из своего кармана! Ты все равно как маленький, Егор! — Председатель побарабанил пальцами по столу и сказал отчужденно, как никогда не говорил с Егором: — Ладно, от тебя толку, я вижу, не добьешься. Как был ты бык, так быком упрямым и остался. Не хочешь — не надо. На тебе свет клином не сошелся, найду других охотников, а волков мы все равно застрелим.

— Во-во, застрелим! Ты сейчас как тот, из райцентра. А кто мне про кровь говорил, что она, мол, у всех красная?

— Да что ты хрен с пальцем равняешь! — рассердился председатель. — Ну говорил. Так это вообще, а если тебя за горло берут, радоваться, что ли? Не дожили мы еще до этого, чтоб без крови-то.

— И не доживем. Говорят-то все правильно, а как яму другому выкопать — сразу и оправдание найдут.

— Не то говоришь, Егор, не то! Тебя послушать, так и жуликов и бандюг всяких надо по голове гладить. Вот опять же случай расскажу. На фронте был, в Белоруссии, в сорок четвертом году. Пошли мы в разведку, шесть человек. «Языка» надо было взять, хоть ты зарежешься. Через фронт переправились, вышли к какой-то деревеньке. Притаились, смотрим, есть там немцы или нету. Выяснили, что нету. Ну зашли в одну избу. А там две бабки и ребятишек куча. И что насторожило, смотрят на нас, как на врагов каких. Что за черт, думаем. Знаем же, как везде встречали, плакали от радости, а тут шарахаются. Стали спрашивать, что да почему. И что ты думаешь? Оказывается, ходят в деревню наши солдаты и отбирают у всех продукты. А у людей у самих есть нечего. Какие такие солдаты, спрашиваем, откуда? Никто не знает. Ходят, и все. Ну ладно, думаем. Потолковали между собой, как быть. У нас задание, «языка» надо взять, да разве оставишь все так? Решили узнать, что за солдаты. Сутки сидели в кустах за околицей, под вечер, глядим, идут. Двое. Солдаты как солдаты, в погонах, с автоматами. Ну подпустили поближе, а потом — хендэ хох. А они в нас из автоматов. Пашке Белову руку прострелили. Взяли мы их, конечно. Не таких брали. Раскололись они быстренько. Оказывается, дезертиры. В лесу в землянке жили. А жрать-то надо, вот деревенских и обирали. Расстреляли мы их тут же, у околицы. Ничего не побоялись, хотя за самосуд нас могли в трибунал

упечь. Я к чему рассказал: кровь-то мы тогда тоже пролили, и не чужую, свою, да разве ж это кровь, Егор?

— Ну ты и повернул, Степаныч!

— Я повернул! Это ты повернул. Мне никакой крови вовек бы не нужно, и волки твои не нужны. Пусть бы бегали, так они скотину ведь режут. Василий на днях сказал, у конюшни волчьи следы видел. Заберутся в конюшню, такого натворят, что и не расхлебашься. Ладно, пойду я. Тебя, как вижу, не свернешь. Передумаешь, скажи мне или Семену. Прохлаждаться нам некогда, облаву так и так надо делать. Попрошу Андрея Вострецова из Новинки, чтоб помог. Не хуже тебя охотник.

— Не хуже, — согласился Егор.

— Да и добровольцы у нас есть. Сосед вон твой, и тот вывался.

— Кто? — опешил Егор. — Петька?!

— Ну Петька, чего ты взбеленился?

— Погоди-погоди, Степаныч! — ухватил Егор за рукав вставшего председателя. — Это что ж, Петька на облаву пойдет?!

— А что тут такого, раз человек хочет?

— Не будет этого! — бледнея, сказал Егор. — Чтоб эта гнида охотилась за волчицей?! Не будет, я тебе говорю!

— Вон ты какой! Про кровь все твердишь, а сам так и дорываешься до крови-то. Что тебе Петька-то сделал, что ты аж побелел весь? Ну полаялись, слышал я, а ненавидеть-то за что?

— За что? А за что он волчицу отравил? Ты думаешь, чего она нынешней весной подыхала? Петька ей яду крысиного подкинул. Машу вон спроси, молоком отпаивали.

— Отпаивать-то отпаивали, а про яд первый раз слышу, — удивилась жена.

— Ясно, что первый! Не сказал я тогда тебе, а ведь Петька на огород приходил к нам, следы-то я его нашел. Он и сунул яду волчице.

— Да зачем ему это?

— А по злобянке. Что ты, Петьку не знаешь? Он и в район кляузу написал, а теперь, вишь ли, на охоту собрался.

— Ну, ты не очень-то расходишь, — утихомирил Егора председатель. — Я ведь тоже про яд ничего не знал. Да-а, сосед у тебя, ничего не скажешь. А грозить все равно не надо. Это Петькино дело — идти на охоту или сначала у тебя разрешения спросить. Как захочет, так и будет, нам лишние руки на облаве во как нужны.

Не зная, как сдержать нахлынувшую злость, Егор встал и заходил по избе. Мысль о том, что Петька, этот сволочный и мелочный человек, из-за которого столько всего пережито, пойдет на облаву да вдруг еще и подстрелит волчицу — таким как раз и везет, — была Егору невыносима. Пусть бы застрелил кто угодно, только не Петька. Тогда хоть беги из деревни, потому что Петька ведь проходу не даст своими насмешками. А не сдержишься, ударишь, чего доброго, сгоряча — в милицию заявит, и посадят еще из-за такого гада. Нет уж, лучше своими руками все сделать.

— Ладно, — сказал Егор наконец. — Вот тебе мой сказ, Степаныч: Петькиного духу чтоб и близко на облаве не было, сам вместо него пойду. Но чур без ружья. Стрелять не буду. Помогу Семену выследить и обложить волков, а уж дальше как хотите.

— Идет, — согласился председатель. — Нам бы только стаю загнать, а стрелять мы и сами умеем...

Стаю обложили на глухом лесном острове. Сюда волки приходили на лежку, и здесь их наконец-то выследил Егор. Как выследил, только он и мог рассказать про то. Волчица, почував слежку, пускалась на разные хитрости и уловки, но Егор раз за разом отгадывал их и медленно, но верно шел за стаей по пятам.

Посторонний человек, поглядев в эти дни на Егора, подумал бы, что, видать, шибко любит этот молчаливый, обоженный морозом охотник деньги, если так надрывается из-за них. Другой и носа не высунул бы из дому в такой мороз, отсиделся бы, переждал, а этот как чугунный. Только одно и знает: чуть рассвело, а он уже в лес. Нужда, что ли, так заела?

Даже Семен, не говоря уж об остальной бригаде, не ожидал такой нещадности Егора к себе, а главное — отказа от всякой помощи.

— Чтобы в лес ни ногой, — предупредил Егор Семена в первый же день. — Когда надо будет, скажу.

Скажет так скажет, рассудили охотники. Мы люди не гордые, можем и подождать.

И верно рассудили. Никаких помощников себе Егор не хотел. Ко всем ревновал волчицу и слышать не желал, чтобы кто-то еще ее выслеживал. Выслеживали уже! Довыслеживались до того, что ходатая подослали — председателя. Скажи, мол, Егору, Степаныч, чтоб помог, замотались с этой проклятой стаей. Вот и пусть сидят дома, пока не свистну.

Но до этого «пока» пришлось дожидаться неделю. Чего только не делала волчица, по-разному изгалялась, чтобы сбить Егора с толку, — и кругами кружила, и на старые следы наводила, и на части разбивала стаю, да не помогло ничего. Егор поджимал и поджимал стаю, а когда следы привели к острову, понял: здесь. Только сюда и могли придти волки на лежку, в этот отдаленный и тихий уголок. Тогда-то Егор и дал знать охотникам, и они, как частоколом, обнесли флажками участок, который он им показал.

На славую выехали утром на двух санях. Народу набралось порядком, двенадцать человек — Семен со своими, Егор с председателем, да пятеро загонщиков. Лошади еле тянули, а когда свернули с дороги на целину, и вовсе стали, снег был по брюхо. Тогда все слезли с саней, оставили на них ружья с лыжами и гурьбой пошли впереди лошадей — то-рили дорогу. Так и добрались до места.

Волки вроде не должны были уйти сквозь флажки, однако Егор на всякий случай обошел их — нет ли выходного следа. Его не было, волки сидели внутри оклада, и теперь можно

было бы плюнуть на остальное и уйти домой, но Егор решил досмотреть все до конца. Жила в душе тайная надежда, что, может быть, волчица и выкрутится. Это сейчас флажки пускают ее, а начнется стрельба — может и перемахнуть через них, и такое бывает. Когда до шкуры добираются, какие уж тут флажки. Ни о чем не думают, только б спастись.

И когда Семен развел своих по номерам, Егор встал за толстую елку неподалеку от одного из охотников. Со спины его прикрывали кусты, и он, утопав снег под елкой, приговаривал ждаты.

День опять выдавался морозный, красный круг солнца просвечивал сквозь деревья, золотил заиндевелые ветки. Тишина стояла в лесу, казалось, нет в нем ни волков, ни людей, а только эти мохнатые ели и сосны да узорные, все в изморози, березы, что будто и не растут вовсе, а нарисованы. Сверху, чуть не задев, упала шишка, и Егор, задрав голову, увидел на ветке двух клестов. Словно и не замечая Егора, птицы шелушили своими кривыми клювами гроздь красноватых шишек. Да и сами клесты были красноватыми, а значит, самцами, и Егор подумал, что самки, наверное, уже сидят на яйцах. Птички-то всего ничего, а никаких морозов не боятся, в январе уже выводят птенцов. И как только не замерзают такие крохи?

Но вот в глубине леса стукнули, и Егор сразу забыл о клестах. Как ни слаб был донесшийся звук, Егор отличил его от обычных звуков леса и понял, что это пошли загонщики. Он представил, как они, рассыпавшись цепью, идут на своих широких лыжах и легонько постукивают палками по деревьям, приближаясь к тому месту, где стоят на номерах охотники. И, угадывая движение загонщиков, Егор вспомнил свой спор накануне облавы. Семен и остальные внушали загонщикам кричать сильнее и даже бить в тазы, чтобы согнать волков с лежки. Как будто для этого надо из пушки стрелять! Да волк тебя за километр услышит, только кашляни. А напугаешь всякими тазами, он и перемахнет через флажки. У того же Семена случалось. Егор мог бы и не вмешиваться в его распоряжения, пусть бы грохотали, а потом остались бы ни с чем, да злила глупость, и он сказал, что, если хотят разделаться с волками, так пусть слушают его, и наказал загонщикам гнать, как велит. И теперь они старались.

И другое представил Егор: как, услышав постукивания, сначала насторожились, а потом стронулись с места волки и пошли след в след за волчицей. А куда идти-то? Сзади загонщики, справа и слева флажки, а впереди охотники ждут не дождутся. Конечно, до выстрелов волчица попробует найти какую-нибудь лазейку, а как начнется пальба, волки кинутся враспынную.

Тут уж каждый за себя будет, и Егор напряженно поглядывал по сторонам, стараясь угадать, в какой конец оклада подадутся волки. И когда справа бабахнул первый выстрел, он понял: началось!

Там же, справа, снова выстрелили, и тотчас закричал, за-

голосил раненый волк. Но бухнуло в третий раз, и крик обобрався. А выстрелы зачастили, как по цепочке приближаясь к тому месту, где стоял Егор. Стая шла справа, вдоль линии стрелков, которые, уже было ясно, не промахнулись, но уцелевшие волки должны были вот-вот появиться и здесь, на левой стороне оклада.

Егор посмотрел на ближайшего к нему охотника. Тот, выставив вперед левую ногу, держал двустволку перед собой, готовый выстрелить в любую секунду. Но, как и Егор, он ждал, что зверь появится справа, и смотрел только туда, а волк выскочил из кустов левее его, ближе к Егору. Весь как пружина, он на мгновение остановился, повернув голову туда, где трещали выстрелы, и Егор чуть не выбежал из-за елки: он узнал волчицу. Густой зимний мех изменил ее, но никакой мех не мог скрыть раскосость ее глаз и выражение взгляда, в котором, казалось, сквозила усмешка.

«Беги, глупая, чего стала!» — хотелось крикнуть Егору. Эта секундная задержка могла стоить волчице жизни. Егор увидел, как, резко вскинув к плечу ружье, повернулся за деревом охотник, ловя волчицу на мушку. Миг, краткий миг решал все. И тогда, думая только о том, что надо спугнуть волчицу и тем спасти ее, Егор хлопнул в ладоши. Но этот хлопок заглушил грохот выстрела. Волчица с визгом покатила по снегу, но тут же вскочила и кинулась в кусты. Вдогонку ударил еще один выстрел, уже бесполезный. Но первая пуля попала в цель: на том месте, где только что каталась волчица, снег был покрыт красными пятнами.

Охота, внезапно начавшись, так же внезапно и кончилась.

Выстрелы утихли, послышались людские голоса, и тут же Егор увидел идущего к нему Семена.

— Ну, Егор, все! Шестерых уложили! Ты-то в кого тут бахал? — спросил Семен охотника, который все еще стоял на своем месте.

— Так, кажись, в самую, — неуверенно ответил тот.

— В кого, в самую?

Охотник опасливо посмотрел на Егора.

— Ну в эту самую, в волчиху.

— Так где ж она?

— Ушла, кажись. Ранетая. Вон кровь-то.

— Эх ты, тёпа! Ранил-то хоть куда?

— А я знаю? В башку целил.

Все втроем они подошли к кустам, куда после выстрела метнулась волчица. Везде была кровь — на снегу, на ветках, и Егор сразу понял, что волчица ранена тяжело.

— Ладно, — сказал Семен, — опосля разберемся, сначала тех в кучу стащим.

Егор не стал помогать охотникам. Стоял безучастно в стороне и смотрел, как со всех сторон волокут за хвосты убитых волков. И только когда всех положили в ряд, подошел. И жалость стиснула сердце при виде мертвых зверей. Матерый сразу бросался в глаза своим ростом, молодые были поменьше, и хотя Егор не видел их с раннего лета, ему казалось, что он узнаёт их. Вот этот вывалился в тот раз из конуры, когда он привел к волчатам дочку. А этот любил

вцепиться зубками в сапог и, урча, грызть его. А вон тот был самый маленький, но самый настырный... Все тут, в одном ряду, и он видит их раны. И это кто-то из них кричал, когда в него попала пуля...

Егор почти с ненавистью посмотрел на сгрудившихся охотников. Они курили и громко обсуждали подробности охоты, вспоминали, кто как стрелял, спорили и все, как один, доказывали, что, если бы не он, охота не была бы такой удачной. И даже охотник, стрелявший в волчицу, обретя перед своими уверенность, выставял себя почти что героем и клялся, что волчица все равно далеко не уйдет, сдохнет.

— Да заткнись ты! — оборвал охотника Егор.

— А ты не командуй! — огрызнулся тот и хотел что-то добавить, но Егор так люто взглянул на него, что охотник отшатнулся. — Да ну тебя, черт бешеный!..

Покурив, стали готовиться свежевать волков, и тут встал вопрос о волчице. Кто-то сказал, что надо бы пойти по следу и пристрелить ее, но, как выяснилось, идти никому не хотелось. Тем более что мазил-охотник опять побоялся, что волчица так и так сдохнет. Ну и черт бы с ней, и нечего зря таскаться.

Егор слушал эти рассуждения усмеаясь. Если бы даже и постановили добить волчицу, он никому бы не дал этого сделать, ибо сразу решил, что пойдет по следу сам. И когда никаких желающих не нашлось, Егор отозвал в сторону председателя.

— Будь другом, Степаныч, зайди к моим, скажи, что, может, запоздньюсь сегодня.

Председатель прищурился:

— Никак за волчицей собрался?

— А что ж, бросать ее, что ли?

— Не дури, Егор. Время-то, знаешь, сколько? Через час стемнеться начнет. Да и откуда мы знаем, как она ранена. Может, задело только, уведет черт-те куда.

— Не, Степаныч, влепил он ей сильно, сам видел. Далеко не уйдет, это точно.

— Тогда хоть ружье возьми на всякий случай.

— Обойдусь. Топор из саней захвачу. Ты только не забудь к моим зайти.

Как Егор и думал, флажки волчицу не задержали. Гонимая болью и страхом, она перескочила через них и метров полтора шла на махах, но дальше силы у нее кончились. Дальше вел неровный, вихляющий след — волчицу шатало. Но она упорно уходила все дальше и дальше, пачкая кровью сухой, рассыпчатый снег. А вскорости Егор наткнулся на пролежину в снегу. Тут волчица в первый раз легла и лежала, видно, долго — снег в пролежине был весь пропитан кровью.

Потом пролежины стали попадаться все чаще, силы покидали волчицу, и наконец Егор увидел ее. Она лежала воз-

ле двух берез на широкой прогалине — на боку, безжизненно вытянув лапы и откинув пушистый хвост.

Кончилась, подумал Егор. Но когда он подъехал ближе, волчица шевельнулась и попробовала подняться, однако так и не смогла.

— Жива, милая! — обрадовался Егор.

При звуке его голоса веки волчицы дрогнули, она с усилием открыла глаза, и Егору показалось, что в них промелькнул живой интерес.

— Узнала, милая, узнала!

Он снял лыжи и присел над волчицей. Осторожно погладил ее по узкой морде, ощутив ладонью, как затрепетали холодные и влажные ноздри волчицы. Весь ее задрожок был в крови, и Егор, потихоньку раздвинув волчицыну шерсть, увидел рану. Пуля попала в шею ниже затылка, виднелись разорванные жилы, и Егор не представлял, как волчица еще живет с такой раной, И как могла пробежать столько.

— Эх, милая... — только и сказал он, разгибаясь. И пожалел, что отказался от ружья: сейчас бы он без колебаний пристрелил волчицу. Она была не жилица на свете, он это видел, а вот сколько ей придется промучиться — кто знал?

Надо было что-то делать. Оставить волчицу и уйти — об этом не было и речи. Тащить, как в прошлый раз, домой? Так ее и трогать-то нельзя. Тронешь — сразу богу душу и отдаст. На ладан дышит. Мало того, что шея перебита, так и крови-то сколько вытекло. Помрет. Не сразу, так через час, а все равно помрет.

Но рядом с этой мыслью жила и другая: а вдруг опять выживет? Бог-то ведь троицу любит! Два-то раза пронесло, может, и сегодня вывезет?

Разгорячившись от ходьбы, Егор сначала не чувствовал холода, но теперь его как бы и зазнобило.

— Костер надо ладить, — сказал он. — Может, до ночи просидишь тут.

Он натаскал к березам хворосту и разжег костер, но потом подумал, что хворосту, сколько его ни таскай, все равно надолго не хватит, горит, как порох. Потолще что-нибудь надо. Он зашел в гущу и, отыскав сухую сосну, свалил ее. Разрубил на части и принес бревна к костру. Бревно пообхватистей положил посередке огня, а над ним шалашом поставил остальные. Пламя быстро схватило их, и они занялись ровным, сухим жаром. Его должно было хватить надолго, но Егор не поленился и про запас срубил еще одну лесину. Подумал и решил, что надо заодно сделать и заслон против ветра. В лесу-то его вроде и нет, а здесь, на прогалине, тянет. Самому-то что, каким хошь боком поворачивайся к огню, а волчица-то? Ей спереди печет, а сзади дует. Здоровому-то все нипочем, а коль уж прихватило, беречься надо, без разницы, человек ли, зверь ли дикий. Эта вон всю жизнь в снегу спала, и ничего, а сейчас кинь — к ночи закоченеет.

Хотелось подстелить что-нибудь волчице, но Егор не решился трогать ее, укрыл только со спины еловыми лапами. Наткал лап и промеж берез, чтоб не так дуло, постелил себе. Хлеб и сало были, как всегда, в кармане, и он, отогрев

хлеб над огнем, поел. А вот попить было нечего. Снегу кругом сколько хочешь, да разве снегом напьешься? Только себя растрaviшь. Растопить бы, на худой конец, а в чем? Были в саях кружки, забыл взять...

Короткий декабрьский день угасал. Сумерки обкладывали прогалину со всех сторон, изменяли формы деревьев и кустов. Все сделалось другим — затаенным, загадочным.

Прислонившись спиной к березовому стволу, Егор время от времени поправлял палкой костер, сгребал поближе к поленьям откатившиеся уголья и поглядывал на волчицу. Она почти не дышала, и, только присмотревшись, можно было заметить, как еле-еле поднимаются и опускаются подвздошины. Кровь из раны больше не текла, видно, и течь-то было нечему. «Что у нее крови-то, ведро, что ли?» — подумал Егор. И так весь снег заляпала.

Вспомнилось об охотниках. Поди, уже давно в деревне. Разговоров, поди! Как же: шесть волков зараз! Раньше-то за всю зиму столько не брали, а тут за полдня... Председатель, конечно, зайдет к Маше, обскажет все, как есть, но Маша все равно беспокоиться станет. Хоть бы догадался председатель, соврал бы, что дал, мол, Егору ружье, а то ведь Маша знает, что он без ничего утром ушел. Как бы не накричала на председателя. Устроились, скажет, сами приехали, а Егор отдувайся за всех...

Волчица неожиданно захрипела, и Егор так и вскинулся. Подумал: все, кончается. Он поворошил костер, стало светлее, и можно было увидеть, дышит волчица или уже нет. Она дышала, и Егор успокоился, но на всякий случай пододвинулся к волчице поближе. Ему казалось, что, когда он рядом, она и сквозь беспамятство чувствует это и ей не так страшно в этом темном и глухом беспамятстве.

Время шло все быстрее к ночи, мороз усиливался. Впотмах Егор нарубил еще лапника и, устроив себе настоящую постель, лег. Никакая опасность не угрожала ему в этой темени. Стаи больше не было, другие волки рыскали далеко, а всех прочих отгонял огонь костра и волчицын запах. Зарывшись в лапник, Егор лежал и смотрел на небо. Оно было все в звездах и все дрожало, как будто еле выдерживало тяжесть звезд. Их вид никогда особенно не волновал Егора. Он относился к ним как к чему-то само собой разумеющемуся — как к листьям на деревьях или к перьям на курице. Ну звезды. Ну есть и есть. Не было бы их, было б что-нибудь другое. Гармония звездного неба была ему незнакома, и если б ему сказали, что на небе можно найти чуть ли не сотню созвездий, он удивился бы, потому что знал из них одно-единственное — Большую Медведицу. Как-то так получилось в жизни, что некогда было разглядывать звезды. И вот, в кой-то веки, он смотрел на них, и постепенно звездная картина все сильнее захватывала его. В прозрачности белых и голубых огней звезды казались такими чуждыми, что брала оторопь. Это сколько ж до них?! Он и представить не мог, сколько, и лишь смутно, словно бы инстинктом живущего в нем другого существа, угадывал чудовищность расстояний. До звезд было так далеко, что всякий путь к ним

искривлялся, но никакое тяготение и никакие иные поля не могли отклонить мысль. Всепроникающая, она в кратчайший миг перенесла его к звездам, и он ужаснулся, посмотрев с этой страшной высоты вниз.

Все виделось ему, не стало никаких горизонтов, и можно было заглянуть за самый край. Безлюдна и темна была лежащая под ним земля. Все спало там, и только в одном месте, как свеча на ветру, трепетал слабый костер. И кто-то, знакомый по какой-то далекой, словно уже прошедшей жизни, сидел возле костра и смотрел в ночное небо. И то ли живой, то ли мертвый волк лежал рядом на красном от крови снегу. Дикий лес обступал этих двоих, но все будто повымерло в нем или бежало прочь, как от предчувствия чьей-то близкой смерти. Она действительно была близка; ее присутствие ощущалось даже здесь, на звездных высотах, и в тот самый миг, когда она приблизилась к костру, небо над лесом прочеркнул ослепительный след упавшей звезды...

Егор очнулся. Словно что-то прошло мимо, задев его своим краем. Он привстал и почувствовал, как по спине прошел холодок: на него смотрела волчица. Было чудом, как она, почти неживая, сумела повернуться, но теперь она лежала на брюхе и смотрела в лицо Егору неотрывным, немигающим взглядом.

Господи, никак отошла?!

Егор опустился на колени и протянул руку, намереваясь погладить волчицу и сказать ей что-нибудь ласковое, но так и замер: то, что он принял за жизнь, было на самом деле смертью, и он понял это, увидев глаза волчицы вблизи. В них был один только ужас; разверстые, они уже видели то, чего так страшится все сущее, для чего вся жизнь есть одно длинное приурочивание.

— Эх, милая...

Чуждо и дико раздался человеческий голос в ночном лесу, нестати он был в нем в эту пору, но, услышав его, волчица из последних сил потянулась к Егору и уткнулась мордой в его колени, словно хотела спрятаться от того страшного, что надвигалось на нее из вселенской тьмы.

— Эх, милая, — повторил Егор, глядя волчицу по голове. Ладонь нащупала старую вмятину от пули, и к горлу Егора подкатил ком. И он стал ненавистен самому себе, как днем ему были ненавистны охотники, толпившиеся около убитых ими волчат.

— Прости, милая... Слышишь?

Он все гладил и гладил волчицу, чувствуя, как замирает в ней жизнь. И вот она вздохнула, и по ее телу прошла судорога. Оскалилась морда, и только что живший зверь стал мертвым, костенея и обезображиваясь на глазах.

Тишина стояла вокруг. Что-то неуловимо менялось в природе, и невозможно было постичь суть изменений — их можно было только почувствовать.

Близился час восхода луны, смутный и роковой час, когда чаще всего умирают животные и люди...

**Павел
АМНУЭЛЬ**

И УСЛЫШАЛ ГОЛОС

Фантастический рассказ

Лида плачет. И хотя она с улыбкой протягивает мне то чашечку кофе, то поджаренные тосты, но я все равно вижу, что она плачет. Она не может понять, что со мной — я знаю, что стал совершенно другим после возвращения. И ничего не могу объяснить. Ничего.

Художник Геиннадий ФИЛАТОВ

Я молча допиваю кофе и выхожу на балкон. Наша квартира на последнем этаже, а дом — тридцатизэтажка — самый высокий в городе, и я вижу, как на территории Института бегают по грузовому двору роботы-наладчики. В машинном корпусе ритмично вспыхивают лампы отсчета — кто-то сейчас стартует в прошлое. Дальше пустырь, там только начали рыть фундамент под новый корпус для палеонтологов. На окраине города, за пустырем, у подъезда Дома прессы полощутся на ветру разноцветные флаги, и выше всех — флаг ООН. Толпу у входа я не могу разглядеть, но знаю, что она уже собралась, и знаю зачем. Я не пойду туда, я никуда не пойду, буду стоять на балконе и ждать, когда Лида соберет посуду и уйдет к своим биологам. И тогда... Что? Я еще не знаю, но что-то придется делать.

У меня всегда была слабая воля. В детстве я слушался всех и подпадал под любое влияние. «Валя очень послушный мальчик», — говорила мать с гордостью. Не знаю, чем тут можно было гордиться. Отец учил меня не подчиняться обстоятельствам. Я плохо его помню — он был моряком, ходил в кругосветки и наверняка в детстве не слыл таким пай-мальчиком, как я. Учился я отлично, потому что подпал под влияние классного наставника.

Когда после школы я подался в Институт хронографии, никто не понял моего поступка. А я всего лишь находился под сильнейшим влиянием личности Рагозина, о чем никто не догадывался, и потому мой поступок был признан первым проявлением самостоятельности.

С Рагозиным я познакомился только на втором курсе, до этого лишь читал запоем его книги и статьи. Они-то и поразили меня, и заставили сделать то, чего я и сам от себя не ожидал. Рагозин, не подозревая того, воспитал во мне мужчину. Вряд ли он предвидел такой педагогический эффект от своих сугубо научных и совершенно лишенных внешней занимательности публикаций.

Рагозин! Маленький, шуплый, морщившийся от болей — он уже тогда был тяжело и безнадежно болен, — создатель хронодинамики подавлял одним своим взглядом. Ему бы родиться в Индии, заклинать змей и гипнотизировать толпу на площадях. Основы хронографии мы знали, как нам казалось, не хуже его самого, потому что сдавали каждый раздел не меньше десятка раз. Только абсолютно полное понимание — и тогда пятерка. В противном случае только двойка. По-моему, Рагозин и жил так, деля весь мир на две категории, два цвета. Хорошее и плохое, белое и черное. Хронодинамика и все остальное. Или пусть хронодинамика принесет людям счастье, или пусть ее вовсе не будет. Он был мечтателем, романтиком. Его выступления перед нами, шалевшими от восторга, невозможно описать. Это надо было видеть и прочувствовать. И надо было видеть и прочувствовать то время, время моей юности.

Первые машины времени были громоздкими, как домны, лишь две страны — СССР и США — владели ими, слишком велики оказались затраты. После каждого заброса на страницах газет

появлялись фотографии и подробные отчеты. Библиотека Ивана Грозного. Петр Первый на военном совете. Линкольн и борьба за освобождение. Хронографы стали, по существу, огромными проекционными, где в натуре оживала история.

Путешествия во времени были сродни первым полетам в космос, только значительно более понятны для всех и потому более популярны. Но никто никогда не выбирался из машин времени в «физический мир». Никто еще не примял в прошлом ни одной травинки, не обменялся с предками ни единым словом.

Как-то мальчишки спорили на улице. Я проходил мимо и услышал. Один уверял, что изменить прошлое можно, но есть конвенция, запрещающая делать это. Другой был убежден, что влиять на прошлое невозможно в принципе. Я подумал о том, как быстро формирует время новые взгляды. Между тем конвенцию ООН о запрещении навеки какого бы то ни было влияния на прошлое принимали уже после смерти Рагозина. Незадолго до смерти учитель заложил первый камень в здание Института времени — того, что стоит в центре города, в котором сейчас размещаются только службы управления. А ведь двадцать лет назад там находились и инженеры, разработчики, технологи и мы — операторы.

Машины времени и сегодня очень дороги — дороже самого современного космического корабля. Даже размеры удалось уменьшить лишь незначительно. Забираясь в кабину управления, я всегда ощущал себя винтиком, выпавшим из какой-то несущественной детали. Я был обвешан датчиками, окружен экранами, привязан к креслу, о том, чтобы выйти в физическое прошлое, и речи не было. Но видеть, слышать все происходившее сто, тысячу лет назад — это ни с чем не сравнимо. Ни с каким полетом в космос. Ни с чем.

Я думал, что со смертью учителя все кончится. Если не хронография, то моя в ней жизнь. Но Рагозин научил не только меня. Были у него ученики и поталанливее. Работа продолжалась.

А потом появилась Лида. Нет, сначала в городе открыли Институт биологии, очередной придаток Института времени. Еще раньше были созданы Физический институт, Институт химии и даже Институт истории литературы. Город рос. Институт времени забирал все: людей, коллективы, целые науки. Биология не была исключением.

Нельзя сказать, что биологи или химики исследовали только то, что мы, операторы, привозили на лентах и голограммах из прошлого. Своих идей, не связанных напрямую с хронографией, у них было достаточно.

Впрочем, когда мы познакомились, я вообще не знал, чем занимается Лида и зачем вообще в городе Институт биологии. Я опять плыл по течению, и опять меня влекло, и имя этому было — любовь. Имя было — Лида.

Когда мы поженились, городской совет дал нам квартиру на самом верхнем этаже нового тогда дома, и мы часто стояли на балконе, как стою сейчас я, и смотрели на город. В центре возвышалась огромная и совершенно, казалось, неуместная башня — машина времени. Сейчас ее нет. Старую разобрали,

а две новые машины, хотя и подпирают крышу операторного зала, но все же не столь динозавроподобны и не видны отсюда. И не видно отсюда того дня, когда Лида сообщила, что биологам удалось синтезировать протобионты. Начисто выпал из памяти этот день. Шесть лет — не такой уж большой срок, чтобы забыть. Помню, что мы отослали тогда Игорька к родителям Лиды, в Крым, на летний отдых. Я обрабатывал результаты своего последнего заброса к скифам и был увлечен этим занятием. Может, потому и забыл остальное. Ничего больше не помню. Ничего.

Протобионты. Микроорганизмы — прародители жизни. Мало ли всяких микроорганизмов синтезировали биологи за десятки лет? Так мне казалось вначале. Значение синтеза протобионтов я понял только через три года, когда Манухин совершил самое глубокое в истории хронографии погружение. Я был на старте, дежурил у пультов, встречал Манухина неделю спустя — все как на ладони, каждый шаг. Манухин уходил в прошлое на четыре с половиной миллиарда лет — в то время, когда зародилась жизнь на Земле. Его заброс съел энергетические запасы Института на два года вперед. Однако вместо ожидаемых лент с записями зарождения белковых организмов Манухин привез нечто, ужаснувшее всех, кто хоть что-то понимал в молекулярной генетике и биологии низших форм жизни. Я-то сначала не понял ничего. Я судил только по реакции руководителей эксперимента. На страницы прессы шли для публики радостно-взволнованные рассказы о том, как Манухин попал в объятия друзей, а у нас уже знали: Манухин привез данные о том, что на Земле не было и не могло зародиться жизни.

У природы множество законов. Скорость света постоянна — и из-за этого мы не летаем к звездам. Энергия сохраняется — и мы вынуждены искать новые ее источники, вместо того чтобы конструировать вечные двигатели. Есть и в биологии фундаментальный закон — закон концентрации. Лишь в сильно концентрированной среде может путем случайных флуктуаций самопроизвольно зародиться жизнь.

На Земле, которую видел Манухин, где, казалось, вулкан переходил в вулкан, где все грохотало, а океаны в вечных бурях разбивались о крутые берега, на этой Земле закон концентрации не выполнялся. И значит, никакие электрические или магнитные поля не могли родить того, что родиться не могло. Жизнь. Микроорганизмы, одноклеточные, простейшие. Даже это. Ничего.

Помню, я иронизировал. До меня еще не доходило, насколько это серьезно. Я еще не догадывался о том, что мне предстоит. Четыре с половиной миллиарда лет назад жизни не было, но ведь миллиард лет спустя она уже была. В океанах и даже в лужах. Плетнев был в Архее полтора года назад, привез отличный материал. Где-то биологи ошиблись. Ну и прекрасно. Работа для ума — пусть разбираются.

Они и разобрались. Манухинский заброс проанализировали, и все биологи мира объявили в голос — эксперимент чист. Жизнь на Земле зародиться не могла.

Казалось бы, самый простой выход из положения и для нас, хронографистов, самый логичный — проехаться по интервалу в

миллиард лет и поглядеть, что случилось. Так, собственно, и предлагали несведущие, плохо разбираясь в сути того, о чем идет речь. Репортеры, обозреватели, даже некоторые политики — все, кто формирует общественное мнение.

Миллиард лет! Заброс Манухина был энергетически эквивалентен восьмистам стартам в мезозой. Этот заброс отнял у нас возможность двадцать семь тысяч раз побывать в Древней Руси. В общем, если начинать исследовать таинственный участок, нужно бросить все, переключить мировую хронографию на эту проблему, построить еще сотни машин и для этого отобрать средства у многих отраслей хозяйства. Это было невозможно, подобный вздор и обсуждать не стоило. Его и не обсуждали — во всяком случае, в кругу специалистов.

В один из воскресных дней мы с Лидой и Игорьком поехали на озеро. Оно было очень ухоженным, хотя и не искусственным. Рыбу, наверное, можно было ловить руками. Игорек охотился на бабочек без сачка, он, по-моему, уговаривал их сложить крылья и сесть на плечо. Почему я это вспоминаю? Был обычный день на планете Земля: озеро, деревья, трава, бабочки и мы троим. Был. А мог бы не быть. Если верить биологам — просто не мог быть. Не могло, не должно было быть ни полянки у озера, ни нас с Лидой, ни Игорька. Ничего.

У Дома прессы — я это прекрасно вижу с балкона — начинают приземляться вертолеты с голубыми полосами на бортах. Это машины ООН, они всегда являются последними. Значит, минут через десять начнут звонить сюда, искать героя всех времен Валентина Мелентьева.

Когда началось брожение умов, мне пришлось перечитать труды Рагозина. Виртуальные мировые линии мы проходили под занавес — это был самый абстрактный и явно ненужный для нас, хронографистов-операторов, раздел спецкурса. Все в городе только и говорили о мировых линиях. Нашлось, оказывается, единственное объяснение парадоксу Манухина — то, что вся история планеты Земля, начиная с древнейших времен, была и сейчас остается чисто виртуальной мировой линией, которая может оборваться в любое мгновение. И главное, от нас тут ничего не зависит. Ничего.

Виртуальные линии. События, не имевшие причин, а потому не имеющие и следствий в общем развитии Вселенной. Не мудствуя, можно сказать так: если случается в истории событие, совершенно беспричинное, то история вполне может обойтись и без него, событие не будет иметь никаких последствий, его мировая линия оборвется, и произойти это может или сразу после события, или много времени спустя, но произойдет обязательно, и мир будет продолжать развиваться так, будто странного события не было вовсе.

Человечество возникло и развилось на виртуальной мировой линии — для меня это был бред. И явным бредом казалось утверждение наших теоретиков о том, что мировая линия, на которой существует человечество, неминуемо оборвется, и тогда Земля мгновенно станет такой, какой была четыре с половиной миллиарда лет назад, и будет развиваться в соответствии с логикой природы, и никакого человечества, которое эту логику нарушило, не будет.

У меня была другая идея, и я делился ею со всеми, кто желал слушать. Почему бы не обратиться за объяснением парадокса к инопланетянам? Прилетели четыре миллиарда лет назад на Землю представители иной цивилизации, увидели, что Земля пуста, и заселили ее неконцентрированные океаны протобионтами. А дальше все пошло своим ходом — без парадоксов. И лучше уж затянуть пояса, построить еще сотни машин и найти в прошлом пришельцев, чем жить в постоянном страхе перед полным и неожиданным исчезновением, которого может и не быть никогда.

Я даже на ученом совете выступил с этой идеей. Впервые в жизни. Без толку. Точнее, толк был, но совсем не тот, на который я рассчитывал. Я хотел, чтобы обратили внимание на идею, а обратили внимание на меня самого. И когда решался вопрос о кандидате для заброса, вспомнили о настырном операторе.

Потом я обо всем этом забыл. Потом — долгие недели — был только Игорек. Его закушенные губы, молящий взгляд. Ужасно. У сына был врожденный порок сердца. Не так уж страшно. Если верить врачам, страшных болезней нет вообще. Игорек не отличался от других детей. Пока шла операция, я мерил шагами больничный коридор и прокручивал в памяти одну и ту же ленту — берег озера и как мы бегали, играя в пятнашки. Игорек почти не задыхался. И вдруг — декомпенсация. Синие губы, испуганные глаза, шепот «мамочка, я не умру?». Это было уже потом, но все перепуталось, и мне казалось, что этот шепот как-то связан с нашей прогулкой.

Мы повезли Игорьку в Ленинград, нужна была срочная операция. Я забыл про Киевскую Русь, которой тогда занимался. Я помнил бы о ней, если бы на Руси жили колдуны, умеющие заговаривать пороки сердца. Тогда я невидимо стоял бы рядом, и слушал, и смотрел, и учился, и сам стал бы колдуном, чтобы не видеть этих больничных стен и коридора, и немолодого хирурга, который вышел из-за белой двери и только устало кивнул нам с Лидой, и ушел, а потом вышла медсестра и сказала, что все в порядке, клапан вшит безупречно и Игорек проживет двести лет. Напряжение вдруг исчезло, и я подумал: проживет и двести, и тысячу и будет жить всегда, потому что дети бессмертны, если только... Если не оборвется эта слепая мировая линия человечества, которая, если верить уравнениям Рагозина, нигде не начиналась и никуда не вела.

Игорек поправлялся, и я вернулся к работе, зная уже о том решении, которое было принято. Я потом расспрашивал, хотел попытаться, кому первому пришла в голову идея? Не узнал. Наверно, она носилась в воздухе и вспыхнула, будто костер, подожженный сразу со многих сторон.

Человечество должно жить. Жить спокойно, не думая о том, что завтра все может кончиться. И значит, для блага людей нужно на один-единственный раз снять запрет. Нужно завезти в Верхний Архей протобионты, встать на берегу океана и зашвырнуть капсулу в воду. Только и всего. Парадокс исчезнет, и жизнь зародится, и не будет никаких виртуальных линий и пришельцев, потому что люди все сделают сами. Вот так.

Всемирная конвенция запрещала вмешательство в прошлое,

изменить положение могла лишь другая конвенция, потому что контроль был налажен строго, и без санкции правительств девятая трех стран нельзя было сделать ничего.

От нас на совещании в Генуе был Мережницкий — наш бесменный директор. Академик и прочее. Потом, незадолго до старта, я спросил его — что он чувствовал, когда голосовал за временное снятие запрета. «Не временное, а однократное», — поправил он. Оказывается, он думал о том, какое количество протобионтов нужно будет загрузить в бункеры. Деловой человек. Будто ему уже приходилось участвовать в эксперименте по созданию человечества.

Я слышу, как Лида подходит к балконной двери, ждет, что я обернусь, — хочет подбодрить меня перед встречей с журналистами. Я не оборачиваюсь, мне предстоит другая встреча, и не могу я никого видеть. Лида тихо уходит. Обиделась. Пусть. Я должен побыть наедине с собой. Как тогда.

Да, выбрали меня. Единогласно. Мережницкий предложил и доказал. До старта оставался год, и работа была адская — по шестнадцать часов в сутки. Год. Могли бы назначить старт и через пять лет, чтобы без горячки. Но люди изнервничались, ожидая конца света, и больше ждать не могли.

В день старта город опустел. Риск был непредсказуем, ведь никто никогда не выходил в физическое прошлое. Население эвакуировали, остались только контрольные группы на ЦПУ и энергостанции. Лиду с Игорем я еще вчера вечером отвез в пансионат — лес, тишина, чистый воздух.

Я был спокоен. Никаких предчувствий. Я знал, что буду действовать на берегу Архейского океана, сотни раз повторял свои действия на тренировках, стал почти автоматом, уникальным специалистом по сбросу шестнадцати тонн протобионтов в безжизненные воды. Это было двойное количество — по расчетам, восьми тонн хватило бы для того, чтобы процесс размножения и развития пошел самопроизвольно. Перестраховка. Если создаешь жизнь на собственной планете, перестраховка необходима.

Нет, я все же нервничал. Я это понял потом, когда экраны показали мне выпукло, объемно — мощная скала нависла над узким заливчиком, вся черная, угловатая, мрачная, хотя солнце стоит почти в зените, и мне даже кажется, что пот течет по спине от жары, а океан — он такой же, как сейчас, синий-синий с чернотой у горизонта. Должно быть, прошла минута, прежде чем я перевел взгляд с экранов на приборы — нужно было поступить как раз наоборот. По приборам все было в порядке. По ощущениям тоже.

Океан грохотал. И вдруг — взрыв. Вдалеке грядой, один выше другого, будто великаны в походном строю, стояли вулканы. Все они курились, горизонт был затянут серой пеленой, и полупрозрачный этот занавес надвигался на берег. Один из вулканов — самый близкий — вскрикнул сдавленно и выбросил столб огня: казалось, что одна из голов Змея Горыныча проснулась и обозлилась на весь мир, прервавший ее сон.

Я отлепил датчики, отвязал ремни, поднялся и встал в кабине во весь рост.

Я вышел в физическое прошлое.

Стало душно. И пот действительно заструился по спине.

Я вздохнул; хотя на лице у меня была кислородная маска, мне почудилось, что и воздух, которым я дышу, из этой неживой, еще дымной атмосферы. Кислорода в ней не было. Но он появится, потому что здесь я. И появится жизнь, и будут деревья, и пшеничные поля, и дельфины будут резвиться в синей воде, и дети будут играть на площадках, посыпанных тонким пляжным песком, и будет все, что будет — жизнь на планете Земля.

Я сбежал по пандусу на берег, впервые увидел машину времени со стороны — не облепленную вспомогательными службами, без комплекса ЦПУ, только огромный конус, похожий на вулкан и сверкающий на солнце. Машина была прекрасна. Мир был прекрасен. Я опустился на колени и собрал в пригоршню песок — шершавый, с осколками камней. Я просеял его сквозь пальцы, набрал еще и заполнил один из карманов на поясе.

Потом я заполнил остальные карманы и все контейнеры — около сотни, на каждом из которых сделал соответствующую надпись. Песок в метре от берега. Песок в пяти метрах. Песок с глубины три сантиметра. Пять сантиметров. Грубый песок. Галька. Базальт. И так далее. Я работал. Три часа — столько мне было отпущено программой на сбор материала. Я был сосредоточен, но уже к концу первого часа начала болеть голова. Покалывало в висках. Со временем боль усилилась, голову будто обручем стянуло. Нервы, думал я. Перетащив контейнеры в кабину, я вернулся на берег океана — в последний раз.

Надо мной звонко щелкнуло, и на высоте шести метров из корпуса машины появилась и начала вытягиваться в сторону берега длинная телескопическая «рука». Обратный отсчет уже шел — до начала сбора осталось двадцать семь минут.

Начало смеркаться. С гор шла туча, черная, как глубокий космос. Перед ней вертелись серые облачка, они сливались и разлетались в стороны. Там, на высоте, дул порывами ветер, гнал к океану гарь, и пепел, и дождь — я видел, как между берегом и грядой, километрах в трех от меня, будто занавес упал, соединив тучу с землей, и что-то глухо зашумело. Ливень.

Сбрасывающее устройство было подготовлено, оно нависло над прибором так, что брызги долетали до ковша на конце трубы. Дохнуло ветром — будто от печи. Порыв возник и исчез. Это было предупреждение. Сейчас, вероятно, пойдет шквал. Пора возвращаться в кабину.

И тогда я услышал голос.

— Кто ты?

Я молчал. Не отвечать же самому себе. Кто я? Человек. Обыкновенный человек, делающий самое необычное в истории дело. Начинающий историю. Бог. Через миллиарды лет люди создадут бога по своему образу и подобию.

— Человек? Ты прилетел со звезд?

Это не я спрашивал! Не было в моих мыслях такого вопроса. И быть не могло.

Я резко повернулся. Камни. Пепел. Тучи все ближе.

— Ты прилетел со звезд?

Я не думал о том, реально ли это. Меня спросили — я ответил.

— Нет. Я — из будущего.

— Из будущего этой планеты? — уточнил голос.

— Этой, — сказал я. Смятение было во мне где-то глубоко, я не давал ему выхода. Все же я был профессионалом. Я был тренирован на неожиданности любого рода.

— Белковая жизнь?

— Да, — сказал я, оглядывая камни, скалы на берегу, горы на горизонте. Пусто.

— Кто говорит?

— Разум планеты.

— Какой планеты? — вопрос вырвался произвольно.

— Этой. Мысленно ты называешь ее Землей. Постарайся думать четче, с трудом понимаю.

Я споткнулся о камень и едва не упал.

— Осторожно, — сказал голос. И неожиданно я успокоился. Почему-то эта забота о моей персоне напомнила, что нужно задавать вопросы, а не только отвечать.

— С кем я говорю? Где вы? Кто? Какой разум планеты? На Земле нет жизни...

— На Земле есть жизнь. Вот уже около... миллиарда лет. Трудно читать в твоих мыслях. Будь спокоен, иначе невозможен диалог.

— Я спокоен, — сказал я.

— Значит, — голос помедлил, — в будущем здесь появится белковая жизнь. И разум.

— Да, — сказал я. Вернее, подумал, но даже мысленно услышал, как это гордо звучит.

— Я знаю, что такое белковая жизнь, — голос делал свои выводы. — За миллиард лет она появлялась не раз и быстро погибала. Развитие такой жизни невозможно.

— Невозможно, — согласился я. — Потому я здесь.

— Помолчи, — сказал голос. — Думай. О себе, о своем времени, о разуме.

Я не успел подумать. Желание понять, что в конце концов происходит, стало сильнее, чем любая связанная мысль.

— Хорошо, — сказал голос, — сначала скажу я. Я вокруг тебя. Я — разум Земли. Газовая оболочка, да еще примеси, все то, что ты мысленно назвал серой пеленой... Все это я, мое тело, мой мозг, мой разум. Если бы атмосфера Земли имела другой состав, я бы не появился. Органических соединений во мне нет. И все же я разумен. Я чувствую твое удивление. Ты многого не знаешь. Я знаю больше. О мире. О себе. О планете. И умею многое. Эти вулканы — я пробудил их, чтобы мое тело получило необходимые для жизни соединения. Океаны — я управляю их очертаниями, чтобы регулировать климат. Конечно, это длительный процесс, но я не тороплюсь. Ветры, дожди, снег — только когда я захочу. Все целесообразно на этой планете, все продуманно — и горную гряду, так поразившую тебя, воздвиг здесь я. Тебе знакомо понятие красоты. Так вот, этот мир красив... Но мне известен и космос. То, что ты называешь иными мирами. Я думал, что ты оттуда. Появление белковой жизни на Земле убьет меня.

— Почему? — спросил я.

— Ты прекрасно понимаешь, почему, — сказал голос, помедлив.

Способно ли было это... существо... испытывать страх? Было ли у него чувство самосохранения? Может, и нет, ведь, прожив миллиард лет, оно могло не думать о смерти.

Я смотрел вверх — ковш разбрасывателя уже находился в исходной позиции. Через одиннадцать минут в пучину уйдут контейнеры, и начнутся процессы, которые приведут к зарождению микроорганизмов, потом одноклеточных, рыб, животных и нас — людей. Для него это будет концом. Потому что воздух — его тело — начнет стремительно обогащаться кислородом, который его погубит.

Он погибнет, чтобы жили мы.

Нет — это я убью его, чтобы мы жили.

А как иначе?

— Да, все так, — сказал он.

— Сделай что-нибудь, — попросил я. Я хотел видеть не его — как увидеть воздух? — но хотя бы следы его работы. Хотел убедиться, что не сошел с ума.

Он понял меня.

— Смотри. Туча, которая движется к океану, повернет к берегу.

Это произошло быстро. Туча вздыбилась, вспучилась, края ее поползли вверх, загнулись вихрями, и молнии зигзагами заколотили по камням. Я видел, как в песке возникают черные воронки — такая была у молний могучая сила. И туча свернула. Понеслась в направлении берега, а между мной и вулканами во мгле появились просветы, и солнце будто очистилось, умылось не выпавшей на землю влагой и засияло, и опять был день. И до начала сброса осталось восемь минут.

Я еще мог остановить сброс, это было сложно, но я мог успеть. Пусть живет он — голос, разумная атмосфера Земли. Станный и древний разум. Ведь это его планета, его дом. Почему люди должны начинать жить с убийства? Может, поэтому были в нашем мире ужасы войн, умирающие от голода дети, чума, косившая целые народы? Может, и Чингисхан, и Гитлер были нам как проклятие за то, что я стою здесь неподвижно и тем убиваю? Почему я должен решать сразу за весь мир? За два разумных мира? Почему я должен выбирать?

Мне показалось, что я схожу с ума. Стать убийцей. Совершить грех. Первый в истории рода людского. Все начнется с меня — страдания и муки человечества.

— И счастье его тоже, — сказал голос. — Нет высшей силы, которая соединила бы нити наших жизней и мстила бы вам за мою гибель отныне и во веки веков. Возьми себя в руки. Есть два разума — я и вы. И одна среда обитания — Земля. И нужно решать.

Почему я медлю — выбор так ясен. Люди со всеми их пороками — это люди, это Игорек, это Лида, это Рагозин с его идеями и это я сам.

Две минуты до сброса.

Сейчас я был — все люди. И мог сколько угодно твердить, что не готов принимать таких решений, что это жестоко... Но я должен был решать.

Я не говорил ничего, но я знал, что решил. Я хотел сказать ему, что он создал прекрасный мир и что в этом изумительном мире есть... будет мальчик, которому нельзя не жить. И женщина, без которой этот мальчик жить не сможет. И ради них... И других? И других тоже...

Ковш раскрылся, и контейнеры полетели в пучину океана, сверкая на солнце оранжевыми гранями. Они погружались, и оболочка сразу начала растворяться, и триллионы активных микроорганизмов устремились в темноту воды, и этот миг отделил в истории Земли пустоту от жизни. Одну жизнь — от другой.

Но я все равно слышал голос. Я слышу его все время. И сейчас тоже. Я прислушивался к нему, когда удивленные Мережницкий с Манухиным расспрашивали меня о причине преждевременного возвращения. Я слышал его, когда равнодушно докладывал о выполнении задания. Я слышал его, когда молчал о том, что он был. Приборы ничего не показали, как не показали ничего при забросе Манухина.

Голос приказывал мне молчать. Он и я — мы оба не хотели, чтобы люди знали о том, как они начали жить. Люди не виноваты.

Я слышу голос, стоя на балконе. Он говорит со мной о вечности Вселенной, об иерархии разумов. Он говорит постоянно — даже во сне я слышу его. Я больше не могу молчать. Голос рвется из меня, и я понимаю, что скоро у меня не хватит сил и я начну говорить. Я не должен говорить.

Никогда.

Эрик Фрэнк РАССЕЛ

ДЬЯВОЛОГИКА

Фантастический рассказ

Художник Константин ФАДИН

Облетев планету, он внимательно осмотрел её. Без сомнения, эту планету населяли существа с высокоразвитым интеллектом. Доказательством тому были легко узнаваемые с высоты судовой вершины, переплетения железнодорожных рельсов в сортировочных пунктах, энергостанции, каменоломни, заводы, шахты, комплексы жилых строений, мосты и еще немало других свидетельств обитания на планете быстро размножающихся существ, наделенных разумом. Крайне важно было наличие космопортов. Он их насчитал три.

Глядя вниз через небольшой иллюминатор рубки, он понял, что контакт чреват опасностью. За множество столетий освоения человеком космического пространства было открыто более семисот планет, пригодных для жизни. Их обследовали. На всех обитали живые существа. Разумные — на немногих. Но до этого самого мгновения еще никто не сталкивался со столь высокоразвитой формой жизни.

Он послал бы радиogramму с подробным описанием увиденного, если бы находился в пределах досягаемости пограничного сторожевого поста. Даже теперь еще не поздно полететь обратно и через семнадцать недель оказаться в зоне, откуда его сигнал будет принят этим постом. Но в таком случае ему придется искать планету, где он сможет дозаправиться, а ведь сейчас до нее рукой подать. На этой планете, несомненно, было горючее. Быть может, они поделятся с ним.

Сейчас же запаса горючего ему хватит только на то, чтобы совершить посадку и потом вернуться на базу. Э! Синица в руках лучше журавля в небе. Он изменил направление полета, и корабль нырнул в атмосферу чужой планеты, взяв курс на самый большой космопорт из трех.

Казалось, будто они выскочили из-под земли, как это случается у людей, когда на пустынной дороге происходит автотатастрофа.

Аборигены были низкорослы — самые высокие не превышали пяти футов. Не будь этого, они походили на него, розовощекого и голубоглазого, не менее, чем монголоиды, обросшие мягкой серой шерстью.

Окружив плотным кольцом космолет, они тараторили, жестикулировали, подталкивали друг друга локтями, о чем-то спорили, пожимали плечами — словом, вели себя, как толпа зевак, собравшаяся на краю глубокой темной ямы, из которой доносятся странные звуки. Их поведение было примечательно тем, что ни один из аборигенов не выказал и тени страха, никто даже украдкой не пытался отойти подальше от космолета. Единственное, чего они опасались — это внезапного выхлопа газов из молчавших сейчас сопел реактивных двигателей.

Он вышел не сразу. Согласно Правилу № 1 перед выхо-

Публ. Eric Frank Russell «Connoisseur's S. F.», Middlesex, England, 1964.

© Перевод с английского: «Искатель».

дом необходимо проверить состав атмосферы чужой планеты. Воздух, которым дышат аборигены, вполне может оказаться для него непригодным.

Анализатору Шрибера требовалось четыре минуты, чтобы сообщить своему повелителю, может ли тот милостиво сойти до того, чтобы дышать этой смесью.

Выключив анализатор, он открыл входной люк, уселся, свесив ноги, которые теперь свободно болтались в восьмидесяти ярдах от поверхности планеты. С этого удобного наблюдательного пункта он спокойно разглядывал толпу, как человек, который может плюнуть кому-нибудь в физиономию, зная, что на ответный плевок никто не осмелится. Шестое правило дьявологии гласит: чем выше, тем недоступнее. Доказательство: тактическое преимущество чаек перед людьми.

Поскольку те, внизу, были существа разумные, они быстро оценили невыгодность своего положения. Не имея возможности вскарабкаться наверх по полированной поверхности корабля, они практически были не в состоянии добраться до пришельца. Впрочем, они жаждали приблизиться к нему, не имея при этом каких-либо враждебных намерений. Ведь желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить.

Чтобы еще больше раздражить их, он повернулся к ним боком, обхватив руками согнутую в колене ногу, и продолжал разглядывать их с видом полного превосходства. А они должны были стоять и пялить на него глаза, рискуя вывихнуть себе шею.

Чем дольше это продолжалось, тем большее нетерпение проявляли аборигены. Некоторые уже что-то кричали ему скрипучими голосами. Этим он снисходительно улыбался. Другие пытались объяснить с ним жестами. Он отвечал им тоже жестами, что отнюдь не радовало тех, кто поумнее. По какой-то непонятной причине ни одного ученого не заинтересовал вопрос, почему в любом уголке Вселенной одни и те же жесты вызывают у тех, к кому они обращены, только отрицательные эмоции. Те, кто изучал основы дьявологии, проходили курс, известный под названием «Уязвление с помощью жестов». Усвоив его, человек в любой ситуации был способен выразить свое презрительное отношение к любому инопланетянину наиболее обидным для того жестом.

Какое-то время толпа беспокойно шевелилась; аборигены покусывали серую шерсть на пальцах рук, тихо переговаривались и иногда бросали в его сторону злобные взгляды. Они по-прежнему держались вне опасной зоны, видимо, думая, что у существа, разлегшегося у входного люка, вероятно, есть напарник, который дежурит у пульта управления.

Так продолжалось до тех пор, пока не подъехало несколько неуклюжих громоздких автомашин, из которых высыпали солдаты. Вновь прибывшие, одетые в униформу цвета вывалявшейся в грязи свиньи, были вооружены дубинками и ручными пулеметами. Они построились в три ряда, повинаясь лающим звукам команды, резко повернулись направо и зашагали вперед. Толпа расступилась, пропуская их.

Они окружили корабль, отрезав его от скопища зевак.

Трое офицеров торжественно прошли по кругу и внимательно все осмотрели, соблюдая, однако, безопасную дистанцию. Потом они вернулись на исходные позиции, и, задрав головы, устремили взгляд на инопланетянина.

Старший из трех офицеров похлопал себя по тому месту, где у него, должно быть, находилось сердце, наклонился и постучал рукой по земле, а когда снова поднял глаза на сидевшего высоко над ним гостя, придал своему лицу безмятежно-миролюбивое выражение. С его запрокинутой головы слетела фуражка, и, повернувшись, чтобы ее поднять, он на нее наступил.

Как видно, это маленькое приключение доставило удовольствие тому, кто находился на восемьдесят ярдов выше — он хихикнул и свесился наружу, чтобы получше рассмотреть неуклюжего офицера. Офицер, с покрасневшим под серой шерстью лицом повторил свой призывный жест. На этот раз тот, другой, соизволил его понять. Небрежным кивком он выразил свое согласие и скрылся в корабле. Спустя несколько секунд по поверхности корабля змеей скользнула нейлоновая лестница, и нарушитель спокойствия спустился по ней с ловкостью обезьяны.

Когда он предстал перед ними, солдат и толпу любопытных поразили безволосое лицо, огромное могучее тело и то, что, насколько они могли судить, у него не было никакого оружия. Следовало ожидать, что его внешность окажется необычной. В конце концов они сами сделали несколько вылазок в космос и видели еще более диковинные формы жизни. Но какое, спрашивается, живое существо обладает таким высокоразвитым интеллектом, чтобы выстроить космолет, и вместе с тем настолько неразумно, что пренебрегает какими бы то ни было средствами защиты?

Их мышление всегда подчинялось законам логики.

Убогие недоумки.

Офицеры и не пытались завести разговор с этим экспонатом из необозримых просторов космоса. Они не обладали телепатическими способностями, а опыт, приобретенный в космических путешествиях, открыл им одну простую истину: от издаваемых ртом звуков нет никакой пользы, пока та или иная сторона не научится понимать их значение. Поэтому они жестами объяснили ему, что хотят отвезти его в город, где с ним встретятся другие аборигены, более сведущие в вопросах установления контактов. Они прекрасно объяснялись с помощью рук, что естественно для чуть ли не единственных, по их мнению, разумных существ, которым удалось открыть новые миры.

Он согласился на это с высокомерием владыки, который снисходит до общения со своими подданными, он повел себя так с первой же минуты встречи с аборигенами. Быть может, под влиянием анализатора Шрибера он немного перегибал палку. Когда охранники повели его к грузовикам, толпа расступилась снова. Он прошествовал через образовавшийся проход, одарив всех язвительным жестом № 17 — кив-

ком, которым дал понять, что признает их право на существование и уж как-нибудь вытерпит их примитивный интерес к своей персоне.

Грузовики покатали прочь, оставив позади космолет с открытой дверью и болтающейся в воздухе лестницей. Не осталось незамеченным, что пришелец не принял никаких мер, чтобы помешать им проникнуть внутрь корабля. Пусть, мол, специалисты обыскивают его и беспрепятственно воруют идеи у других мыслящих существ, которые, подобно им самим, проторили дорогу в космос.

Ни один из представителей таких высокоразвитых существ не мог быть столь преступно небрежен. Следовательно, тут и речи не было ни о какой небрежности. Отсюда логический вывод: принцип устройства корабля не стоит того, чтобы его засекречивать, ибо это устройство безнадежно устарело. Или же, напротив — позаимствовать какие-либо идеи невозможно, потому что существа, не достигшие определенного уровня развития, все равно в них не разберутся. За кого он их принимает? Уж они его проучат, тому свидетель сам Кас, владыка преисподней.

Один из младших офицеров влез по лестнице наверх, осмотрел корабль, спустился на землю и доложил, что не обнаружил больше ни одного пришельца; там не было даже ручного лансима и ни крошки съестного. Выходит, незнакомец прибыл сюда один. Эта новость облетела толпу. На аборигенов она не произвела особого впечатления. Вот если б их посетила целая флотилия боевых кораблей с десятью тысячами солдат на борту, такое они бы поняли. Ведь это была бы демонстрация военной мощи, превосходящей их собственную.

Тем временем грузовики покинули территорию космопорта, промчались миль двадцать по сельской местности и въехали в город. Здесь машина, которая шла во главе колонны, отделилась от остальных, свернула к западному предместью и наконец остановилась перед похожим на крепость зданием, окруженным высоченной стеной. Пришелец вылез из машины, и его тут же препроводили в тюремную камеру.

Здесь он тоже повел себя странно. Ему следовало бы возмутиться: никто ведь еще не объяснил ему, почему с ним так обошлись. А он вот не возмутился. Полюбовавшись на аккуратно застеленную койку, словно она являла собой предмет роскоши, предоставленный ему в знак признания его полномочий, он, как был, в одежде, в ботинках, улегся на нее, глубоко, с удовлетворением вздохнул и погрузился в сон. Рядом с его ухом висели часы, и их тиканье заменило ему неумолчное тиканье автопилота, без которого в космосе понастоящему не заснешь.

В камеру не раз заглядывали охранники, чтобы проверить, не пытается ли он потихоньку отпереть замки или распылить на атомы каким-нибудь своим, неизвестным им способом прутья решетки. Но он все храпел, отрешенный от мира, не подозревая, что тревожный озноб мало-помалу охватывает всю космическую империю.

Он еще спал, когда пришел Пэрмис, нагруженный книгами с картинками. Пэрмис уселся на стул около кровати и стал терпеливо ждать, пока от соседства со спящим не отяжелели его собственные веки, и он поймал себя на том, что мысленно прикидывает, удобно ли лежать на застеленном ковром полу. Тут он решил, что ему следует либо взяться за работу, либо улечься на пол. И он разбудил спящего, потыкав его в бок пальцем.

Они взялись за книги. «Ах — это «ахмад» — резвящийся в траве. «Ай» — это «айсид» — запаянный в стекле. «Оом — это «оом-тук» — найден на Луне. «Ухм» — это «ухмлак» — смешит толпу везде. И так далее.

Прерывая урок только для того, чтобы поесть, они заучивали слова весь день напролет и достигли немалых успехов. Пэрмис был первоклассным педагогом, пришелец — наим способнейшим учеником, который мгновенно схватывал все и ничего не забывал. В конце этого первого урока они уже могли немного побеседовать, обменяться несколькими простыми фразами.

— Меня зовут Пэрмис. А как зовут вас?

— Уэйн Гилдер.

— Два имени?

— Да.

— А как зовут вас во множественном числе?

— Землянами.

— А мы называем себя вардами.

Из-за недостатка слов разговор на этом закончился, и Пэрмис ушел. Через девять часов он вернулся в сопровождении некоего Герки, который был помоложе и специализировался на декламации — он бубнил одни и те же слова и фразы до тех пор, пока его слушателю не удавалось повторить их с безукоризненным произношением. Они занимались этим еще четыре дня с утра и до позднего вечера.

— Вы не пленник.

— Знаю, — сказал Гилдер мягко, но достаточно самоуверенно.

Пэрмис несколько растерялся.

— Откуда вам это известно?

— Вы б не осмелились посадить меня в тюрьму.

— Но почему?

— У вас недостаточно информации обо мне. Поэтому вы обучаете меня своему языку — вам ведь нужно побольше выведать у меня и как можно скорее.

Это было настолько очевидно, что крыть было нечем. Пэрмис пропустил слова Гилдера мимо ушей и промолвил:

— Вначале мне казалось, что нам потребуется девяносто дней, чтобы научить вас говорить бегло. А сейчас похоже, что хватит и двадцати.

— Если б мои соплеменники не отличались необычайной живостью ума, обучение продвигалось бы не так быстро, — заметил Гилдер.

На лице Герки отразилось беспокойство, Пэрмис смущенно заерзал.

— Нам еще не приходилось обучать вардов, — ехидно до-

бавил Гилдер. — Пока что ни один не пожаловал к нам в гости.

Пэрмис торопливо произнес:

— Мы должны продолжить наш урок. Одна высокая комиссия хочет задать вам несколько вопросов и ждет, когда вы научитесь говорить бегло и внятно. Займемся-ка повторением звукосочетания «фс», произношение которого вы еще до конца не усвоили. Поупражняйтесь на одной весьма трудной фразе. Вслушайтесь, как ее произносит Герка.

— Фсон дис фслимен фсангафс, — нараспев продекламировал Герка, терзая свою нижнюю губу.

— Фусонг дис...

— Фсон, — поправил Герка. — Фсон дис фслимен фсангафс.

— На языке цивилизованных людей это звучит лучше: «Вечерняя сырость гонит прочь комаров». Фусонг...

— Фсон! — настойчиво повторил Герка, стреляя звуками как из рогатки.

Комиссия расположилась в пышно убранном зале с полукруглыми рядами сидений, которые были установлены на десяти ступенях амфитеатра. Присутствовало четыреста аборигенов. По тому, как вокруг них увивались слуги и всякая чиновничья мелюзга, можно было заключить, что здесь собрались самые важные чины.

Так оно и было на самом деле. Четыреста аборигенов представляли политическую и военную власть планеты, возглавлявшей космическую империю из двух десятков Солнечных систем и вдвое большего количества обитаемых миров. Совсем недавно они были твердо убеждены, что являются чуть ли не творцами Вселенной. А теперь у них на этот счет возникли кое-какие сомнения.

Когда два охранника ввели Гилдера и усадили его лицом к поднимающимся вверх ступеням амфитеатра, разговоры смолкли. Варды впились глазами в пришельца. Одни смотрели на него с любопытством, другие — с недоверием, некоторые вызывающе, большинство — с откровенной неприязнью.

Усевшись поудобнее, Гилдер оглядел присутствующих с выражением человека, который, придя в зоопарк, задержался у одной из наиболее вонючих клеток. Иными словами — с легким отвращением. Он потер указательным пальцем нос и принюхался. Язвительный жест № 22 — им пользовались в присутствии многочисленного собрания инопланетян, облеченных властью, и сейчас он вызвал именно ту реакцию, на которую был рассчитан. С полдюжины наиболее воинственно настроенных аборигенов, рассвирепев, готовы были растерзать его.

Пожилой вард с покрытым шерстью нахмуренным лицом поднялся с места и, обращаясь к Гилдеру, словно продекламировал вызубренную заранее речь:

— Только особи с высокоразвитым интеллектом и мыслящие сугубо логически способны покорить космос. Поскольку не вызывает сомнений, что вы относитесь именно к такой

категории живых существ, для вас не составит труда понять нашу позицию. Само ваше присутствие здесь вынуждает нас со всей серьезностью обсудить вопрос о том, какая из взаимоисключающих категорий лучше: сотрудничество или борьба за первенство, мирное соседство или война.

— Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности, — заявил Гилдер. — Есть черный цвет и есть белый, да вдобавок еще множество оттенков перехода одного в другой. Есть слово «да» и есть слово «нет», а кроме них, всякие «если», «однако» и «быть может». Вот вам пример: «Отодвинувшись, вы могли бы стать недосыгаемыми».

Они, существа с упорядоченным мышлением, без особого удовольствия восприняли то, как он запутал нить их логических рассуждений. Не понравился им и узелок на конце этой нити — последняя фраза, в которой явно крылся какой-то намек. Пожилой абориген еще больше нахмурился, голос его стал резче.

— Вам следовало бы оценить и свое собственное положение. Вы здесь один, а нас миллионы. И какой бы силой ни обладал каждый представитель вашего племени, лично вы абсолютно беспомощны. Поэтому спрашивать будем мы, а вы — отвечать. Если б мы с вами поменялись местами, было бы наоборот. Такова логика вещей. Вы готовы ответить на наши вопросы?

— Да.

Одних такой ответ явно удивил. Другие же приуныли, не сомневаясь, что, само собой, он скажет только то, что найдет нужным, а остальную информацию утаит.

Опустившись на свой стул, пожилой абориген сделал знак варду, сидевшему слева от него. Тот встал и спросил:

— Где находится ваша базовая планета?

— Сейчас я этого не знаю.

— Не знаете? — Судя по его тону, вард предвидел, что трудности возникнут уже в самом начале допроса. — А как вы сможете вернуться на нее, если вам неизвестно, где она находится?

— Когда я окажусь в радиусе распространения радиоволн ее маяка, я поймаю сигнал и полечу в нужном направлении.

— Но разве, чтобы найти ее, вам недостаточно ваших космических карт?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она перемещается в пространстве вне зависимости от какого-нибудь крупного космического тела.

— Вы имеете в виду, что это планета, которая вырвалась за пределы своей Солнечной системы?

— Во все нет. Это база космолетов-разведчиков. Вы же наверняка знаете, что это такое, не правда ли?

— Нет, не знаю! — рявкнул вард, который вел допрос. — Объясните.

— Это небольшая искусственная планетка сферической формы. Что-то вроде пограничного сторожевого поста.

Присутствовавшие, пытаясь оценить значение полученной

информации, вполголоса заговорили между собой и шумно заерзали.

Абориген с невозмутимым видом продолжал:

— Вы назвали это пограничным сторожевым постом, но ведь такое определение ничего не говорит о координатах вашей родной планеты.

— А вы об этом не спрашивали. Вы спросили о моей базе. Я это слышал собственными ушами.

— Допустим. Так где же находится ваша родная планета?

— Без карты я не могу указать вам ее местоположение. У вас есть карты необследованных районов космоса?

— О да. — Его противник улыбнулся, с нарочитой торжественностью он достал и развернул карты. — Мы раздобыли их на вашем корабле.

— И правильно сделали, — обрадованно сказал Гилдер, отчего у всех вытянулись лица. Встав со стула, он приблизился к картам, ткнул пальцем в ту, что лежала сверху, и воскликнул: — Вот она, добрая старушка Земля! — после чего вернулся на место.

Вард посмотрел на указанную точку на карте, потом окинул взглядом присутствующих, собрался было что-то сказать, но передумал и промолчал. Достав авторучку, он сделал на карте пометку.

— Планета, которую вы называете Землей, — это она основала вашу империю и является ее центром?

— Да.

— И на ней возник ваш род?

— Да.

— А сколько таких, как вы? — твердым голосом продолжал вард.

— Этого никто не знает.

— Разве вы не ведете счет себе подобным?

— Когда-то давным-давно мы этим занимались. А в настоящее время мы слишком рассредоточены, нас разбросало по всей Вселенной. — Гилдер призадумался и добавил: — Впрочем, могу вам сообщить, что четыре миллиарда моих соплеменников обосновались на трех планетах нашей Солнечной системы. А сколько их за ее пределами — это загадка. Нас можно разделить на две группы. Одна — это пустившие корни в родной почве, другая — оторвавшиеся от нее, и сколько этих последних — сосчитать невозможно. Да они сами бы воспрепятствовали такому подсчету: а вдруг кому-нибудь придет в голову заставить их платить налог. В итоге получается четыре миллиарда плюс неизвестное число.

— Это нам ничего не говорит, — возразил вард. — Мы же не знаем число, которое следует приплюсовать.

— Мы тоже, — сказал Гилдер. — Порой нас эта неизвестность просто пугает. — Он обвел взглядом присутствующих. — Если по сей день это дополнительное число лишь иногда вызывало страх, сейчас самое время прийти от него в ужас.

Еще больше нахмурившись, вард сформулировал вопрос иначе:

— Вы сказали, что какая-то часть ваших соплеменников

обитает в других Солнечных системах. Сколько планет они освоили?

— По последним статистическим данным, семьсот четырнадцать. Но эти сведения уже устарели. Пока готовят очередной доклад, таких планет становится на восемь-десять больше.

— И вы полностью освоили такое огромное количество планет?

— А разве какую-нибудь планету можно освоить полностью? Да мы еще не добрались до ядра своей собственной, и сомневаюсь, что нам это когда-нибудь удастся. — Гилдер пожал плечами и закончил свою мысль: — Нет, мы просто разгуливаем по поверхности этих планет и слегка их при этом общипываем.

— Вы хотите сказать, что ведете на них разработки полезных ископаемых?

— Да, если такая формулировка вас больше устраивает.

— А случилось, что аборигены оказывали вам сопротивление?

— Очень незначительное, друг мой, очень незначительное.

— И что вы в таких случаях предпринимали?

— Это зависело от обстоятельств. На одних аборигенов мы просто не обращали внимания, других наказывали, третьих просвещали.

— Просвещали? — недоуменно переспросил вард.

— То есть прививали им наше мировоззрение.

Какой-то пузатый субъект, сидевший в третьем ряду, не выдержал и вскочил на ноги.

— Вы надеетесь, что и мы будем смотреть на вещи вашими глазами? — раздраженно спросил он.

— Ну, не сразу, конечно, — ответил Гилдер.

— Может, вы считаете, что мы неспо...

Пожилой абориген, который выступал первым, поднялся с места и заявил:

— Либо мы будем вести допрос по всем правилам логики, либо откажемся от него вообще. Он должен идти без отступлений: пока кто-нибудь один задает вопросы, другие не вмешиваются. — Он властно кивнул варду, который держал при себе карты: — Продолжайте, Тормин.

И Тормин продолжил допрос, затянувшийся на целых два часа. Видимо, он был экспертом-астрономом, так как все его вопросы в той или иной степени имели отношение к этой области науки. Гилдер охотно ответил на часть вопросов, а что касается остальных — сослался на свою некомпетентность.

Наконец Тормин сел и с глубокомысленным видом погрузился в изучение сделанных им пометок в блокноте. Теперь вопросы стал задавать вард по имени Грасуд, который за последние полчаса прямо-таки извертелся от нетерпения.

— Является ли ваш корабль новейшей моделью космолетов такого класса?

— Нет.

— Есть более усовершенствованные?

— Да.

— Намного ли они лучше?

— Откуда я знаю? Мне ведь еще не поручали пилотировать такой космолет.

— Не странно ли, — многозначительно проговорил Грасуд, — что нашу планету обнаружил космолет устаревшей конструкции, а не более современный?

— Нисколько. Это чистая случайность. Так сложилось, что я полетел сюда, а другие разведчики — кто на старых, кто на новых кораблях — отправились по другим маршрутам. Сколько направлений в глубинах космоса? Сколько радиусов может быть у сферического тела?

— Поскольку я не математик, мне...

— Будь вы математиком, — перебил его Гилдер, — вам было бы известно, что их число выражается цифрой 2^n . — Он обвел взглядом аудиторию и поучающим тоном добавил: — Коэффициент 2 вытекает из того легко доказуемого факта, что радиус — это половина диаметра, а 2^n — это наименьшее число, которое любого сойдет с толку.

Сбитый с толку Грасуд попытался было вникнуть в смысл сказанного, но сразу же сдался и спросил:

— Значит, этим числом определяется количество ваших кораблей-разведчиков?

— Нет. Нам ни к чему проводить разведку во всех направлениях. Эти корабли отправляются только к тем звездам, которые нам видны.

— А разве звезды не везде?

— Разумеется, везде, если рассматривать этот вопрос без учета расстояния до них. Разведчиков посылают в самые близкие, еще не исследованные Солнечные системы, тем самым сокращая до минимума число холостых полетов.

— Вы уклоняетесь от темы, — сказал Грасуд. — Сколько таких кораблей, как ваш, совершают сейчас разведывательные полеты?

— Двадцать.

— Двадцать? — Он притворился, будто утратил интерес к этому вопросу. — И только-то?

— А что, этого недостаточно? До каких же пор, по-вашему, можно использовать устаревшие модели?

— Я спрашиваю не о космолетах устаревшей конструкции. Сколько у вас действующих разведывательных кораблей вообще?

— Честно говоря, не знаю. И сомневаюсь, знает ли это кто-нибудь другой из моих соплеменников. Помимо самой Земли, у которой свои флотилии, разведывательные экспедиции в космос снаряжают и некоторые из наиболее технически развитых колоний. Более того, два-три других вида разумных существ кое-чему у нас научились и, вдохновившись нашим примером, начали осваивать космическое пространство. Поэтому подсчитать количество космолетов для нас теперь так же невозможно, как произвести перепись себе подобных.

Ни словом не возразив Гилдеру, Грасуд продолжал:

— По нашим меркам, ваш корабль не так уж велик. У вас, несомненно, есть и побольше. — Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Гилдера. — Какова величина ва-

шего самого большого космолета, если его сравнить с т м, на котором вы прилетели сюда?

— Самый большой из тех, что я видел, — это линейный космолет «Ланс». Его масса в сорок раз превышает массу моего корабля.

— Какова численность живой силы на борту?

— Членов экипажа — свыше шестисот, но в случае геобходимости этот корабль может вместить втрое большее число моих соплеменников.

— Итак, вам точно известно, что существует как минимум один космолет, который при критических обстоятельствах может взять на борт около двух тысяч ваших соплеменников, верно?

— Да.

Присутствующие снова заерзали, раздался гул приглушенных голосов. Не обращая внимания на этот шум, Грасуд, внешне полный решимости во что бы то ни стало выудить самые подробные сведения, продолжал вопрос.

— А есть у вас еще корабли такого же размера?

— Да.

— Сколько?

— К сожалению, не знаю. Если б знал, я бы сказал.

— Может, у вас даже есть космолеты размером и побольше?

— Вполне вероятно, — не стал отрицать Гилдер. — Но если такие есть, я еще ни одного не видел. Впрочем, это ничего не значит. Сколько бы ты ни прожил, а всего не увидишь. Если вы пересчитаете предметы, которые у вас перед глазами, прибавите количество тех, что вы уже видели, то останется какое-то число предметов, которые вам еще предстоит увидеть. И если на осмотр каждого из них вы потратите по секунде, потребуется...

— Меня это не интересует! — рявкнул Грасуд, боясь запутаться в непривычных для его мышления доводах пришельца.

— И напрасно, — сказал Гилдер. — Ведь если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется все то же бесконечное число. Следовательно, вы можете отнять от целого какую-то часть, а целое не станет меньше. Получается, что один пирог можно съесть дважды. Разве нет?

Грасуд шлепнулся на свое сиденье и с выражением крайнего недовольства обратился к престарелому варду:

— Я хочу получить конкретные сведения, а не выслушивать громогласное опровержение основных правил логики. Его болтовня нарушает стройный ход моих мыслей. Пусть им займется Шахдинг.

Осторожно поднявшись со стула, Шахдинг начал расспрашивать о разных видах оружия, которым располагают земляне, и способах обращения с ним. В своем вопросе он твердо держался одной линии, чтобы у землянина не возникло соблазна увести его в сторону от основной темы. Задавая вопросы, он проявил хитрость и проницательность. Гилдер отвечал свободно, без запинки и выложил все, что мог.

— Выходит, — сказал Шахдинг, подводя итог допросу, — вы отдаете предпочтение силовым полям, неким лучам, па-

рализующим центральную нервную систему, бактериологической войне, демонстрации военной мощи и бесконечным переговорам с целью убедить противника принять ваши условия. Поскольку вы в столь значительной степени пренебрегаете баллистикой, эта наука у вас наверняка отстает в развитии.

— Да она и не могла бы развиваться, — сказал Гилдер. — Поэтому мы перестали ею заниматься. По той же причине мы в свое время прекратили возню с луками и стрелами. Ни один разовый удар не может превзойти непрерывное и длительное воздействие. — И, словно с некоторым запозданием, ему в голову пришла еще одна мысль, добавил: — Во всяком случае, можно доказать, что никакая пуля не попадет в бегущего.

— Чушь! — воскликнул Шахдинг, который сам некогда дважды сумел увернуться от пуль.

— Когда пуля достигнет точки, в которой находился бегущий в момент выстрела, тот уже будет далеко впереди, — сказал Гилдер. — В этом случае пуле нужно преодолеть это дополнительное расстояние, но окажется, что там его нет — он уже убежал дальше. Она покрывает и это расстояние — и вновь его не находит. Так оно и продолжается.

— Но ведь пуля постепенно теряет пробивную силу и перестает отвечать своему назначению, — ехидно заметил Шахдинг.

— На любое расстояние, которое преодолевает пуля, уходит определенный, пусть очень малый, отрезок времени, — разъяснял Гилдер. — И даже если делить частицу времени на все уменьшающиеся доли, все равно в результате получится не ноль, а бесконечный ряд небольших отрезков времени, составляющий в сумме бесконечный временной период. Подсчитайте-ка сами, и вы поймете, что пуля не попадет в бегущего, потому что не сможет его настигнуть.

Судя по реакции присутствующих, им до сих пор никогда не приходилось выслушивать такие доводы или самим додуматься до чего-либо подобного. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы принять это утверждение за непреложный факт. Все были достаточно сообразительны и распознали в нем логическое или псевдологическое отрицание само собой разумеющегося и легко доказуемого явления.

Они сразу же стали искать слабое место в этом чуждом для них рассуждении прищельца и, обсуждая между собой этот вопрос, так расшумелись, что Шахдинг был вынужден молча ждать, пока они утихнут. Сидевшие в первом ряду амфитеатра вскочили со своих мест, опустили на колени и принялись чертить на полу диаграммы, все больше распаляясь и надрывая голоса до хрипа. Нескольких вардов в последнем, верхнем, ряду амфитеатра, казалось, вот-вот хватит удар.

Наконец пожилой вард, Шахдинг и еще двое одновременно проревели:

— Молчать!!!

Члены следственной комиссии неохотно расселись по своим местам, продолжая что-то бормотать себе под нос, жестикулировать и показывать друг другу листки бумаги с наброс-

ками схем. Шахдинг гневно взглянул на Гилдера и открыл было рот, чтобы продолжить допрос.

Опередив его, Гилдер небрежно произнес:

— Это кажется глупостью, не так ли? Но ведь может произойти все, что угодно, абсолютно все. К примеру, особь мужского пола может жениться на сестре своей вдовы.

— Нет, не может, — заявил Шахдинг, чувствуя, что в состоянии опровергнуть это, особо не мудрствуя. — Чтобы жена стала вдовой, муж должен умереть.

— Представьте себе, что особь мужского пола женится на особи женского пола и та вскоре умирает. Тогда он женится на ее сестре и умирает сам. Разве его первая жена не является в этом случае сестрой его вдовы?

— Я здесь не для того, чтобы своими хитросплетениями меня дурачил пришелец с чуждым для нас образом мышления! — выкрикнул Шахдинг. Он решительно опустил на свой стул и чуть погодя, немного успокоившись, сказал сидевшему рядом с ним варду: — Ладно, Кадина, теперь будьте любезны, займитесь им вы.

С выражением полной уверенности в себе Кадина встал и окинул властным взглядом окружающих. Ростом он был выше других вардов, одет в мундир с темно-красного цвета отделкой на рукавах. Впервые за последние полчаса все умолкли.

Удовлетворенный впечатлением, которое он произвел, Кадина повернулся к Гилдеру и заговорил; голос у него был ниже тоном и не такой скрипучий, как у тех, кто беседовал с Гилдером до него.

— Кроме кое-каких маловажных проблем, которых вы, забавы ради, коснулись и тем самым поставили в тупик моих соотечественников, — вкрадчиво начал он, — вы, не улыбая и не колеблясь, ответили на наши вопросы. Вы снабдили нас обильной информацией, весьма полезной с точки зрения военных специалистов.

— Я рад, что вы оценили это, — сказал Гилдер.

— О да, мы это ценим. И даже очень. — В улыбке Кадины было что-то зловещее. — Однако есть один вопрос, в который не мешало бы внести ясность.

— Какой же?

— Если б все было наоборот, если б какой-нибудь разведчик-вард подвергся перекрестному допросу перед собранием ваших соплеменников и так же охотно, как вы, сообщил разного рода сведения... — Кадина не закончил фразу, взгляд его стал жестким, и он прорычал: — В этом случае мы б сочли, что он предал свой народ, и приговорили бы его к смертной казни.

— Как же мне повезло, что я не вард, — сказал Гилдер.

— Рано радуетесь, — отрезал Кадина. — Смертный приговор ничего не значит только для тех, кому он уже вынесен.

— Куда вы клоните?

— Я вот думаю, а не совершили ли вы там, у себя, тягчайшее преступление и потому ищете у нас убежища? Впрочем, возможно, что вы сбежали по какой-нибудь другой причине, но, как бы там ни было, вы без малейшего колебания

предали своих соплеменников. — На его лице появилась все та же злобная улыбка. — И все-таки приятно было бы узнать, почему вы ответили на наши вопросы.

— Все очень просто, — сказал Гилдер, в свою очередь, улыбнувшись, но так, что Кадине эта улыбка не очень-то понравилась. — Дело в том, что я неисправимый лжец.

И, сказав это, он встал и смело пошел к выходу. Охранники проводили его в камеру.

Он провел в ней три дня, съедая регулярно приносимую ему пищу с раздражающим аборигенов удовольствием, развлекал себя, записывая какие-то цифры в маленький блокнот, и, казалось, так же наслаждался жизнью, как легендарный разведчик космоса по имени Ларри. На исходе третьего дня ему нанес визит какой-то незнакомый вард.

— Меня зовут Булак. Быть может, вы помните меня. В том зале, где вы отвечали на вопросы комиссии, я сидел в конце второго ряда.

— Там присутствовало четыреста ваших соплеменников, — сказал Гилдер. — Я не могу помнить каждого. — Он подвинул варду стул. — Впрочем, это не имеет значения. Присаживайтесь и поднимите для удобства ноги, если внутри этих ваших странных ботинок вообще есть ноги. Чем могу быть вам полезен?

— Сам не знаю.

— Но ведь что-то побудило вас прийти ко мне, не так ли?

Булак был сама печаль.

— Я бегу от тумана.

— Какого тумана?

— Того, который вы здесь напустили. — Он поскреб волосатое ухо, внимательно осмотрел пальцы и уставился на стену. — Главной целью комиссии было определить уровень вашего интеллекта. От этого и только от этого зависит наше отношение к контакту с другими завоевателями космоса.

— Я сделал все, чтобы помочь вам, разве нет?

— Помочь? — эхом отозвался Булак, как бы повторяя какое-то новое и непонятное для него слово. — Помочь? И вы называете это помощью? На самом-то деле допрос должен был выявить, шагнула ли ваша логика вперед по сравнению с нашей и можно ли вывести из ваших посылок более совершенные умозаключения.

— Ну и как?

— Кончилось тем, что вы попрали все законы логики. Оказывается, пуля не может никого убить! Прошло уже три дня, а пятьдесят членов комиссии все еще не пришли по этому поводу к единому мнению, а сегодня утром один из спорящих доказал, что никто не может подняться по приставной лестнице. Друзья перессорились, родственники начинают ненавидеть друг друга. Состояние остальных трехсот пятидесяти членов комиссии немногим лучше.

— А их-то что тревожит? — поинтересовался Гилдер.

— Они спорят о том, что есть истина, и едва удерживаются, чтобы не пустить в ход кулаки, — сказал Булак таким

тоном, будто был вынужден упомянуть о чем-то непристойном. — По вашим словам, вы — неисправимый лжец. Отсюда следует, что само это заявление — ложь. Тогда выходит, что вы не являетесь неисправимым лжецом. Вывод: вы можете быть неисправимым лжецом, только не будучи им. И еще — вы можете быть неисправимым лжецом только в том случае, если вы неисправимы.

— Плохо дело, — посочувствовал Гилдер.

— Чем дальше, тем хуже, — продолжал Булак, — потому что если вы и вправду неисправимый лжец — с позиции логики это заявление само себя опровергает, — то все сведения, которые вы нам сообщили, не стоят и мешка с гнилым зерном. Если же вы на допросе говорили правду, то ваше последнее утверждение, что вы лжец, тоже должно соответствовать истине. Но если вы неисправимый лжец, то все, что вы нам сказали, — ложь.

— Вздохните-ка поглубже, — посоветовал Гилдер.

— Однако, — продолжал Булак, сделав глубокий вздох, — поскольку ваше последнее заявление лживо, все остальное, сказанное вами, может оказаться правдой. — В глазах его появилось безумное выражение, и он принялся размахивать руками. — Но из-за того, что вы признаете себя неисправимым, ни одну вашу фразу нельзя счесть ни ложной, ни правдивой, потому что тщательный анализ выявляет неразрешимое противоречие, которое...

— Успокойтесь, — сказал Гилдер, похлопав его по плечу, — ведь это же естественно, когда стоящий на более высокой ступени развития приводит в замешательство того, кто еще не достиг этого уровня. Беда в том, что вы пока недостаточно развиты и мыслите несколько примитивно. — Он поколебался и таким тоном, будто решился высказать смелое предположение, добавил: — Честно говоря, меня не удивит, если я узнаю, что до сих пор вы мыслите логически.

— Во имя Великого Солнца! — воскликнул Булак. — А как еще мы можем мыслить?

— Как мы, — ответил Гилдер. — Когда ваш интеллект для этого созреет.

Он дважды обошел вдоль стен свою камеру и задумчиво произнес, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

— Кстати, в настоящее время вам не удалось бы разобраться в проблеме: «Почему это мышь, когда вертится волчком».

— Почему это мышь, когда вертится волчком? — как попугай повторил Булак, и у него отвисла челюсть.

— Или возьмем задачу полегче, которую на Земле может решить любой ребенок.

— Какую же?

— Общеизвестно, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой.

— Совершенно верно.

— А теперь представим себе, что все Северное полушарие планеты занято сушей, а все Южное — водой. Является ли Северное полушарие островом, а Южное — океаном?

Булак минут пять размышлял над этим. Потом на листке бумаги нарисовал круг, разделил его пополам, заштриховал

одну из половин и несколько минут рассматривал свой рисунок, после чего сунул эту бумагу в карман и встал.

— Некоторые из нас с удовольствием перерезали бы вам глотку, если б не опасались, что ваши соплеменники, возможно, точно знают, где вы находитесь, и способны за это покарать. Остальные охотно дали бы вам улететь и проводили бы вас с почестями, если б не боялись уронить себя в глазах существ с более низким уровнем интеллекта.

— Рано или поздно им все-таки придется принять какое-либо определенное решение, — заметил Гилдер, внешне не выказав никакого интереса к тому, какая из сторон возьмет верх в этом споре.

— А за это время, — с подавленным видом продолжал Булак, — мы осмотрели ваш космолет, который может быть космолетом устаревшей конструкции или новейшей — в зависимости от того, солгали вы или сказали правду. Мы имеем доступ ко всему, кроме двигателей и дистанционного управления, ко всему, кроме самого главного. Чтобы определить, превосходят ли они по своим параметрам наши двигатели и нашу систему дистанционного управления, нам пришлось бы разобрать ваш корабль на части, а значит, разрушить его и сделать вас пленником.

— Что же вас останавливает?

— То, что ваш прилет может быть провокацией. Если ваши соплеменники обладают значительной военной мощью и хотят развязать с нами войну, им нужен предлог. А наше дурное к вам отношение как раз и явится таким предлогом. Той искрой, которая взорвет бочку с порохом. — Он безнадежно махнул рукой. — Что можно предпринять, если приходится работать в потемках?

— Можно попробовать решить вопрос, сохранит ли зеленый лист свой цвет в беспросветном мраке.

— С меня достаточно, — заявил Булак и пошел к двери. — Более, чем достаточно. Остров или океан, а? Да не все ли равно? Пойду-ка я к Мордэфе.

С этими словами он удалился, беспокойно шевеля пальцами, а на его покрытом шерстью лице содрогался каждый волосок. После его ухода двое охранников боязливо заглянули в камеру сквозь решетку. У них был такой вид, будто им поручили присматривать за опасным маньяком.

Мордэфе пришел к нему на следующий день после полудня. Это был пожилой, тощий и какой-то очень уж морщинистый вард с не соответствующими его внешности живыми молодыми глазами. Усевшись, он внимательно оглядел Гилдера и спокойно заговорил, взвешивая каждое слово.

— Исходя из того, что доходило до моих ушей, я вывел основной закон, касающийся живых существ, которые, по нашим представлениям, наделены разумом.

— Вы его вывели умозрительно?

— А как же иначе? У меня нет другой возможности. Все живые существа, которых нам пока что удалось обнаружить на других планетах, не являются по-настоящему разумными. Некоторые из них кажутся таковыми, но это только видимость. Что касается вас, то вы, безусловно, обладаете таким

запасом знаний, который, быть может, рано или поздно накопим и мы, но это время пока не пришло. И если вдуматься, нам еще повезло, раз мы создаем, что контакт с вами — дело крайне рискованное. Не предскажешь, чем он может обернуться.

— В чем же суть этого закона?

— В том, что правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области.

— Неужели?

— К сожалению, это так. Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют иные проблемы. — Он немного помолчал. — Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всем при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. Слабое место власти в том, что неуважение к ней ее обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен.

— Хм! — Гилдер смотрел на него с возрастающим уважением. — Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа.

— Благодарю, — сказал Мордэфе. — Так вот, сам факт, что вы рискнули посадить здесь свой корабль, на котором, кроме вас, никого не было, а позже вконец заморочили головы нашим высокопоставленным деятелям, — сам этот факт указывает на то, что ваши соплеменники разработали методику поведения в подобной ситуации с учетом комплекса возможных случайностей или даже целую серию таких методик, каждая из которых применяется в зависимости от обстоятельств.

— Давайте дальше! — нетерпеливо воскликнул Гилдер.

— Такие методики разрабатываются скорей всего на основе практики, а не теоретических выкладок, — продолжал Мордэфе. — Иными словами, они — результат огромного опыта, многочисленных исправленных и учтенных ошибок, испытаний на пригодность для тех или иных условий, настойчивых попыток добиться максимального успеха при минимальных затратах сил. — Он взглянул на своего собеседника. — Ну как, прав я или нет?

— Пока придраться не к чему.

— К настоящему времени нам удалось прочно утвердить свою власть на сорока двух планетах, причем без особых трудностей, если не считать стычек с примитивными формами жизни. Однако мы можем обнаружить равного нам по силе врага на сорок третьей планете, когда она будет открыта. Кто знает? Так вот, ради того, чтобы обосновать одну идею, давайте допустим, что разумные существа заселяют одну из сорока трех обитаемых планет.

— А что нам даст эта посылка? — живо спросил Гилдер.

— Лично я полагаю, — задумчиво проговорил Мордэфе, — что для разработки правильных методик общения с разумными существами, обитающими в любой точке Вселенной, необходим опыт, который можно приобрести лишь в резуль-

тате контакта по крайней мере с шестью их разновидностями. Отсюда следует, что ваши соплеменники открыли и обследовали не менее двухсот пятидесяти планет. И это по скромному подсчету. Истинное же их число вполне может соответствовать тому, которое вы называли.

— Так, значит, я не являюсь неисправимым лжецом? — улыбнувшись, спросил Гилдер.

— Это несущественно, и наши правители, если будут еще какое-то время в здравом рассудке, придут к такому же выводу. Быть может, вы в своих интересах несколько исказили кое-какие факты и кое-что преувеличили. Если так, не в нашей власти это изменить. Вдобавок, это все равно не повлияет на истинное положение вещей, а именно: совершенно очевидно, что вы намного опередили нас в области освоения космоса. Отсюда следует, что ваш род старше нашего, обладает более развитым интеллектом и превосходит нас численно.

— Звучит достаточно логично, — признал Гилдер.

— Пощадите! — взмолился Мордэфе. — Если вы загоните меня в тупик какими-нибудь ложными выводами, я не успокоюсь, пока из него не выберусь. А это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

— Вот как! Значит, вы намерены сделать что-то полезное для меня?

— Кто-то же должен наконец принять то или иное решение, если ясно, что правительство на это неспособно. Я собираюсь посоветовать им освободить вас и отпустить на все четыре стороны, пожелав вам всех благ.

— Вы считаете, что они прислушаются к вашему совету?

— Разумеется. И вам это известно — вы же рассчитываете именно на такой исход. — Мордэфе бросил на Гилдера пронизательный взгляд. — Они ухватятся за мое предложение, чтобы вернуть чувство собственного достоинства. Если все обойдется благополучно, они присвоят себе честь такого мудрого решения. Если же нет — вся вина падет на мою голову. — Он задумался, затем с искренним любопытством спросил: — А вам случалось наблюдать подобный расклад где-нибудь еще, у других разумных существ?

— Везде одно и то же, — заверил его Гилдер. — И у всех всегда находится свой Мордэфе, который улаживает дело таким же образом, как вы. Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары.

— Хотел бы я когда-нибудь встретиться со своим двойником-инопланетянином. — Встав со стула, Мордэфе пошел к двери. — Если б я сегодня не посетил вас, как долго могли бы вы с вашей сложной психологической структурой пребывать в ожидании, не впадая в депрессию?

— До тех пор, пока в это дело не вмешался бы кто-нибудь другой вроде вас. Если никто не берет на себя эту роль добровольно, великие мира сего теряют терпение и кому-нибудь ее навязывают из среды себе подобных. Власть существует за счет пожирания собственных внутренностей.

— Это уже похоже на парадокс, — с легким укором заметил Мордэфе и ушел.

Гилдер стоял, глядя сквозь решетку, которая закрывала верхнюю половину двери. Два охранника, прислонившись к стене напротив его камеры, не спускали с него глаз.

Обращаясь к ним, он произнес шутливо-добродушным тоном:

— Ни у какой кошки нет восьми хвостов. У любой кошки на один хвост больше, чем у кошки несуществующей. Поэтому у каждой из них по девять хвостов.

Охранники сердито насупились.

К космолету он прибыл в сопровождении внушительного эскорта. Зрелище было впечатляющее: присутствовали все четыреста членов правительственной комиссии, около ста из них были в роскошных парадных мундирах, остальные — в своих лучших праздничных одеяниях. Вооруженный конвой под лай команды прожонглировал винтовками. Кадина елейным голосом произнес речь, заверив Гилдера в братской любви и яркими красками расписав, какое их всех ждет лучезарное будущее. Кто-то преподнес ему букет дурно пахнущих растений, и Гилдер про себя отметил, что люди и варды воспринимают один и тот же запах по-разному.

Поднявшись по нейлоновой лестнице на корабль, он посмотрел вниз с высоты в восемьдесят ярдов. Кадина все еще махал ему на прощанье рукой. Гилдер высморкался в носовой платок — язвительный жест № 9, задраил люк и уселся в кресло перед пультом управления.

Из сопел с глухим рокотом вырвалось пламя. Струя пара, ударив в землю, осыпала толпу провожающих комьями грязи. Это получилось случайно, не по инструкции. «А жаль, — подумал он. — В инструкции должно быть предусмотрено все. Такого рода вещи мы обязаны систематизировать. Грязевой ливень необходимо упомянуть в разделе, посвященном прощанию космонавта с аборигенами».

Корабль с ревом взмыл в небо, оставив позади планету вардов. Когда космолет вырвался из гравитационного поля этой Солнечной системы, Гилдер взял курс на тот сектор, где можно было поймать волну радиомаяка, и включил автопилот.

Какое-то время он неподвижно сидел, вперив взгляд в усыпанную блестящими звездами непроглядную тьму. Потом сделал запись в бортовом журнале.

«Куб К-49, сектор 10, Солнце класса Д7, третья планета. Название — Вард. Аборигены именуют себя вардами; уровень интеллекта по космической шкале — ВВ; осваивают космос, имеют колонии на сорока двух планетах. Примечание: до некоторой степени укрощены».

Он взглянул на свою маленькую полку с книгами, прикрепленную к стальной переборке. Не хватало двух томов. Варды украли книги, в которых было много всевозможных иллюстраций и диаграмм. Остальные они не тронули — у них ведь

не было Розеттского Камня, который помог бы им расшифровать текст. Они и не прикоснулись к стоявшей на самом виду книге, озаглавленной: «Дьявология — наука об одурачивании существ, наделенных разумом».

Вздохнув, Гилдер вынул из ящика лист бумаги и в сотый, двухсотый, а может, и в трехсотый раз попытался вывести некую формулу с числом «Алеф», в которой оно было бы больше А, но меньше С. Он так взъерошил себе пальцами волосы, что вскоре они уже торчали вихрами во все стороны, а сам он, того не ведая, не очень-то походил на человека с уравновешенной психикой.

Перевела с английского Светлана ВАСИЛЬЕВА

На I, IV страницах обложки рисунки Юрия МАКАРОВА к повести «ВЕСЬЕГОНСКАЯ ВОЛЧИЦА».

На II странице обложки рисунок Геннадия ФИЛАТОВА к фантастическому рассказу «И УСЛЫШАЛ ГОЛОС».

На III странице обложки рисунок Константина ФАДИНА к фантастическому рассказу «ДЬЯВОЛОГИКА».

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и Е. КУЗЬМИНА

Редактор выпуска С. БЕЛОЗЕРОВ

Художественный редактор В. КУХАРУК

Технический редактор О. БОЙКО

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 12.03.87. Подписано в печать 15.04.87. А01013.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 280 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 72.**

© «Искатель», 1987 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Сушчевская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

БОРИС ВОРОБЬЕВ

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ

Цена 60 коп.

